

АЛЕКСАНДРЪ

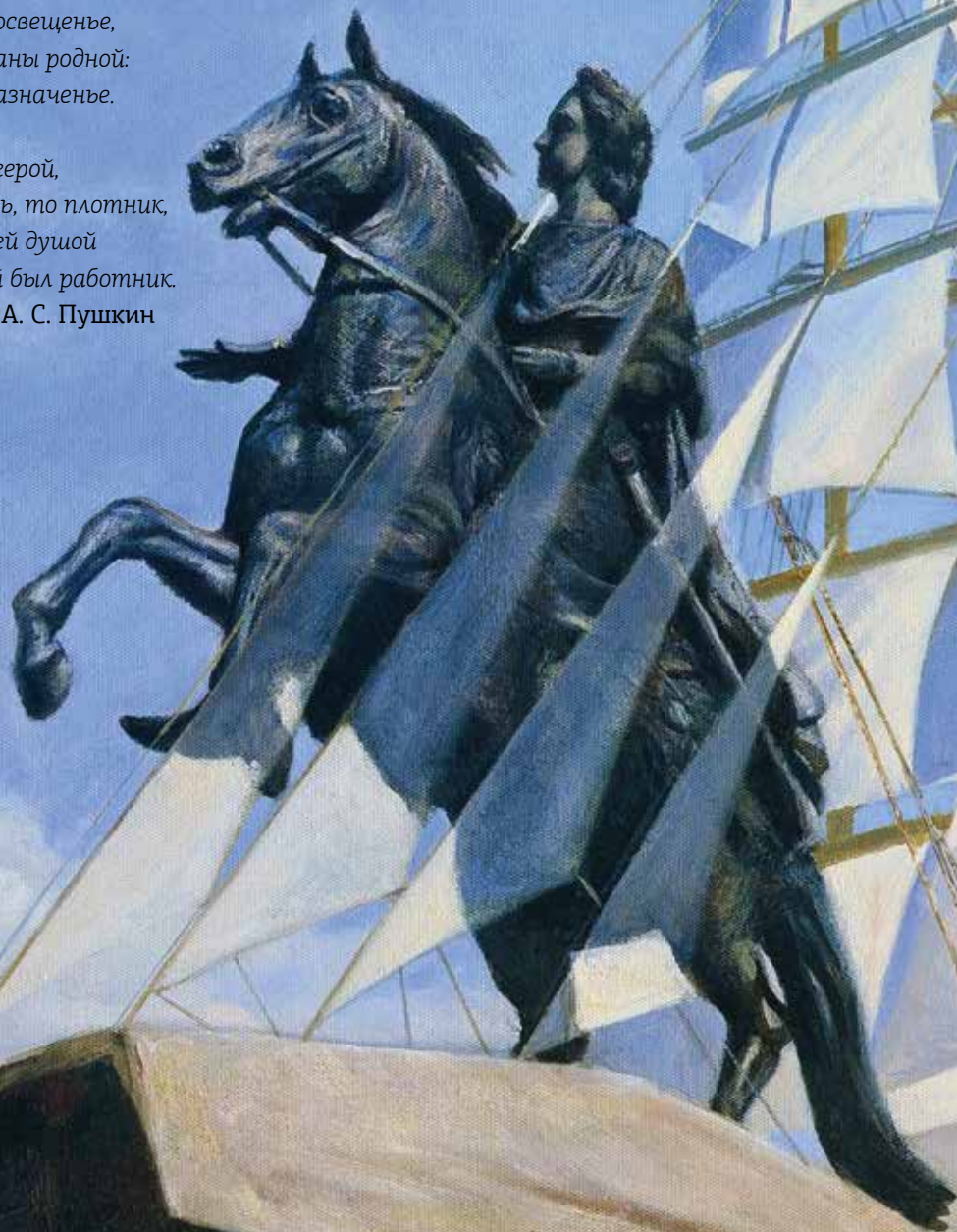

ISSN 2542-0135

литературно-исторический журнал
№ 9 (72) сентябрь, 2022

*Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещение,
Не презирал страны родной:
Он знал ее предназначенье.*

*То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.*
А. С. Пушкин

PETRO PRIME
CATHARINA SECUNDA
MDCCCLXXXII

S. Nikas

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Рад представить вашему вниманию сентябрьский номер литературно-исторического журнала «Александръ», посвящённый людям труда, учёным, связавшим свою жизнь с аграрными науками. Это совершенно не случайно, так как осень – время собирать урожай, подводить определённые итоги и прославить людей, работающих на земле и кормящих нашу великую Россию.

Много профессий есть в мире, и среди них есть одна – самая лучшая и самая полезная для души человека. Так говорил об этой профессии выдающийся святой проповедник Иоанн Златоуст. *«Не будем осуждать труд, не будем пренебрегать работою, потому что от них мы получаем ещё прежде Царствия Небесного величайшую награду – сопровождающее их удовольствие... но что ещё важнее удовольствия – самое цветущее здоровье».* «...Бог наложил на человека труд не в наказание и мучение, но для вразумления и научения его». Занятие трудом Иоанн Златоуст назвал земледелием.

В наше время, к сожалению, престиж труда упал, а особенно у молодёжи России. Редакция «Александра» этим номером делает попытку устранить эту несправедливость и рассказать о достойных людях – героях нашего времени, людях труда.

Анатолий ТРУБА,
директор – главный редактор

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Агрономия в России, как и в других странах, прошла длительный путь развития. В древнерусских литературных памятниках содержались некоторые сведения о приёмах ведения сельского хозяйства. Сохранились также разрозненные записи по вопросам сельского хозяйства, имевшие практический характер. В первой половине XVIII века в России появились переводные руководства по сельскому хозяйству и домоводству.

Большая роль в становлении отечественной агрономии принадлежит Михаилу Ломоносову, который в своих трудах развивал прогрессивные агрономические идеи, настойчиво добивался развития агрокультуры, постановки опытов, изучения сельского хозяйства России. Это яркий пример симбиоза литератора и учёного.

Без привлечения русских писателей к проблемам развития сельского хозяйства, популяризации труда крестьянина, работника на селе, особенно без привлечения молодёжи в село, будущее развитие России очень осложняется.

Особую боль у меня вызывает состояние отечественного семеноводства овоще-бахчевых культур. Стоит признать, что в нынешней России практически не осталось профессиональных производителей семян овоще-бахчевых культур, у которых было бы современное материальное обеспечение и применялись бы индустриальные технологии семеноводства.

Развивать отечественное семеноводство нужно как в целом по овощеводству, так и по конкретным культурам. Последнее нужно ещё и потому, что у каждой культуры будет своя зона семеноводства, которая определяется её требованиями к почвенно-климатическим условиям.

Для решения этих проблем и нужны сегодняшние Ломоносовы – писатели и учёные, способные возродить заново сельское хозяйство и прославить крестьянский труд.

Виктор ПИВОВАРОВ,
академик РАН,
научный руководитель ФГБНУ «ФНЦ овощеводства»

СЛАВЯНСКИЙ ФОРУМ ИСКУССТВ
ЗОЛОТОЙ ВЕК

Журнал издан за счёт благотворительной помощи, оказанной Фондом
«Рассказовский» и директором ФГБНУ «ФНЦ садоводства»
Иваном Михайловичем Куликовым

Литературно-исторический журнал «Александръ» включён в список изданий, выходящих при содействии Союза писателей России.

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,

секретарь Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Шеф-редактор – А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ.

Редколлегия:

В. С. Аршанский (Мичуринск), почётный гражданин Тамбовской области, член СПР, заслуженный работник культуры;

Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), председатель правления Союза писателей России;

Г. В. ИВАНОВ (Москва), поэт, первый секретарь Союза писателей России;

В. В. БЕРЕЗОВСКИЙ (Москва), директор Центра «Святые Лавры Руси Православной»;

Т. Н. ВОРОНИНА (Екатеринбург), народная артистка России, артистка Свердловской государственной филармонии, создатель и руководитель «Театра Слова», член Союза писателей России;

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

И. М. КУЛИКОВ (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член Гильдии театральных менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;

Никас САФРОНОВ (Москва), заслуженный художник РФ, академик Российской академии художеств, профессор, член Союза писателей России;

С. А. ТРАХИМЁНОК (Минск), доктор юридических наук, профессор, член Союза писателей России, член Союза писателей Беларуси;

А. Н. ЧУМИКОВ (Москва), генеральный директор агентства «Международный пресс-клуб», гл. н. с. ФНИСЦ РАН, доктор политических наук, профессор.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан). Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчётливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 9 (72), сентябрь 2022 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Дизайн, вёрстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 01.09.2022 г.

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 119146, Москва, Комсомольский проспект, 13, Союз писателей России.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 12 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60х90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в типографии Book Jet:

390005, г. Рязань, ул. Пушкина, д. 18

Сайт: <http://bookjet.ru>, почта: info@bookjet.ru

Тел. +7 (4912) 466-151

ISSN 2542-0135

В журнале использованы рисунки и фотографии из свободного доступа интернета

В НОМЕРЕ:

ЮБИЛЕЙ

- 6** Юрий Лысенко.
Гимн академика Пивоварова

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

- 11** Анатолий Арестов.
Степная родина
- 13** Татьяна Грибанова

БИБЛЕЙСКОЕ

- 16** Кирилл Труба.
Смоковница Закхея

ПОЭТИЧЕСКИЙ БЛОКНОТ

- 24** Любовь Турбина
- 26** Евгений Харитонов
- 29** Илья Криштул

ИСТОРИЯ РОССИИ

- 32** Юрий Плугатарь.
Никитский сад

ЛИРИКА

- 47** Валерий Мазманян
- 51** Юрий Богомолов

ИСКУССТВО

- 55** Владимир Кузнецов.
И снова – «Россия, здравствуй!» –
в девятый раз

ГОСУДАРСТВО РОССИЙСКОЕ

- 66** Вадим Кулинченко.
Пётр I на хуторе Гостином

- 70** Нина Махнева.
Пётр Первый и модернизация
образования в России

ДУХОВНЫЕ ЗЁРНА

- Александр Балтин.**
- 71** Вера и наука
- 74** Поэт сада Иван Мичурин

НАРОДНЫЕ ТАЛАНТЫ

- 75** Александр Сергеев.
Селекционер

ДУШЕВНОЕ

- 81** Николай Денкевиц

ЖИТЕЙСКОЕ

- 84** Николай Полотнянко.
Шесть лет мне...

ДЕБЮТ

- 90** Елизавета Мартынова.
Нам только слово остаётся...

ГИМН АКАДЕМИКА ПИВОВАРОВА

Академику РАН, научному руководителю ФГБНУ «Федеральный научный центр овощеводства», лауреату Государственной премии и премий Правительства РФ в области науки и техники Виктору Фёдоровичу Пивоварову 18 апреля 2022 года исполнилось 80 лет.

Даже не верится, настолько стремителен полёт времени! Кажется, всё это было только вчера, когда лыжный спорт свёл меня, студента агрономического факультета Пензенского СХИ, в 1962 году с неординарными людьми – Виктором Пивоваровым, Виктором Никулышиным, Фёдором Немцевым, Николаем Новичковым.

1962–1964 годы в нашей жизни были насыщены учёбой и спортом. После лыжных тренировок мы спешили в плавательный бассейн или в спортивный зал, где продолжали совершенствовать своё спортивное мастерство, выясняя между собой отношения в результатах. Одержимые учёбой, увлекающиеся различными видами спорта, члены сборной института по лыжам, молодые, задорные – нам вместе всег-

да было безумно весело и интересно. А душой нашей компании всегда был и по-прежнему остаётся Виктор Пивоваров.

Контингент студентов того времени в основном состоял из ребят, отслуживших армию, в полной мере вкусивших все тяготы голодного и холодного военного и послевоенного детства, тяжёлой сельской жизни и армейской службы. Поэтому каждый из нас, парней из сельской глубинки, оказавшись у источника науки, навёрстывал недостаток знаний и самозабвенно стремился к покорению новых вершин.

В студенческие годы Виктору и нам, его сокурсникам, повезло на учителей. В сельскохозяйственном институте сложился высокопрофессиональный преподавательский кол-

лектив. Непререкаемым авторитетом был для нас декан агрофака И. М. Зурилин, заведующие кафедрами: химии – М. А. Этингер, почвоведения – К. А. Кузнецов, земледелия – Р. Ф. Дюков, селекционер А. И. Помогаева, специалист по защите сельскохозяйственных культур К. И. Нагорнов, преподаватель кафедры механизации Б. И. Широков и многие другие. Эти исключительно талантливые, высокопрофессиональные педагоги и учёные, настоящие профессионалы своего дела, полностью отдавали себя научно-педагогической работе, и мы, студенты, благодарны им до сих пор.

Особое место в ряду этих славных имён занимал в то время ректор института профессор Г. В. Гуляев. На наших глазах благодаря его организаторскому таланту руководителя и учёного менялся облик института и учебно-опытного хозяйства, улучшалась материально-техническая база, были значительно расширены исследовательские работы на полях учхоза, усилилась работа по внедрению разработок в сельскохозяйственные предприятия области. Он привлекал нас к себе блестящей эрудицией, оригинальным, захватывающим чтением лекций, смелыми по тем временам выступлениями на тему роли генетики в селекции и семеноводстве сельскохозяйственных культур. Его можно было слушать без усталости.

Спустя 30 лет в Москве учителю – академику Г. В. Гуляеву – и ученику – академику В. Ф. Пивоварову – суждено было вновь встретиться в качестве руководителей крупнейших научно-исследовательских институтов России. Но это всё было впереди.

В 1964 году закончились счастливые, голодные студенческие годы. Мы расставались под звуки мелодии, которую Виктор Пивоваров наигрывал на своём стареньком баяне: «Выбрав свой путь, не позабудь дружбу студенческих дней...» Эта песня так и осталась для всех нас гимном на последующие годы. А его исполнитель, как никто из нас, остаётся верен призывам этого гимна!

Путь Виктора Фёдоровича от первых научных статей об особенностях развития мучнистой росы огурцов до солидных монографий «Овощи

России», «Селекция и семеноводство овощных культур» и патентов на новые сорта – это путь научных открытий, полный творческого поиска и горения. Число опубликованных им печатных трудов определяется сотнями. Среди них много книг. При этом большая часть его трудов является обобщением ценнейших материалов по широкому кругу вопросов выращивания овощных культур за сорок лет работы во ВНИИССОК.

Чем крупнее учёный, масштабнее его творчество, самобытнее талант, противоречивее эпоха со сменой строя, уклада жизни, тем труднее нам, его современникам, друзьям, оценить истинный вклад его в развитие науки, раскрыть все грани его дарования, о котором можно сказать словами Сергея Есенина: «Лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстоянии».

Дорогой друг, многоуважаемый коллега Виктор Фёдорович, твой ум, твоя душа никогда не знала покоя, ты никогда не давал себе передышки. За какое бы дело ни брался, всё у тебя получалось талантливо и основательно. Немногим учёным достаётся удел видеть воплощёнными в жизнь результаты своего многолетнего, упорного, неустанного труда.

В очередной раз посещая ВНИИССОК, испытываешь не просто восторг, а ощущаешь какое-то потрясение от увиденного и услышанного. Величие во всём – в блеске содержания здания научного учреждения и прилегающей территории, в оснащении научных подразделений самыми современными приборами и оборудованием, в признании огромных заслуг учёных данного института, которым суждено было в числе первых создавать это уникальное научное учреждение, и их последователей. Воздвигнут памятник первому директору Грибовской овощной селекционной опытной станции профессору Сергею Ивановичу Жегалову.

Тонкий психолог, за эти годы В. Ф. Пивоваров сумел создать на удивление работоспособный, творческий коллектив. Его институт стал настоящим образцом научного обеспечения агропромышленного комплекса России, а его ученики работают во всех концах бескрайней России, в ближнем и дальнем зарубежье. И

всего этого Виктор Фёдорович, в прошлом паренёк из глубинки, добился сам, своим трудом, потом и кровью.

А ещё Виктор Фёдорович – прекрасный семьянин. Мне на протяжении всей нашей полувековой дружбы часто приходилось, находясь в кругу его семьи, восхищаться нежным отношением его к жене, Нине Николаевне, и детям, Наташе и Алёше. Я ни разу не слышал с его стороны назиданий, окриков, не говоря уж о грубости. Безграничная родительская любовь к детям, а затем и к внукам, Диме и Катье, взаимное уважение, одинаковое понимание смысла жизни были и остаются основой их семейного счастья. Нина Николаевна не только любящая жена, прекрасная мать и бабушка, но и умная советчица и спутница жизни. Все эти годы она принимает самое активное участие в работе коллектива института. На неё, как на старшего научного сотрудника сектора координации НИР ВНИИССОК, возложены обязанности по международным проектам и связям с зарубежными странами. Многочисленные успешно проведённые симпозиумы, конференции, семинары, совещания и другие мероприятия

на самом высоком уровне во ВНИИССОК – это и её заслуга. А она при этом всегда остаётся скромной и незаметной.

Перемены, произошедшие в России в конце XX – начале XXI века, по-разному повлияли на судьбы людей. Межличностные отношения стали прагматичными. Мы часто слышим красивые и многообещающие слова, но когда доходит до дела – оказать помощь, разделить радость, подсказать выход из сложного положения, – всё чаще мы остаёмся одни со своими проблемами. Поэтому отрадно жить и осознавать, что тебе повезло с таким другом, которого не изменило ни время, ни положение. Когда рядом такой Человек, легче идти по жизни и вершить добрые дела.

На протяжении всех лет нашей дружбы меня искренне трогает забота и интерес Виктора Фёдоровича не только к моей личной жизни, но и жизни моей семьи. С чувством великой благодарности в канун восьмидесятилетия я низко склоняю голову и хочу сказать ему огромное человеческое спасибо за то, что, где бы я ни был, кем бы ни работал, какие бы трудности ни встречались на моём жизненном пути, он всегда оказывал мне неоценимую помощь.

Так было, когда возглавляемому мной крупнейшему хозяйству – совхозу «Оленевский» – было поручено кроме обеспечения населения г. Пензы картофелем заниматься овощеводством на «голом месте». А задачи были поставлены немалые – выращивать на 80 га капусту, 50 га – столовую свёклу, 20 га – морковь и 10 га – другие овощные культуры. Личная помощь В. Ф. Пивоварова, помощь его коллег позволила нам успешно справиться с этой нелёгкой задачей. Так было, когда я вы-

возложили местные органы и руководство отделения ВАСХНИЛ, Виктор Фёдорович как мог успокаивал меня и, оставив свои дела, на собственной машине отправился сопроводить к месту нового назначения. А во время дальней дороги щедро делился своим опытом работы в науке. С момента той памятной встречи прошло более 25 лет, но и сегодня я с великой благодарностью не только вспоминаю те искренние пожелания, но до сих пор руководствуюсь ими в повседневной жизни.

ходил на защиту кандидатской диссертации и со всей своей семьёй приехал к нему в Лесной городок, он окружил нас теплом и заботой. Так было и тогда, когда в один из августовских дней 1986 года мне, председателю РАПО Пачелмского района, предложили возглавить государственную областную сельскохозяйственную опытную станцию. От неожиданности волнение перехлёстывало через край. Видя моё душевное состояние и понимая, какую огромную ответственность на меня, производственника, ни одного дня не работавшего в науке,

Активная позиция и увлекательный, основанный на фактах и примерах рассказ академика о научных школах выдающихся учёных П. Ф. Сокола, А. В. Алпатьева, О. В. Юриной, И. И. Ершова и многих других по-особому взволновал меня. Признаться, с того момента хотелось быть хоть чуточку похожим на каждого из них.

В конце 2006 года я держал самый главный экзамен – защищал докторскую диссертацию. И вновь Виктор Фёдорович в эти самые трудные минуты жизни был рядом, вселяя в меня уверенность и спокойствие.

Эти события шестилетней давности неизбежны не только по причине «моего научного роста». Это был мой отчёт перед друзьями-олимпийцами о здоровом и творческом образе жизни, примером которого в самом высочайшем смысле был и остаётся для нас академик Пивоваров.

Мне посчастливилось несколько лет поработать в качестве начальника управления сельского хозяйства на его малой родине – в Пачелме, исколесив этот район вдоль и поперёк. Когда Бог делил красоты земли, он щедро наградил Пачелмский край, недаром в народе его называют малой Швейцарией. Это земля бесконечного множества перелесков со смешанными породами лесов и полей, расположенных по склонам небольших холмов. В долинах на поверхность выходит большое количество журчащих активных родничков с очень холодной водой, дающих начало озерам и небольшим речушкам, растекающимся во все стороны света.

В этом благодатном краю родители, Нина Евсеевна и Фёдор Тимофеевич, подарили жизнь будущему академику, наделив его талантом, скромностью, обаянием, необычайным трудолюбием и порядочностью. Эти качества во многом определили жизнь Виктора, позволили ему занять место в созвездии лучших умов России.

В годы работы, встречаясь с Ниной Евсеевной, я видел, как она по-особому, по-матерински, без лишних слов нежно радовалась успехам сына, хотя, конечно, и не понимала всего масштаба его научного подвига. Гордился бы сыном и отец, Фёдор Тимофеевич, думаю, он даже в самых смелых мечтах не надеялся, что его дети смогут так «выбиться в люди». Старшая дочь Галина со школьных лет и до сих пор покоряет своим неповторимым голосом огромные аудитории. Озорной сын Виктор, окончивший семь классов средней школы, ставивший под сомнение дальнейшую учёбу, стал крупнейшим учёным-аграрником страны, академиком, удостоен звания лауреата Государственной премии в области науки и техники РФ, награждён орденом Почёта и многими другими званиями и наградами.

Каждая встреча с Виктором Фёдоровичем на Пензенской земле – это всегда особый и неповторимо красивый праздник единения дру-

зей шестидесяти годов. На память невольно приходят слова из песни: «Жизнь пронеслась, как сверкающий бал...» Нам всем далеко за шестьдесят, а отдельным и за семьдесят лет. Но каждый из нас при встрече с В. Ф. Пивоваровым получает заряд энергии, силы, уверенности в себе, какой-то необыкновенной теплоты и вдохновения, излучаемых от нашего вожака – лидера. И при этом, как и в молодые годы, мы незаметно для себя сплываем в единую команду олимпийцев-единомышленников.

Зори вечерние и утренние малой родины запали в душу Виктору. Не помню ни одной нашей встречи, чтобы он не попросил своего земляка, Николая Григорьевича Новичкова, уникального, разностороннего музыканта, сыграть на баяне и спеть песню «Зорька алая». И не было случая, чтобы он сам, в свою очередь, обладая отличным слухом и хорошим голосом, не подхватил: «Через сотню лет, через тысячу, не покинь меня, не покинь меня, не покинь...» Только в эти минуты вроде бы за внешней простотой открывается его целостная, могучая, сильная натура, способная до конца проникнуть в глубины философии жизни.

Я часто ловлю себя на мысли, откуда берутся силы у этого человека! После выполнения насыщенных до предела обязанностей директора, бесконечного множества всякого рода мероприятий он ежедневно, независимо от погоды, выходит на тропу здоровья и преодолевает расстояние в шесть-семь километров. Даже находясь в больнице, не изменяет этому правилу. Не скрою, много раз пытался следовать этому примеру, но каждый раз находились какие-то «уважительные» причины, когда я в очередной раз оправдывал себя за срыв. Да, дорогой друг, тяжело быть похожим на тебя, а как бы хотелось!

Альберт Эйнштейн писал: «Жизнь – как вождение велосипеда. Чтобы сохранить равновесие, ты должен двигаться».

Юрий ЛЫСЕНКО,

доктор сельскохозяйственных наук, заведующий лабораторией картофелеводства Пензенского НИИСХ, заслуженный работник сельского хозяйства РФ

Степная родина

Анатолий АРЕСТОВ

ЕДИНЕНИЕ

Небо. Степь. Стоишь в тревоге.
Только шёпот трав земных
Правит мысли. Мысль о Боге
Здесь в соцветьях семенных

Прорастает жизнью новой,
Смертью старой – серый дёрн...
Жёлтый месяц бьёт подковой
В лужу с неба. Колкий тёрн

Распластался в чуждых далях,
В лужу к небу бросил лист.
Жизнь сложна, проста в деталях –
Понимаешь... Лёгкий свист –

Ветра возглас, глас скорбящий –
Шёпот трав земных в степи –
Всё поёт душе болящей:
«Ты любовью претерпи...»

КРЕСТЬЯНСКОЕ ПРОШЕНИЕ

Соха увязла в жирной глине,
Крестьянин вымолвил: «Спаси!» –
Пронёсся возглас по равнине
Студёной болью. «Здесь паси

Свою лошадку!» – крикнул барин,
Махнул кнутом и двинул в путь
На тройке резвой, а крестьянин,
Убитый горем, повернуть

Пытался пласт землицы бедной,
Не давшей сизнова зерно.
В разрез рубахи крестик медный
Наружу выбился – темно

От мыслей горьких о судьбине
В мужичьей стало голове.
Он нёс Россию на горбине!
Он сам России во главе

Всегда стоял, но царь не видел!
Да что там царь... Ему б земли...
Он никого бы не обидел,
При нём сады бы расцвели!

Он накормил бы всех страдальцев:
Бояр, купцов, царей, цариц...
Земли дородной пару пальцев
Он попросил, упавши ниц:

«Чтоб чернозёма сверху малость –
Пробиться в небо хоть ростку.
На глине лошадь лишь в усталость
Себе работает. Глотку

Воды холодной просто рада,
Остатком гривы, вишь, трясёт!
Господь, мой Бог, моя отрада,
Скажи – пусть Матушка спасёт

Под небом нас, крестьян-скитальцев.
Бери хоть что, даруй покров –
Земли дородной пару пальцев,
Чтоб чернозёма... Для ростков...»

* * *

Одиночество степное
С сердцевинной полевой
До безумия родное,
Хоть и вижу не впервой

Растрепавшиеся травы,
Заклеймённые дождём, –
Для души моей оправа,
Чистой радости подъём

Из цветов, ранимо-нежных
И страдальчески простых,
А зимою в даях снежных,
Забелённых и густых,

От снегов, с небес валящих,
Одиночество грустней.
В проводах, над ней гудящих,
Ветер плачет. Хоть убей,

Дай увидеть степь шальную,
Степь резную,
Степь больную
По-осеннему, в хандре...

СТЕПЬ ЗАДУШЕВНАЯ

Загулял в степном раздолье
С непокрытой головой,
Угощала хлебом с солью
И с российской слезой

Задремавшая в полыни
И в остистом ковыле,
Посеревшая отныне,
Вся в печали о селе,

Задушевная, святая
Степь с краюхой и водой.
Там поля у гор Алтая
Колосятся. Боже мой!

Как волна бежит по полю,
Как белеют облака!
Затуманенной, слепую
Упирается в бока

Гор гранитных, каменистых,
Безупречных в высоте,
Степь цветная в росах чистых
Заблестит и в красоте

Не уступит небу места!
Соглашается со мной
Непорочная невеста –
Степь России дорогой...

Анатолий АРЕСТОВ

Родился в 1985 году в г. Рубцовске Алтайского края. Учился на агрономическом факультете Пензенской государственной сельскохозяйственной академии. Публиковался в журналах «Юность», «Приокские зори», «Традиции & Авангард», «Дарьял», «Сура», «Северо-Муйские огни», «Сибирский Парнас», «Сибирь», «Р. S.», «Ротонда», «Невский альманах», «Голос эпохи»; газетах «Литературный Крым», «Слово»; на сайтах «День литературы», «Литературная газета», «Белая скала» и др. Автор книги в двух частях «В потоке поэзии».

Татьяна ГРИБАНОВА

Родилась на Орловщине. Окончила факультет иностранных языков Орловского госуниверситета. Работала преподавателем иностранного языка. Автор 13 книг поэзии и прозы.

Председатель Творческого совета по защите родной природы при правлении СПР. Печаталась во множестве литературных журналов, среди них: «Наши современники», «Родная Ладога», роман-журнал «XXI век», «Молодая гвардия», «Московский вестник», «Огни Кузбасса» «Подъём», «Простор», «Берега», «Великороссь», «Лик», «Славянин», «Странник», «Эхо России», «Дон новый»; «Волга XXI век», «Немига новая».

Лауреат ряда литературных премий, среди них премия А. Фета, Е. Носова, А. Платонова, А. Фатьянова, «Вешние воды» и др.

Награждена золотой медалью В. Шукшина.

Цикадами ночь стрекотала в анисовых ситцах,
Пыльцою подлунной кропила цветы в палисаде.
И явственно так, словно мне это вовсе не снится,
От поступи чьей-то скрипели в доме половицы,
И глаз не смыкал Чудотворец в старинном окладе.

Черствеет душа, остывает в разлуке с природой...
Моя ль в том вина или век наш бездушный повинен?
Нехожены стёжки – и в сердце скулит непогода.
И саднит печаль, став мучительной раной за годы, –
Совсем истончилась сакральная связь-пуповина.

Опять закипают в родимых долинах анисы,
К полудню завит палисадник златой повителью,
Над поймой двух радуг цветастых легли коромысла,
В берёзовых кронах умытое солнце повисло
Опять без меня... Без меня здесь рождались, старели...

А ночь напролёт от любви изнывали цикады,
И спать – хоть убей! – не давали в доме половицы.
И я! Это я! Приглядишь: вдоль вишнёвого сада
Чуть свет, по заре – даже росы ещё не обмяты –
В косынке белёсой иду за водой на криницу.

А после Троицы хлынуло лето –
Божья на мир снизошла благодать!
Снова в лугах, щедро залитых светом,
Скирд новолетних несчётная рать.

Вот за рекой, ни далёко, ни близко,
Загромыхало, и сотнями риз
Дождик грибной, светозарно-лучистый,
В роще берёзовой с веток повис.

Тихою радостью, горним елеем
Душу мою он кропит и кропит.
Отче Всещедрый! Пускай не скудеет
Дней золотых этих вечная нить.

Радуг цветастых взошли полукружья –
Нимб осиянный над крышами сёл.
– Сердце! Ну что тебе, мытарю, нужно?
– Эти поля, эта речка и дол!

* * *

Полымем донник. Табун у мостков.
Вёдро. Над хутором небо с Николы
Треплется синим линиялым платком,
Словно забыл его кто-то на кольях.

Шлёпает полдень в ракетках вальком,
Камушком плёхает эхо вдоль реки.
Кадки в затоне. От них чесноком
Тянет и духом густым огуречным.

Там, присмотришь, златошвей-стрижи
Солнца кудель размотали на нити.
Плёт, словно в пыльцах, в кувшинках лежит –
Жмурками бликами вышитый ситец.

Вёдро. Просёлок змеит бережком.
Лютики в пыль осыпают веснушки.

Помнится, ехал возок из лесков..
Детство струилось беспечной рекой..
В сене – не я ль? – загорелой рукой
Пригоршней ела малину из кружки?..

«ПОЛОЖИ, ГОСПОДИ, ХРАНЕНИЕ УСТОМ МОИМ»

Из молитвы «Спас Благое Молчание»

Вдоль сомлевшей дорожки –
снопы переспелого света.

Я иду к роднику, что журчит под замшелым
крестом.

И «медовкой» в подол осыпается маковка лета,
И кувшинками белыми гуси цветут
под мостом.

Время вызреет – хлеб новины преломлю
на Успенье:

В мире Божьем на всё отведён
неизменный черёд.

А в Петровки пока от молочных ветров
дуновенья

Вся в пыли золотистой пшеница, пшеница цветёт.
Помню радость отца – будто высватал девуку
жар-птицу:

Так любил он бродить по просёлку вдоль
тучных полей!
С детских лет до седин сон один ему снится
и снится:
Под бомбёжкой лепёшки мякинные стынут
в золе.

Нас сжигали дотла, нас годами измором
морили,
Только нет той беды, чтоб не сдюжил
расейский мужик.
Вопреки всем напастям в венце из калужниц
и лилий
В роднике отражается храма пресветлого лик.

Час придёт – в эту землю, политую пращуров
потом,
Лягу я навсегда под голбцом средь родимых
могил.
Но пока я дышу – все печали о ней и заботы:
Лишь бы плыл над землёй благовест,
лишь бы колос родил.

Лишь бы ладил мужик из лозы, как велось,
колыбели,
Лишь бы печки топил да на Пасху куличик
крошил.
На престол под гармошку застольные песни бы
пел он,
Сыновьям избы новые к свадьбам на счастье
рубил.

...Вдоль сомлевшей дорожки –
мерцанье подлунного света.

И затих родничок под прадедовым старым
крестом.

Спит земля, в тишину, как в молитвы монашка,
одета...

Положи и моим, о Всевышний, хранение устом.

* * *

Рекламы неоновой брызги,
Театры, кафе, бутики.
Несусь без оглядки по жизни,
Вонзая в асфальт каблучки.

И все, в плену интернета,
Я бьюсь день-деньской мотыльком,
А где-то по краю рассвета
Бурёнки вдоль поймы гуськом,

Взмывая, пронзают касатки
Крылами безбрежную синь,
Укропчик на луковой грядке,
В цвету под забором полынь.

И утро ползёт, как улитка,
И кашляет хлипенький мост,
Когда на тот берег нешвыдко
Подкатит нагруженный воз.

По жизни несусь без оглядки,
Мечусь в суете взад-вперёд...
А где-то летают касатки,
Полынь под забором цветёт.

* * *

Ухнул месяц усталою птицей,
Покемарить в орешнике сел.
Спозаранку за Светлой Криницей
Косит донник отец по росе.

Выжимай хоть рубаху, хоть кепку.
Мускулист, коренаст, словно дуб.
И густой, цвета спелой сурепки,
Вьётся кольцами шёлковый чуб.

И литовка гуляет послушно,
О мужицкой судьбине поёт,
И стреноженный конь на опушке
Ржаньем радостным кличет восход.

...Встрепенётся сердечко и вспомнит
Тот туман, словно сливки, густой,
Мёдом терпким обрызганный донник...
И отец – молодой, молодой...

* * *

Земля лугов душистых, росных,
Российских далей глубина.
О край июньских сенокосов,
И синь прудов, и тишина!..

Вишняк за тыном полудикий,
Горой сосновые дрова,
Пучки сушёной земляники,
Иван-да-марья, трын-трава.

Далёкий скрип телеги в поле,
И вновь – анисовый покой...
Здесь всё идёт по Божьей воле,
До неба здесь подать рукой.

Толпой бегут под горку сливы,
И в окна с простенькой резьбой
Крадётся вечер сиротливый,
Дед спорит с кем-то за избой...

Пройдя тернистые дороги,
Босая, по своим грехам,
Иду к отцовскому порогу,
К твоим, Россия, берегам.

СМОКОВНИЦА ЗАКХЕЯ

Пересечение прошлого и настоящего порой приобретает причудливые формы. И прошлое совершенно неожиданно проявляется в нашем настоящем...

«Потом Иисус вошёл в Иерихон и проходил через него. И вот некто, именем Закхей, начальник мытарей и человек богатый, искал видеть Иисуса, кто Он, но не мог за народом, потому что мал был ростом, и, забежав вперёд, взлез на смоковницу, чтобы увидеть Его, потому что Ему надлежало проходить мимо неё. Иисус, когда пришёл на это место, взглянув, увидел его и сказал ему: "Закхей! Сойди скорее, ибо сегодня надобно Мне быть у тебя в доме"».

(Лк. 19:1–10).

В святоотеческой литературе толкование истории Закхея ведётся двумя основными

путями. Первый – буквалистское толкование, второй – аллегорическое, или нравственное, по мнению Феофилакта Болгарского. При буквалистском толковании более подробно разбирается жизнь Закхея, его действия, к примеру, изучается вопрос: почему Закхей обещал воздать тем, кого обидел, именно вчетверо? А ведь согласно закону Моисееву, так должен поступать человек, совершивший воровство (Исх. 22:1), и Закхей, вероятно, при сборе налогов брал с людей больше, чем должен был. Аллегорическое толкование истории о Закхее – своеобразная попытка приблизить её к жизни современного христианина. Например:

- Закхей был богат – так же, как и все люди богаты грехами;
- толпа народа – это суетные заботы, наши грехи, страсти, мечты, прежние привычки;
- Закхей ростом был мал – это значит,

что хотя человек и называет себя христианином, но всё же он духовный карлик и поэтому не может видеть Христа, будучи подавлен своими грехами;

- подняться на дерево – значит начать молиться;
- после слов Христа Закхей спустился с дерева – это означает покаяние;
- дом – это сердце; двери, которые могут быть открыты для Господа, – двери покаяния.

Святитель Григорий Богослов призывает: «Будь Закхеем, который вчера был мытарем, а сегодня стал щедрым; всё принеси в дар Христову Пришествию, чтобы и тебе оказаться великим, хорошо увидеть Христа, хотя ты мал ростом».

В «Толковой Библии» примечателен акцент, сделанный на том эпизоде, где Иисус Христос обращается к Закхею по имени. В «Толковой Библии...» написано, что неизвестно, знал ли Иисус Христос Закхея ранее, и что, возможно, Христос услышал имя мытаря из толпы, удивившейся необычным положением Закхея на дереве.

Что же это за дерево? И как и, главное, благодаря кому оно появилось сегодня, притом что не единожды упоминается в Библии?

Смоковница Закхея – это самое старое дерево в регионе, её возраст определяется в две тысячи лет, растёт она в старейшем городе нашей планеты, поскольку возраст Иерихона исчисляется в десять тысяч лет.

Когда-то в долине реки Иордан зеленели тропические леса, а в прибрежных зарослях

папируса водились гиппопотамы. Сейчас здесь от бывшего растительного великолетия ничего не осталось, разве что возвышаются кое-где вечнозелёные смоковницы-сикоморы, скрашивая пустынный вид Иорданской равнины.

Смоковница Закхея стала христианской святыней благодаря одному из эпизодов из жизни Иисуса Христа, о чём нам поведал апостол Лука, автор Евангелия от Луки. В главе 19 Лука повествует о встрече Христа с главой иерихонских мытарей (сборщиков податей) Закхеем, который, желая увидеть Иисуса Христа и будучи человеком небольшого роста, взобрался на смоковницу-сикомору и здесь был замечен Спасителем. Считается, что именно эта смоковница сохранилась до наших дней и является одной из достопримечательностей древнейшего города мира.

Смоковницами называют многих представителей рода Фигус (Ficus L.), а сикоморами – только деревья, относящиеся к *Ficus sycomorus* L. Современный естественный ареал этих вечнозелёных деревьев с суховатыми соплодиями-сикониями, образующимися на шнуровидных плодушках в течение всего года, расположен в северо-восточной Африке, с небольшим изолированным анклавом в долине реки Иордан. В других местах сикоморы лишь изредка культивируются.

Смоковница Закхея растёт на участке, принадлежащем Правительству России, на котором в настоящее время создаётся музейно-парковый комплекс – на его северо-западной оконечности, в развилке двух дорог. Одна из этих дорог ведёт к горе Искушения, где Христос постился в течение сорока дней перед своим последним входом в Иерусалим и где его искушал дьявол. По этой дороге Иисус Христос входил в Иерихон, и здесь произошла его встреча с Закхеем.

Смоковница Закхея наших дней – это мощное дерево высотой до 25 метров с диаметром кроны до 26 метров и средним диаметром ствола 260 см. Ствол бугристый, с мощными контрфорсами и формирующимся приземным дуплом. Состояние дерева неудовлетворительное: массовое усыхание кроны и множество мелких ранений на коре ствола. Это сочетание

Дерево Закхея в Иерихоне

многих причин, усугублённое своеобразными биологическими особенностями данного вида. Понять причины того, что происходит со священной смоковницей, можно, лишь прояснив особенности её биологии.

Во-первых, сикоморы лишь кажутся деревьями – на самом деле их жизненная форма ближе к кустарникам. У них умеренно удлинённая ортотропная осевая основа, почти как у деревьев, но со сменяемыми ветвями первого порядка, как у типичных кустарников. К тому же побеги замещения формируются только на вершине ствола-ксия – отсюда множество сикоморы, причём стволы на самом деле являются стволоветками, как у некоторых кустарников. Таким образом, постоянным органом сикоморы является только укороченный ствол-ксия, а крона находится в состоянии постоянного обновления.

Во-вторых, сикоморы, как большинство представителей семейства Тутовые

(Moraceae L.), имеют рыхлую и слоистую (манохильную) древесину и не образуют уплотнённое ядро ствольной древесины. А также характеризуются особенностью, при которой внутренние слои древесины, утратившие проводящую функцию, рассыпаются. Такие деревья достигают внушительного возраста, постоянно обновляя ткани своих толстых стволов.

В-третьих, как у многих тропических деревьев, у сикомор зелёная фотосинтезирующая кора, вплоть до основания ствола. Фотосинтезирующая способность поддерживается тем, что наружные, омертвевшие слои коры слущиваются небольшими пластинками, как у платана. Фотосинтезирующая кора присуща в основном манохильным деревьям и способствует меристематической активности наружных слоёв древесины их стволов.

На эти биотические причины накладываются абиотические, основными из которых являются следующие:

- древняя дорога, по которой некогда ступал Христос, в последние годы превратилась в оживлённую городскую автомагистраль, а её уровень был значительно поднят;
- твёрдое покрытие обеих дорог в совокупности с постоянной вибрацией почвы от проезжающих автомашин препятствует нормальному воздухообеспечению поверхностной корневой системы, присущей сикоморам;
- уровень выхлопных газов существенно возрос, а их негативное воздействие на крону смоковницы Закхея усугублено выхлопными газами экскурсионных автобусов, останавливающихся буквально в нескольких метрах от дерева;
- фундамент ограды со стороны дороги преградил сток дождевой воды, и водообеспечение смоковницы уменьшилось.

Всё это привело к резкому ухудшению состояния смоковницы Закхея в последние годы, к массовому усыханию мелких и крупных веток, к ускоренному разрушению внутренних слоёв дупла. К тому же, якобы для предотвращения всего этого, ствол-ксиль и внутренние стенки дупла были покрыты довольно толстым слоем гипса. Последнее как привело к прекращению естественного слущивания отмирающих участков коры, так и создало благоприятные условия для гниения стенок дупла; под защитой этого слоя в дупле даже поселились термиты.

Такое положение было нами отмечено в октябре 2008 года, когда под патронажем Императорского Палестинского православного общества, председателем которого является г-н Степашин, в Иерихон приехала представительная группа различных специалистов. Результатом внесённых предложений по неотложным мерам санации смоковницы Закхея стала рабочая поездка специалистов в феврале 2010 года. В её ходе предполагалось очистить ствол-ксиль от наслоений гипса, подвергнуть крону смоковницы санитарной обрезке и оборудовать систему капельного полива.

При участии представителя муниципалитета города Иерихон такие работы в период с 8

по 12 февраля были в основном произведены.

Поверхность ствола-ксия была очищена от слоя гипса и отмерших чешуек коры (что позволит нормализовать процессы фотосинтеза в наружных слоях коры), внутренность дупла – от слоя отмершей древесины и обработана анти-септиком и стимулятором роста.

В основном завершена детализированная санитарная обрезка кроны с элементами омолаживающей обрезки с зачисткой и обработкой срезов.

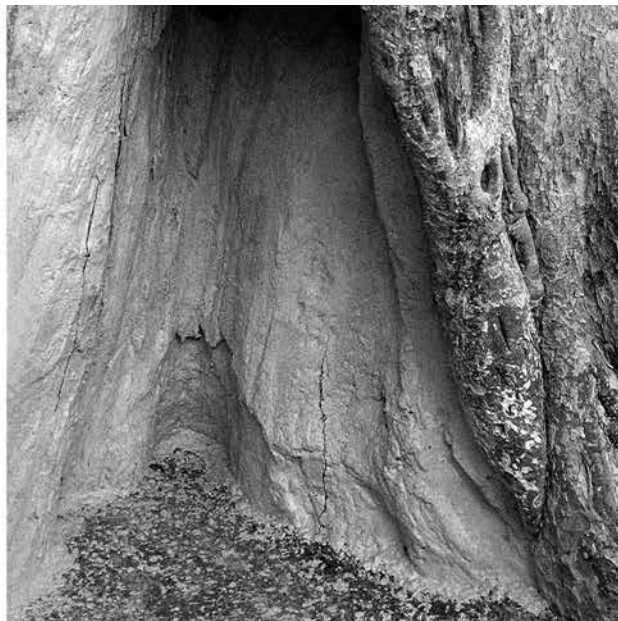
Участок, где растёт смоковница, очищен от сорной кустарниковой растительности. Сохранены как символическое присутствие основных плодовых культур региона столетняя финиковая пальма редкого сорта с плодами жёлтого цвета и столетний же экземпляр апельсина. Следует отметить, что состояние финиковой пальмы, которую очистили от нижних сухих листьев, достаточно хорошее, что можно объяснить эволюционно обусловленной аллелопатической толерантностью этих двух растений. Тогда как состояние апельсинового деревца более чем неудовлетворительное, и это также можно объяснить его аллелопатическими взаимоотношениями со смоковницей, но уже отрицательными.

Почва была взрыхлена при помощи ручного мотокультиватора и очищена от мелких камней и древесного опада. Досыпан рыхлый растительный грунт слоем от 5 до 25 см; одновременно, в процессе подсыпки грунта, была произведена подпланировка поверхности участка.

Особого внимания заслуживает вопрос орошения. Среднегодовое количество осадков в районе Мёртвого моря составляет 114 мм в год, и этого явно недостаточно даже для такого ксерофита, как сикомора. Следует отметить, что в последнее время все культуры здесь выращиваются только на капельном поливе как самом экономичном в условиях острой нехватки воды в регионе. Поэтому монтаж системы капельного орошения следует считать одним из основополагающих мероприятий в нынешнем состоянии дерева, призванного обеспечить результативное восстановление кроны, фотосинтезирующего

Общий вид смоковницы после обрезки

Большое дупло смоковницы после санации

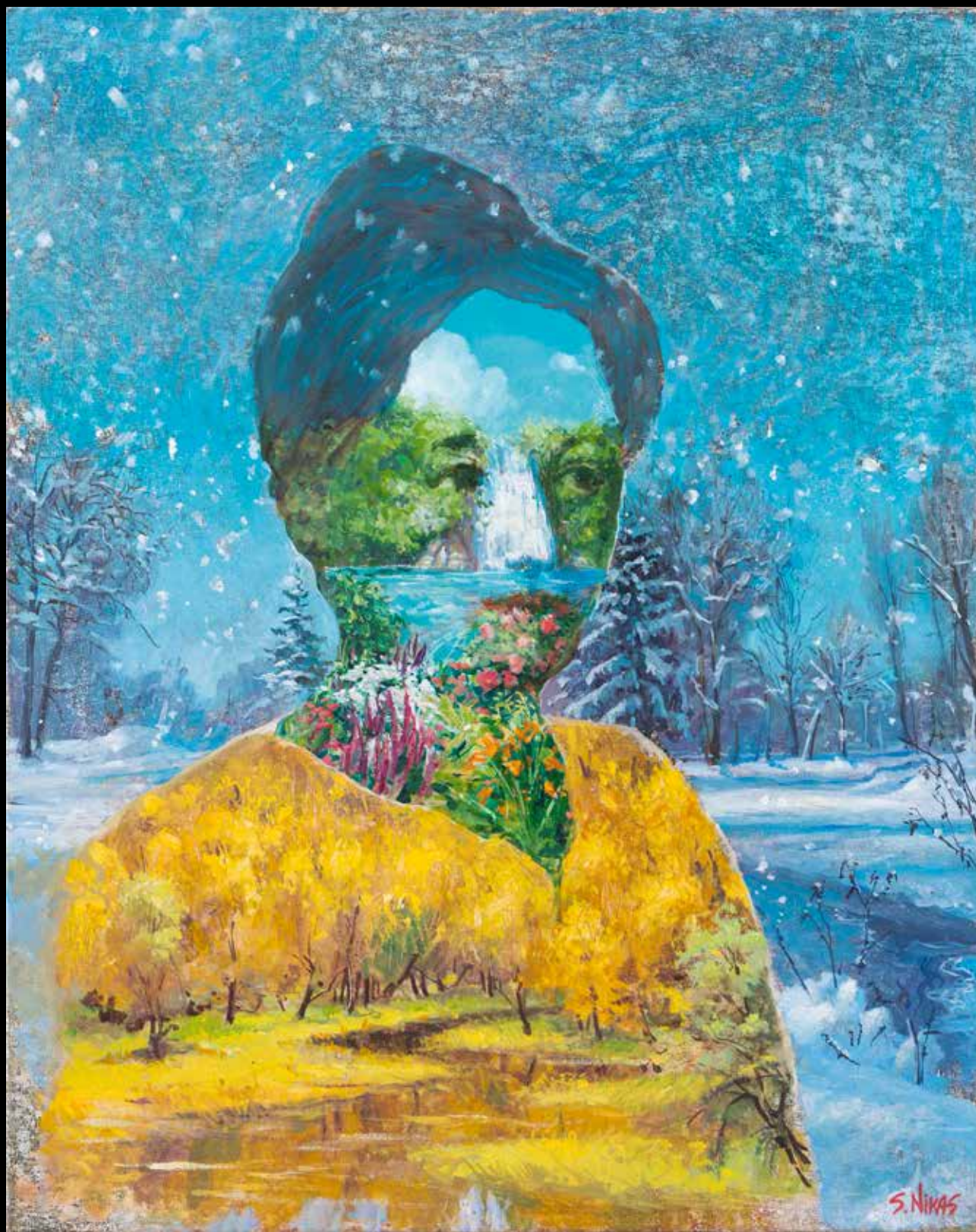
слоя коры ствола-ксиля и зарастание внутренней поверхности дупла. Система капельного орошения смонтирована с использованием вмонтированных в поливочный шланг сопел, препятствующих обратному всасыванию разжиженной почвы. Система подключена к специальному узлу подготовки поливочной воды, позволяющему задавать параметры орошения и подкормок с использованием компьютерных программ. Система позволяет точно вносить необходимые элементы питания, микроэлементы и иммуномодуляторы, повышающие устойчивость растений. Следует отметить, что это первая попытка обеспечить регулярный полив священной смоковницы за всю её двухтысячелетнюю историю.

Всё сделанное рассматривается нами как начальный этап планомерного ухода за деревом-патриархом. Одним из элементов такого ухода должен стать систематизированный мониторинг, включающий не только наблюдение за деревом, но и изучение некоторых особенностей этого вида. В частности, роли специфических образований, так называемых древесных желудей, в формировании замещающих стволовых веток. В летне-осенний период, но до дня официальных торжеств, устраиваемых ЮНЕСКО в честь десятилетия Иерихона, которое будет отме-

чаться в октябре этого года, предстоит провести серию дополнительных агромероприятий:

- дополнительно очистить внутреннюю поверхность дупла и обработать очищенную поверхность регенерирующим препаратом;
- обработать регенерирующим препаратом поверхность коры ствола-ксиля;
- провести ещё одну детализированную санитарную обрезку кроны с удалением сухих плодушек;
- поставить эластичные пломбы на верхние отверстия дупла.

Одновременно с проводимыми агромероприятиями необходимо будет облагородить сам участок, придав ему современный мемориальный вид. Это планируется сделать в процессе благоустройства всей территории, на которой создаётся музейно-парковый комплекс. Конкретные предложения были высказаны всеми заинтересованными сторонами, включая муниципалитет Иерихона. Предполагается заменить ограждение со стороны проезжей части на более соответствующее библейскому сюжету по стилю и материалу. Обновить или заменить существующую мозаичную плитку с изображением евангельского события. Установить информационный щит с надписями на трёх языках: араб-

Никас Сафронов. Портрет Времени года х.м. 50х40 2016

Никас Сафронов. Живая вода, х. м., 40х40, 2009

Никас Сафронов. Осень, х. м., 62х92, 2004

Никас Сафронов. Сад забытых воспоминаний

S. Nikas

Укоренение черенков смоковницы Закхея (слева) и молодой смоковницы (справа)

ском, английском и русском. Демонтировать существующую глухую ограду и стилизованный «домик Закхея», он же помещение для сторожей, со стороны будущего музейно-паркового комплекса, высадив на их месте вечнозелёную живую изгородь, а перед ней устроив смотровую площадку для паломников и экскурсантов.

Однако даже несмотря на успешность всех принимаемых мер, будущее смоковницы Закхея достаточно проблематично. И всему причиной её местонахождение в городской инфраструктуре. Идеальным будет вариант, при котором обе городские дороги будут закрыты для сквозного проезда автотранспорта, а стоянку экскурсионного транспорта от дерева-патриарха перенести.

В то же время священная смоковница не сможет жить так долго, как этого хотелось бы, и следует заблаговременно подготовить ей достойную преемницу. Такой преемницей должна стать пятисотлетняя сикомора, растущая почти в центре строящегося музейно-паркового комплекса и являющаяся, судя по всему, семенным потомством смоковницы Закхея. Размеры её кроны ненамного уступают священной смоковнице, но ствол-кись более скромных размеров и не имеет дупла. У этого дерева-патриарха также наблюдается усыхание старых стволовых веток, и его крона также нуждается в санитарной обрезке, а ствол-кись – в очистке от слоя гипса. Эту дочернюю смоковницу целесообразно обособить в процессе организации территории комплекса, подчеркнув её центральное положение в структуре его парковой части.

Зелёный черенок смоковницы с зачатками корней

Не лишено интереса предложение вегетативно размножить смоковницу Закхея, в том числе и микроклональным способом, и выращивать дочерние смоковницы в различных обителях Святой земли, а также в России, как в качестве кадочных экземпляров, так и попытаться интродуцировать её в открытый грунт Черноморского побережья Кавказа. В последующем её можно было бы передать Ново-Афонскому монастырю в Абхазии, саду-музею «Дерево дружбы» в Сочи, Субтропическому ботаническому саду Кубани. Вполне возможно, что культура этого достаточно теплолюбивого растения в условиях открытого грунта данного региона окажется проблематичной, и заранее стоит предусмотреть возможность возведения над растениями лёгких светопрозрачных укрытий на зимний период.

Успешное клонирование, а впоследствии и размножение священной смоковницы Закхея (*Ficus sycomora* L.) было осуществлено учёными Всероссийского селекционно-технологического института садоводства и питомниководства (г. Москва) под непосредственным руководством его директора, академика РАН, доктора экономических наук, профессора Ивана Михайловича Куликова. Именно благодаря этому незаурядному учёному мы имеем возможность сегодня прикоснуться к библейской святыне и убедиться в очередной раз в правдивости повествований Библии.

Составил
Кирилл ТРУБА

Любовь ТУРБИНА

* * *

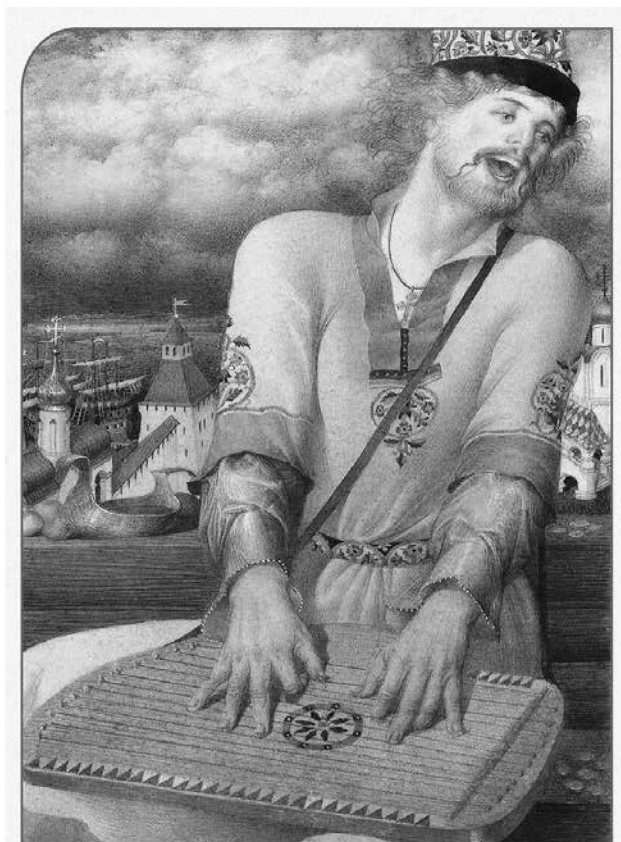
САДКО

Искрится море, пол качается:
Совсем чуть-чуть, легко-легко,
И заведение называется
Славянским именем «Садко».

Пронзает свет нас ослепительный
Вблизи Баку, на поплавке,
И миг волшебный, исключительный
Держу, как бабочку в руке.

Тот мотылёк – загадка вечная:
Что хочешь – то и пожелай!
Поймала – выпущу, беспечная:
Разжала пальцы – улетай!

Ещё вино в бокалах пенится,
Ещё печали далеко...
На нефтяной царевне женится
Гусляр и ветреник Садко.

Геннадий Спирин. Садко

Был ветер сырым и упругим,
Кривым переулком во двор
Вбежала – по левую руку
Застыл кафедральный собор.
Чернела дыра колокольни
И падал отвесно тот спуск...
Шаги замедлялись невольно,
Махнула рукою – а пусть!
Но вот возвращаюсь обратно
На горку – дышать тяжело...
Душа в облегчении утраты
Звенит, как пустое стекло.
Подумать – всё к лучшему, право,
Но к жалкому голосу глух
Собор с колокольною – справа,
А ветер и резок, и сух.

КОГДА АМЕРИКА ПОМЕРКЛА

Когда Америка померкла
До отключения, до взрыва,
Когда Америка померкла,
Как ноты старого мотива,

От этой музыки знобило,
Она в душе звучала годы,
Нас эта музыка манила
Туда, где жили антиподы.

Всё тот же миф о райском саде...
Вдруг оказалось, что возможно
Проникнуть через щель в ограде,
Где Пётр с ключами у таможи.

Теперь Америка – мессия,
Четвёртый Рим по счёту вроде,
Теперь она, а не Россия
О мировом скорбит народе.

А что же мы? С кривой улыбкой
Пустые слышим эти речи,
Свои грехи, свои ошибки
Взвалив на собственные плечи.

Чужая земля. Как мельницы-трансвеститы,
Стоят пропеллеры в чистом поле.
Они ловят ветер, на добычу которого
Пока не наложено ограничений...

* * *

Электричка, станция, болото,
Ласточек тревожные полёты
Высоко – как росчерки пера.
А на фоне леса, остро, прямо,
Зубья елей как кардиограмма –
Солнца уходящего пора.

И опять – не реже и не чаще –
В воздухе разреженном звучащий
Голос чётко так издалека:
«Берегитесь поезда» – как скрежет,
«Берегитесь поезда» – и режет
Сердце нестерпимая тоска.

Заново покрашенные дачи,
Кажется, здесь никогда не плачут,
Но покой их что-то нарочит.
А закат – как огненное море...
Так похоже на «Мemento мори»
«Берегитесь поезда» звучит.

ПЕСНЯ ПОДЗЕМНОЙ ВЬЮГИ

Город колокол словно, от холода гул,
воскресенье.
Я в столице вечерний нежданный,
негаданный гость.
Переходы подземные – это в морозы спасенье,
Только вьюга сегодня их тоже продула
насквозь.
Померещилась дверца. За нею закуток
открылся
И кушетка, обитая плюшем в малиновый цвет.
Самовар под землёй на цементном полу
кипятился
Для озябших, заблудших, бездомных, хоть их
у нас нет.
Померещилось. После, надёжно упрятавшись
в кресле,
Грела пальцы о тонкую чашку, вдыхая уют,
Только как мне забыться, уснуть, успокоиться,
если
Все бездомные души под вьюгу с надрывом
поют?

* * *

Вдаль расклад дороги, белой
Не от снега – от луны.
Лес застыл, заиндевелый,
Воплощеньем тишины.
Но пейзаж приблизить этот
К завершённости гравюру
Помогают силуэты
Двух шагающих фигур.
И такой всесветный холод!
Лёд в глазах – не жди, не жди!
Сердце – ледяной осколок
В замерзающей груди...

* * *

И теперь мне поступок тот дивен:
Больно смело я выбрала путь –
Под повальный, невиданный ливень
Без плаща со ступеньки шагнуть.
Примеряли Москву, как обновку
(А в глазах – затаённая стынь),
Не спеша обошли Третьяковку,
Сад Нескучный, Донской монастырь...
Чтоб острее почувствовать корни,
Побродили босые меж плит,
Что травую засеяно сорной –
Всё равно не забылось, болит.
А земля эта близкая, злая.
Не щадила – колола и жгла.
А любовь ли была – я не знаю,
Но полнее потом не жила.
Но с тобой, необузданным, вольным,
Я вдохнула российскую ширь:
Где-то Разин гуляет по Волге,
Ермака покоряет Сибирь!

Евгений ХАРИТОНОВ

Родился 12 ноября 1985 года в г. Белгороде, где живёт и в настоящее время. Член Союза литераторов Белгородской области при БРОО «Союз писателей России».

Лауреат всероссийских и международных литературных конкурсов.

Публиковался в журналах: «Берега», «День и ночь», «Краснодар литературный», «Крым», «Звезда Востока», «Александръ», «Северо-Муйские огни», «Южная звезда», «Таврия литературная», «Бийский вестник», «Пять стихий», «Наша молодёжь», «Белая скала», «Сибирский Парнас», «Причал», «Ротонда», «Рассвет», «Метаморфозы» и т. д.

Возродится Великая Русь!

ВЕСНА НА «АЗОВСТАЛИ»

Притих скворец, опять пугаясь взрыва.
Хоть май расцвёл, его не ловит взгляд.
Глохнет смерть людей без перерыва
И день и ночь, нещадно, всех подряд.

Косым дождём снаряды захлестали,
Вскрывая норы подлого врага.
Который день мы бьём по «Азовстали»,
Да так, что гарь впитали облака.

Да так, что глотку режет привкус серы,
А звон в ушах вовеки не унять.
«В атаку, братья! – крикнут офицеры. –
И чтоб не смели нынче умирать!»

И мы идём, за метр цепляясь каждый,
В расход пуская весь боеприпас,
С одной простой мечтою, чтоб однажды
Вздохнул свободно наш родной Донбасс!

СОВЫ

Кончился день, и зажмурилось небо,
Месяц явился босой.
Звёзды, на землю скатившись нелепо,
Станут под утро росой.

Звери закрыли дома на засовы,
Чтоб не случилась беда.
Лишь, от бессонницы мучаясь, совы
В ночь улетят из гнезда.

Будут кружить над землёю в дозоре,
Крыльями черпая тишь,
Грезя найти в этом чёрном просторе
Тоже не спящую мышь.

РАЗГОВОР С РОССИЕЙ

Я не вправе Россию за что-то винить,
Для неё что ни день – испытания.
У какого креста мне колени склонить,
Чтоб твои прекратились страдания?

Что у Господа мне для тебя попросить
В час, когда моя жизнь обесточит?
Прошептала она: «Пусть он сможет простить
Тех, кто смерть мне веками пророчит».

АЛАЯ ЗАРЯ

Спиной упёршись в дверь сарая,
Смотрю на алую зарю.
Быть может, это свет из рая,
В который я не воспарю.

А может, адский жар поленьев
Увидеть я сейчас посмел?
Упал от страха на колени,
Молюсь, хоть раньше не умел.

ЗАПАДУ

Ваши руки, по локти кровавые,
Не отмыть до скончанья времён.
Все народы, большие и малые,
Словно воды весенние талые,
Мы в единый кулак соберём.

И сметём вас бурлящим течением,
Преподав, как и прежде, урок.
У России есть предназначение –
Мир спасти, потому что с ней Бог!

МЕЧТА

А мне бы солнца в день ненастный
И ветра северного в тишь.
Закатом алым любоваться
В калейдоскопе звёздных крыш.

И жить с надеждой на хорошее,
И слепо верить день за днём,
Что, несмотря на наше прошлое,
Мы век спокойно доживём.

ПРЕДАТЕЛИ

Один сказал: «Да что мне эта Рашка?»,
Собрал узлы и двинул за кордон.
Таким, как он, хрустящая бумажка –
Давно уже и Родина, и дом.

Другой подлец, войны боясь до дрожи,
Сыскал в себе покорного слугу.
Предав свой род, он лезет вон из кожи,
Чтоб быть полезным чем-нибудь врагу.

А сколько их ещё средь нас томится,
Пригретых на груди святой Руси?
И нам осталось только лишь молиться,
Чтоб Бог помог страну от них спасти.

МОЛИТВА

Стал старик перед храмом и крестится,
В небеса посылая мольбы.
Всё, что нажил, в кармане поместится,
Ни семьи, ни друзей, ни избы.

В офицерском изношенном кителе,
Прикрывающем сгорбленность плеч,
У порога духовной обители
Просит Бога Россию сберечь.

РУСЬ

Бес ликует, а ангелы мечутся,
Наблюдая у Божьих ворот,
Как собралось опять человечество
Уничтожить свой собственный род.

Я не верю в судьбу и пророчество,
И о карме гадать не берусь.
Просто знаю, когда всё закончится –
Возродится Великая Русь!

ФЛАГ

Где мне найти метеорит,
В котором скрыты тайны мира?
Свеча однажды догорит,
Забвению предастся лира.

И будет смерть щипать бока,
Смеясь над огрубевшим телом.
Всё это будет... А пока
Я разноцветным ярким мелом

Раскрашу старенький асфальт,
Что у подъезда бледно-серый.
Я не стесняюсь. Мне плевать,
Что я немножко престарелый.

Я красным выведу звезду,
А жёлтым цветом серп и молот.
И в этих символах найду
Себя, где был чертовски молод!

В то время каждый был крещён.
Читали книги и газеты.
А в мыслях не было ещё
Менять Отчизну на монеты.

В конверте пара тёплых строк
С ума сводили от волнения.
Там честь и честность не порок,
А просто к сердцу дополнение.

Страна была большой семьёй,
Сплочённою двадцатым веком.
В ней Бог был каждому судьёй,
А человек был Человеком.

И хоть промчались те года,
В моей душе тот флаг наколот,
Где рдеет красная звезда,
И острый серп, и грозный молот.

ИСПОВЕДЬ ПОТОМКА

Войну нельзя направить по теченью,
Она – круги от гальки на воде.
Приехал я на кладбище в деревню
Поведать деду о большой беде.

Смотрел ему в глаза, а сердце с болью
Кольнуло в грудь, не зная, как сказать.
Я пыль с его лица смахнул ладонью,
Пытаясь слёзы горькие сдержать.

Внезапный крик кукушки, будто плетью,
Разрезал воздух, душу теребя.
Мой дед погиб в далёком сорок третьем,
Припав к траве на склоне октября.

Был лютый бой, сродни свирепой буре.
Текли дожди свинцовые с небес.
Он в этот раз не смог уйти от пули,
Шагнув своей судьбе наперерез.

Он, как и все в то время, жил мечтою,
Что будет мир однажды на земле.
В тот страшный день он всю страну собою
Прикрыл, чтоб в ней жилось спокойно мне.

И вот он здесь, не видевший Победу, –
Былой войны обычная стезя.
Но точно знавший, что народу беды
Несёт фашизм и их стерпеть нельзя.

И я стоял пред ним, сказать не смея
О том, что враг его опять в строю.
Что брызжет яд с клыков зловещих змея,
Уничтожая Родину мою.

Что снова свищут пули, как когда-то.
Горят в лазурном море корабли...
И только мы, потомки, виноваты,
Что ту мечту его не сберегли.

Илья КРИШТУЛ

* * *

...А ты помнишь, как он уходил от нас в последний раз?..
Он появился тогда неожиданно, без предупреждения.
Позвонил: «Я приеду». – «Когда?» – «Да прямо сейчас,
Я уже у калитки,ставляйте варенья-соленья».
Был август или самый кончик июля,
Ещё полыхали в саду итальянские астры...
Зашёл, поднял Ксюху, которая только уснула,
Играли в пиратов, орали «Пиастры, пиастры!»,
Носились по грядкам, всю зелень твою потоптали,
И ливень пошёл, и мы сели на старой веранде,
Пили вино, говорили и в карты играли...
Ты решила пожарить зачем-то оладьи,
А он засмеялся, оладьи, мол, это поминки...
«На поминках блины подают», – ты ответила строго,
И ливень утих, лишь падали наземь дождевики
С деревьев и с крыши, их было ещё очень много...
Он под них подставил лицо, ты захохотала,
Ты всегда хохотала, когда он дождём умывался,
Как будто смешней ничего никогда не видала...
Потом мы допили вино, и он засобирался,
Шёл по этой дороге и раз пять на нас оглянулся...
Нет, не прощался... Крикнул что-то, но было не слышно,
Веселился мальчишкой, для Ксюхи нарочно споткнулся,
А утром звонок – скончался скоропостижно...

На поминках ели блины очень странные лица,
Налегали на водку, говорили о страшной потере,
Мол, виноваты и от этой вины не отмыться –
Рыдали в речах и на нас с подозреньем смотрели.

А я думал: «Что он нам крикнул с дороги?»
Ветер унёс его крик к вокзальному рынку,
Где по буквам и нотам его разобрали сороки...
Но что же он крикнул? Ведь что-то он крикнул...

Вдруг что-то важное, что нам нужно знать обязательно,
Вдруг что-то важное и важно, чтоб мы это знали...
Сажу, пью водку среди незнакомых приятелей
И вспоминаю. Он хотел, чтоб его вспоминали...

* * *

...А что у меня осталось? Вот стаканчики,
я подписал:
Здесь карандашики, здесь вот – маркеры,
Я ими события всякие отмечал...
Вот фломастеры, три пачки, все новые,
Лучше б я их кому-нибудь подарил...
Здесь два сценария, оба готовые,
Про то, как мужчина женщину полюбил.

Документы в коробке, свидетельства,
паспорт,
Фотографии и два билета в кино...
Зачем сохранил? Просто, на память...
А вот три кассеты с разошедшей плёнкой –
Какие записаны там голоса!
Дмитриевич Алёша с какой-то девчонкой
Цыганским романсом зовёт в небеса...

И – тоже на память – рисунки от дочки,
А это поделки из сада её –
Кубик, собачка, свистульки, цветочки...
И открытка от сына – «Отцу в день
рождения».
Был небогат – открытки дарил...
Разбогатеет – подарит имение,
Так он когда-то мне говорил...

Что ещё? Записки маме от папы –
Море любви в мятном файле одном...
Щенок из фарфора, давно однолапый...
Марки в коробке от папирос,
Календарь, колокольчик... Поцелуй на ветру,
И цвет твоих глаз, и запах волос,
И лунный цветок, что исчезнет к утру...

Это всё, что мне накопить удалось.
Это всё, что с собою я заберу.

* * *

В то лето я тебя не знал
И ты меня ещё не знала,
И тихо музыка играла,
И был пустынным светлый зал.

В то лето я тебя не знал,
А ты на небо не глядела,
Когда с него звезда летела...
Но ангел что-то загадал.

В то лето я тебя не знал...
Ты позже стала берегиней –
Уже на окнах белый иней,
Как соль морская, выступал.

В то лето я тебя не знал...
Мы на Илью варили брагу,
И осень фыркала в оврагах,
И старый пруд наш зацветал.

В то лето я тебя не знал,
Но ты была со мною рядом
И проводила поезд взглядом...
Но я на поезд опоздал.

В то лето я тебя не знал...
Ты сигаретой затянулась
И, уходя, не оглянулась...
В то лето я тебя не знал.

СПИТАК

* * *

Это был декабрь, и декабрь был мёрзлым,
И сыну куртку тёплую надела Арегназ...
Она его увидела через неделю, мёртвым,
Без курточки, которая была ему как раз.

Это был декабрь. Безмолвным серым утром
Закричало эхо далеко в горах,
И за бесконечно долгую минуту
Красивый белый город превратился в прах.

Это был декабрь, и декабрь был длинным –
Семь дней, а дальше вечность для мёртвых
и живых...
Кто ты, всемогущий, что скалы с места сдвинул?
Зачем ты, всемогущий, наземь бросил их?

Это было в среду. Без двадцати двенадцать
«Барев дзез» сказал мне армянский друг Андро.
Он набрал мой номер, чтоб навсегда прерваться,
Он набрал мой номер за две секунды до.

Это было в среду. Ещё вчера живые,
Ещё вчера дышали, ходили по земле...
Их рты забиты пылью. Крики их – немые,
Их слышат только ангелы из ангельских полей.

Это был декабрь. Гробы на перекрёстках
Солдаты раздавали под горячий чай.
В гробах этих, как будто в похоронных лодках,
Твои, Хаястан, дети углывали в рай.

Это был декабрь... Время не осушит
Реки слёз в морщинах серого лица...
Проклятый декабрь разорвал нам души,
Проклятый декабрь разорвал сердца.

Это был декабрь... В его седых руинах
Погребены надежды милых и родных,
Милосердных сердцем, молодых, безвинных...
Боже! Там, за пятым небом, посмотри на них!

Это был декабрь. Это было в среду...

Ты уходила. Ты шумно собиралась.
Тревожно ныл расстроенный рояль.
Моя печаль негромко рассмеялась,
Моя тоска поправила вуаль.

Ты уходила, оставляя запах
Своих духов, навязчивый, как боль.
И мой рояль на деревянных лапах
Присел под стон фальшивой ноты «соль».

Двенадцать лет продлилось наважденье,
Двенадцать зим промчались стаей птиц...
Двенадцать раз звала на день рожденья
Своих подруг с глазами злых волчиц.

Двенадцать вёсен, жёлтых листопадов,
Измен двенадцать, все под Новый год...
Я не считал восходов и закатов,
Я лишь шептал: «Ещё один восход...»

И вот я жду стук хлопающей двери –
Я раньше ждал так звук твоих шагов...
И в предвкушенье сладостной потери
Я погрузился в море своих снов.

Я там, во снах, с принцессой пил
«Мартини»,
Я там, во снах, забыл про твою ложь...
Но сны ушли. Сквозняк поёт в квартире,
И мне он спел, что ты ещё придёшь.

Придёшь с сиренью, с запахом вокзала,
С подругами с глазами злых волчиц...
Моя тоска набросит покрывало,
Чтобы не видеть надоевших лиц...

Печаль ко мне на плечи заберётся,
«Давно живу», – на ухо мне шепнёт:
«Всё, что уйдёт, когда-нибудь вернётся,
Всё, что вернётся, когда-нибудь уйдёт...»

Она права, моя печаль-старуха,
Всё возвращается и всё уходит вновь...
Судьба-беда, судьба моя – проруха,
Судьба-потеря с играми в любовь...

НИКИТСКИЙ САД

Идея создания Никитского сада принадлежит известному как в России, так и в родной Франции герцогу Эммануилу Осиповичу де Ришелье – наследнику титула великого кардинала, знакомого нам по романам А. Дюма. Занимая пост губернатора Новороссийского края, Э. О. Ришелье приобрёл для строительства дома земельный участок в Гурзуфе и смог воочию убедиться, что Южный берег Крыма по климатическим условиям напоминает французскую Ривьеру. Будучи увлечённым любителем растений, Э. О. Ришелье предположил, что на этой земле можно выращивать средиземноморские растения, в частности среди них и такие ценные для сельского хозяйства культуры, как маслина, табак и виноград. Эти мысли Ришелье понравились Александру I, и

10 июня 1811 года император подписал указ о выделении денег лично Ришелье для развития садоводства, а затем и уточняющий указ о создании экономо-ботанического казённого сада на полуденном берегу Тавриды близ деревни Никита.

Может показаться странным, что Александр I лично решал вопросы создания ботанических учреждений. Но в то время это был насущный политический вопрос. Крым в 1781 году вошёл в состав Российской империи, и эту новую территорию с очень небольшим населением нужно было удержать и развивать. А основным занятием населения в то время было сельское хозяйство. Вот именно для его развития на новых южных землях и потребовался Никитский ботанический сад.

Сегодня вопросы вызывает также название сада – Никитский. Никита – это небольшой посёлок городского типа, расположенный всего в семи километрах от крупного крымского города Ялты, по названию которого, казалось бы, и следовало именовать ботанический сад. Однако статус города был получен Ялтой только в 1838 году, а до этого момента на её месте была рыбацкая деревушка размером меньше Никиты.

Миссия по воплощению в жизнь идеи создания Никитского сада была возложена на молодого российского учёного шведского происхождения Христиана Христиановича Стевена. Он родился на территории Финляндии, получил образование в Санкт-Петербурге и вёл научные исследования в области ботаники и энтомологии. Интересно отметить, что в то время в России образованные люди, чей труд стал бесценным вкладом в развитие науки и культуры нашей страны, были в той или иной степени знакомы между собой. В частности,

Арабская беседка зимой

Академик Н. И. Вавилов с сотрудниками Никитского ботанического сада. 1935 г.

Белая колоннада построенная на входе

*В конце пальмовой аллеи памятник Н. Гартвису.
Почтовая открытка начала XX в.*

В отделе плодоводства. 30-е годы XX века

родной брат Христиана Стевена Фёдор (Фридрих) Христианович Стевен был однокурсником А. С. Пушкина по Царскосельскому лицей. По рекомендации состоящего на русской службе немецкого ботаника Фридриха фон Биберштейна занимавший в тот момент должность инспектора по шелководству Юга России Х. Х. Стевен был назначен директором эконо-ботанического сада в Никите. Создание сада происходило на фоне драматических событий в истории нашей страны – началась Отечественная война между Россией и Францией. Однако задачи, которые предстояло решать Никитскому саду, были настолько важны, что государство продолжило финансирование этого проекта. К новому месту службы Х. Х. Стевен выехал из Петербурга в те дни, когда армия Наполеона вторглась в пределы Российской империи, а первые посадки растений были сделаны им вскоре после Бородинского сражения осенью 1812 года – этот момент считается фактическим основанием Никитского ботанического сада. Зима 1812 года, когда армия Наполеона замерзала под Смоленском, на Южном берегу Крыма тоже выдалась снежной и холодной. Вынужденный проводить много времени в своём кабинете, Х. Х. Стевен сформулировал основные задачи сада, актуальные и по сей день: собрание максимально полной коллекции всех полезных растений, их изучение, выявление и размножение лучших видов и сортов для внедрения в сельское хозяйство и озеленение юга страны.

Говоря современным языком, Х. Х. Стевен оказался талантливым менеджером. В кратчайшие сроки ему удалось решить сложные земельные вопросы, добавив к основному участку, выделенному для Ни-

Выпуск училища 1915 г.

китского сада, примыкающие к нему мелкие землевладения, выкупленные государством у местных жителей, а также организовать условия для проживания рабочего персонала и привлечь сотрудников. Масштабные и сложные земельные работы по выравниванию и террасированию склонов были проведены с участием военных моряков из Севастополя. Посадочный материал Х. Х. Стевен получил от коллег из ботанических и сельскохозяйственных учреждений России и Европы, а также провёл сборы семян ценных видов крымской флоры. Всего за три года ему удалось привлечь в коллекцию около 500 видов растений, что положило начало масштабной интродукционной работе, которая и в настоящее время является одной из важных составляющих научной деятельности сада. Чтобы увеличить объём изучаемого материала, Х. Х. Стевен раздавал саженцы разных

сортов и видов плодовых деревьев местным жителям бесплатно, лишь с условием предоставления подробных отчётов об их росте и урожае. Работа питомников Никитского сада была налажена так эффективно, что уже в 1815 году в петербургской газете «Северная почта» была опубликована реклама саженцев, выпускаемых Никитским садом и рассылаемых им по почте по очень выгодной цене.

Оценкой деятельности сада за первые годы работы стало произошедшее в 1818 году посещение его императором Александром I, который остался настолько доволен увиденным, что даровал Никитскому саду высокое звание императорского. Это в том числе подразумевало дополнительное финансирование из средств императорского кабинета. Интересно отметить, что титул императорского ботанического сада Никитский сад получил первым в России, а

161.

Указъ Кабинету.

На разведение садовъ въ полуден-
ной части Крыма, повелѣваю
отпускать изъ Кабинета въ распо-
ряженіе Персонскаго Военнаго Су-
бернатора Дюка де Ринелье по
десяти тысячъ рублей ежегодно,
начавъ съ 1го Января сего года.

Александръ I

ввс. п. Дуровъ
10 Января
1811

Указъ Императора Александра I

столичный ботанический сад (Аптекарский огород, созданный в Санкт-Петербурге в 1714 г.) был назван императорским лишь пять лет спустя, в 1823 году.

Х. Х. Стевен известен не только как основатель сада, но и как один из первых исследователей крымских растений, описавший около 100 местных новых для науки видов в крымской флоре. В 1856 году он опубликовал на немецком языке «Список растений, произрастающих в диком виде на Таврическом полуострове» – одну из первых подробных сводок по флоре Крыма.

Следующий этап в истории Никитского сада начался с приходом в него в 1827 году второго директора, Николая Андреевича Гартвиса, проработавшего в этой должности более трёх десятилетий. Из своего лифляндского имения Кокенхоф Н. А. Гартвис привёз в Крым собранные им коллекции растений, включавшие помимо иностранных и его собственные сорта. Именно Н. А. Гартвис начал в саду селекцию растений – одно из ведущих направлений работы сада в настоящее время. Он работал с плодовыми растениями, виноградом и цветочными культурами, среди которых особое внимание уделял садовым розам, став одним из первых селекционеров роз в мире и самым первым – в Восточной Европе. Из созданных им примерно ста новых сортов роз до наших дней сохранился один – это сорт Графиня Воронцова, созданный в 1828 году. Это первый сорт розы отечественной селекции, и он ежегодно цветёт в розарии Никитского сада. Также при Н. А. Гартвисе активно продолжалась интродукция растений. Для этого помимо обмена саженцами и семенами с другими ботаническими организациями и покупки растений в питомниках были организованы три экспедиции на Кавказ. Только за первые 20 лет директорства Н. А. Гартвиса дендрологическая коллекция сада удвоилась. Растения, интродуцированные в период работы Стевена и Гартвиса, активно распространялись из питомников сада по всему Южнобережью, а также по Черноморскому побережью Кавказа и сегодня стали неотъемлемой частью экзотического облика этих мест. Не все гости

Двор магарачского винподвала

Император Николай II знакомится с достижениями Никитского ботанического сада

*Никитское училище садоводства и виноделия.
Почтовая открытка начала XX в.*

Коллектив и гости Никитского ботанического сада во время празднования его 150-летия

Крыма знают, что пальмы и кипарисы, олеандры и ленкоранские акации, секвойи и кедры не являются аборигенными растениями Крыма. Современный зелёный наряд ЮБК – один из лучших результатов работы Никитского сада.

Активно шло и развитие плодоводства – к 1825 году в Никитском ботаническом саду была собрана одна из самых богатых в Европе помологических коллекций, содержащая более 300 сортов яблони, 295 сортов груши, 80 – черешни и вишни, 70 – сливы, 15 – абрикоса, 20 – персика, а также сорта субтропических растений (инжира, маслины, цитрусовых). Н. А. Гартвис уделял большое внимание пополнению коллекции и созданию новых сортов плодовых – занимался селекцией персиков, яблонь и груш. Начиная с 1816 года сад стал колыбелью отечественного цитрусоводства – здесь проводились опыты по акклиматизации цитрусовых, но затем, в 1839 году, их передали в Сухумский ботанический сад. Такая же судьба постигла культуру чая – первоначально чайный куст был интродуцирован в Никитском

ботаническом саду в 1814 году, но затем было установлено, что наиболее подходящим местом для его произрастания будет Черноморское побережье Кавказа, и саженцы чая были отправлены в Сухумский ботанический сад.

Также из сада в Среднюю Азию и Закавказье распространилась некогда традиционная для Крыма и теперь возрождённая садом культура маслины. Южный берег Крыма – это северная граница выращивания маслины. Здесь Никитским садом были отобраны наиболее морозостойкие сорта, которые затем закупались Италией, Францией и Испанией для посадки в более холодных горных районах.

В 1826 году в Никитском ботаническом саду была создана и первая в России крупная коллекция винограда, включающая 300 сортов из России, Европы и с Кавказа. В рапорте генерал-губернатору Новороссийского края Михаилу Семёновичу Воронцову Н. А. Гартвис писал: «Собрание различных сортов винограда около 300 родов, полученных из полуденной Франции и из Германии, равно как из Тифлиса, Кизляра,

Медаль, отчеканенная к столетнему юбилею сада. Девиз Сада: «Через науку – в жизнь»

Астрахани, вместе с собранными в Крыму сортами высажено сортиментом по одному кусту для проверки названия и лучшему сравнению между собою». В 1828 году на землях Никитского сада было создано показательное виноградно-винодельческое хозяйство «Магарач», целью которого было испытание и размножение лучших иностранных сортов винограда, а также организация виноделия по европейскому образцу. За время директорства Н. А. Гартвиса объём коллекции достиг 600 сортов, включая шесть сортов, созданных самим Николаем Андреевичем.

Пришедший в 1836 году на работу в Магарачское учреждение Никитского сада французский специалист в области виноделия Франц Гаске и его русский ученик Анастасий Петрович Сербуленко вместе с Н. А. Гартвисом приступили к выполнению определённых ими задач: «Делать хорошие, здоровые вина, способные к долгому хранению, не стараясь принаравливаться непременно к вкусу или букету каких-либо иностранных вин». Изначально Ф. Гаске хотел, как было принято во Франции, получать столовые вина. Однако затем он понял, что почвенно-климатические условия Южного берега Крыма с жарким сухим летом и шиферными почвами наиболее благоприятны для производства сладких вин из увяленного винограда. Опыт и интуиция его не обманули. Были созданы первые русские вина, получившие популярность в России и награды на международных выставках. Одним из них был «Мускат розовый» урожая 1836 года, занесённый в настоящее время в Книгу рекордов Гиннеса как самое старое сохранившееся вино, произведённое в России.

Открытие заложенного к столетнему юбилею сада Приморского парка

Уголок Нижнего парка с арабской беседкой. Почтовая открытка начала XX в.

Учёный-плодовод К. Костина в экспедиции в горах Тянь-Шаня. 1929 г.

Памятник основателю сада Христиану Стевену

Памятник Н. А. Гартвису
в Никитском ботаническом саду

В 1870 году на должность химика-винодела в Магарах был приглашён Александр Егорович Саломон, выпускник Московского университета. Под руководством А. Е. Саломона была создана энохимическая лаборатория, что ознаменовало начало в России научно обоснованного виноделия. Совместно со своим учеником Сергеем Фёдоровичем Охременко А. Е. Саломон разработал метод приготовления десертных и крепких вин с применением спиртования, чего ранее в практике русского виноделия не было. На основании метода спиртования разработаны технологии создания многих знаменитых сегодня крымских вин, прославивших на весь мир крымское виноделие, таких как, например, «Мускат белый Красного камня», а также «Пино Гри», «Бастардо», мускаты розовый и чёрный.

Оценивая деятельность сада, один из его директоров, Николай Иванович Кузнецов, писал в 1916 году: «Из... Никитского сада началось всё наше виноградарство и виноделие, ибо по справедливости должно сказать, что для русского виноделия Никитский сад был его колыбелью». В 1931 году винодельческая отрасль была выделена из структуры сада в самостоятельную Крымскую зональную опытную станцию виноградарства и виноделия (в настоящее время – ФГБУН «Всероссийский национальный научно-исследовательский институт виноградарства и виноделия "Магарах" РАН», обеспечивающий сегодня все аспекты отрасли: от выращивания винограда до производства винодельческой продукции).

На базе сада практически с момента его основания постоянно велась также подготовка специалистов по профилю его деятельности. В двадцатые годы XIX века ученики-работники, присылаемые в сад из числа крепостных крестьян, обучались здесь в течение пятнадцати лет, получая высочайшую квалификацию в области садоводства, виноградарства и виноделия.

Работавший директором сада с 1866 по 1880 год ботаник и физиолог растений Николай Егорович Цабель в 1869 году создал Никитское училище садоводства и виноделия с

пятилетним курсом обучения. При училище имелись высшие практические курсы по виноделию. Никитское училище сыграло большую роль в развитии производительных сил Юга России. Многочисленные сады, парки, питомники, крупные виноградники, винодельческие хозяйства создавались не только на базе посадочного материала, полученного из сада, но и непосредственно его воспитанниками. В первой половине XX века училище преобразовалось в техникум, а затем – в школу мастеров декоративного садоводства и южного плодоводства. Всего за годы работы образовательными структурами сада были подготовлены более тысячи высококвалифицированных специалистов, внёсших большой вклад в развитие садоводства нашей страны.

Столетний юбилей сада праздновался торжественно: для размещения значительно увеличившихся в объёме коллекций, и особенно обширного собрания цитрусовых и других теплолюбивых субтропических растений, был заложен новый парк Приморский, в котором высадили также и коллекцию роз, включавшую в этот момент более 2000 сортов.

К своему столетию сад подошёл сложившейся научной организацией, деятельность которой была тесно связана с практикой садоводства и сельского хозяйства, что отражено в девизе сада «Через науку – в жизнь», отчеканенном на юбилейной медали.

На рубеже веков в Никитском саду произошло углубление ботанических исследований и работ по интродукции и селекции растений, а также появились новые научные направления.

В 1890 году на табачной плантации НБС Дмитрием Иосифовичем Ивановским было впервые изучено новое заболевание растений и открыт вирус табачной мозаики, что стало началом новой науки – вирусологии.

Благодаря успехам в изучении культуры и селекции табака Никитский сад стал центром научного табаководства России.

В 1920 году автором сортов табака Дюбек-44 и Американ-572 Андреем Ивановичем Паламарчуком был создан отдел генетики и селекции, что говорит о вовлечённости учёных

сада в новейшие научные направления того времени, такие как генетические исследования.

Создателем русской школы систематиков и ботаников-географов, директором сада Николаем Ивановичем Кузнецовым и выдающимся исследователем крымской флоры Евгением Владимировичем Вульфом в 1914 году был основан Гербарий Никитского ботанического сада, насчитывающий к сегодняшнему дню более 180 000 гербарных образцов сосудистых растений, 800 – водорослей, 486 – мохообразных, 134 – лишайников, отражающий флору Крыма, Кавказа, других регионов РФ, а также зарубежных стран. На основе крымской коллекции гербария ботаниками сада (Евгением Владимировичем Вульфом, Сергеем Сергеевичем Станковым, Николаем Ивановичем Рубцовым, Владимиром Петровичем Малеевым, Людмилой Алексеевной Приваловой) в период с 1927 по 1969 год был подготовлен и опубликован многотомный фундаментальный труд «Флора Крыма», представляющий собой полный критический обзор крымской флоры, а в 1972 году создан определитель высших растений Крыма, включающий 2400 видов.

В начале XX века была организована лаборатория физиологии растений, которой руководил Владимир Николаевич Любименко. За проведённые в Никитском саду исследования в области изучения фотосинтеза В. Н. Любименко в 1913 году получил стипендию Академии наук.

В связи с активизацией работ с техническими, эфиромасличными, каучуконосными, жирномасличными, текстильными и лекарственными растениями в саду в 1923 году появилась лаборатория, а затем и отдел биохимии, одной из задач которого было выявление видов и форм – источников ценных веществ. В тридцатые годы селекционеры совместно с биохимиками изучали закономерности наследования биохимических характеристик сортов эфиромасличных культур, а также проводили масштабную биохимическую оценку исходных форм для селекции. После этой оценки началась интенсивная селекционная работа с эфиромасличными культурами, причём Павел

Розарий

Выставка хризантем

Выставка ирисов

Алексеевич Нестеренко, заведовавший отделом технических и лекарственных растений в то время, применил в селекции и метод отдалённой гибридизации. Были получены не только высокопродуктивные сорта, но и сорта, устойчивые к заболеваниям, холодостойкие, с быстрым отрастанием. Также были подобраны формы с разновременными сроками цветения, возделывание которых позволяло продлить загрузку эфиромасличных заводов с 20 дней до двух месяцев. Эта работа стала основой эфиромасличного растениеводства в Советском Союзе.

Официальный статус научно-исследовательского учреждения Никитский ботанический сад получил 28 февраля 1924 года, когда нарком земледелия РСФСР утвердил Положение о НБС как научном учреждении. С 1935 года Государственный Никитский ботанический сад вошёл в состав Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина СССР.

В 1931–1935 годах сад входил в структуру Всесоюзного института растениеводства (знаменитого ВИРа), являясь его Южным отделением. Директор ВИРа Николай Иванович Вавилов практически ежегодно посещал сад и давал указания по совершенствованию научной работы всех его подразделений. Тесные связи с этим всемирно известным институтом, совместные конференции, исследования и экспедиции способствовали подъёму научной деятельности сада. Усилилось ресурсоведческое направление работ.

Особенно активно развиваются исследования в отделе плодоводства, в который в период с 1928 по 1937 год пришли на работу новые сотрудники, ставшие впоследствии выдающимися селекционерами плодовых растений: Иван Николаевич Рябов, Клавдия Фёдоровна Костина, Александр Андреевич Рихтер, Нина Константиновна Арендт. Свою работу они начали с серии экспедиций: искали ценные местные сорта и формы плодовых растений в древних очагах их культуры – в Азербайджане, Грузии, Армении, Узбекистане, Таджикистане, Казахстане, Туркмении, Горном Дагестане. К числу наиболее важных находок относятся персики с устойчивостью к мучнистой росе, консервные сорта персиков с плотной мякотью, абрикосы с

очень ранним (май) и очень поздним (сентябрь) созреванием плодов, консервные сорта инжира и маслины, ценные виды и сорта миндаля с поздним цветением, уходящие от весенних заморозков. Привезённые из экспедиций ценные формы плодовых были включены в коллекции и использованы в селекционной работе.

Крым также является древним очагом культуры плодовых растений, и в частности устойчивой и обильно плодоносящей алычи. Скрещивание лучших местных форм крымской алычи с привезёнными сортами, обладающими более крупными, плотными плодами, позволило получить перспективные новые сорта и впервые в мире начать выращивать алычу на плантациях как промышленную плодовую культуру.

В саду были созданы прекрасные консервные сорта персика, абрикоса и алычи, а также устойчивые и продуктивные сорта плодовых и орехоплодных культур с разными сроками созревания плодов. Для получения некоторых из них использовалась сложная методика отдалённой гибридизации. Успешным примером использования этого метода стало создание ультрараннего персика Пушистый ранний путём скрещивания представителей двух разных ботанических родов – персика и миндаля. Методом межвидовой гибридизации удалось получить холодостойкие сорта хурмы и продвинуть на север зону её промышленного выращивания.

Драматической страницей в истории НБС стали годы Великой Отечественной войны. Молодые сотрудники сада были мобилизованы и ушли на фронт. Дирекция во главе с А. С. Ковергой и некоторые сотрудники, а также лабораторное оборудование, архив и библиотека были эвакуированы на Кавказ, где велась работа по отысканию и сбору лекарственных растений для помощи фронту. Сотрудники, которые не смогли эвакуироваться, остались на месте и, превозмогая голод и лишения, во главе с известным химиком-виноделом профессором М. Ф. Щербачевым все силы направили на сохранение главного достояния сада – бесценных живых коллекций плодовых, технических, декоративных растений, гибридного фонда и виноградников. За годы войны погибли 30 сотрудников

сада (на фронтах, в партизанских отрядах, от голода, были расстреляны немцами).

Оккупация продолжалась с ноября 1941 по апрель 1944 года. Большой удачей было то, что, высоко оценивая коллекции сада, немцы не разграбили и не уничтожили их, сохраняя для себя (общий надзор в саду осуществлял немецкий комендант, контролировавший и уход за растениями). Однако наиболее нежные экзоты погибли от морозов и отсутствия ухода.

Отступая, немцы вывезли в Германию создававшийся десятилетиями крымский гербарий, который был затем возвращён благодаря самоотверженности его хранителя Людмилы Анатольевны Симанской, сохранявшей гербарий во время его пребывания за границей, и директора сада Анатолия Софроновича Коверги, который отправился на розыски гербария уже в апреле 1945 года и вернул его в Никитский сад.

Восстановление и дальнейшее развитие Никитского ботанического сада началось сразу после освобождения Крыма.

Был заложен ещё один парк для размещения коллекций, а в 1952 году создан новый отдел защиты растений, занимающийся защитой от вредителей и болезней не только коллекционных насаждений сада, но и промышленных плодовых садов всего Крыма. В 60-е годы отдел защиты растений разработал эффективную систему химической защиты плодовых садов от вредителей, внедрённую по всему югу СССР. Затем, в 70-е годы, в целях защиты окружающей среды была разработана интегрированная система защиты растений, позволившая в 2–3 раза сократить использование химических препаратов за счёт внедрения физиологического, генетического и биологического методов. В 1976 году на базе отдела защиты растений Никитского ботанического сада прошла советско-американская конференция по защите растений.

В 1963 году Никитский ботанический сад впервые в СССР добился выдачи авторских свидетельств на цветочно-декоративные растения (на 12 сортов роз, созданных селекционером сада Верой Николаевной Клименко), которые ранее не принимались в Госсортоиспытание. Только

Каскад бассейнов Нижнего парка

Кактусовая оранжерея и участок суккулентов

Итальянская сосна

после этой проведённой садом работы сорта цветочно-декоративных растений стали испытывать и выдавать документы, подтверждающие авторство на сорт. К настоящему моменту авторские свидетельства получены на более чем 130 сортов цветочно-декоративных культур селекции сада.

К своему 150-летию за большие успехи в развитии южного садоводства Государственный Никитский ботанический сад был удостоен государственной награды – ордена Трудового Красного Знамени.

В этот период директором сада был Михаил Андреевич Кочкин – агроэколог, начавший масштабную работу по агроклиматическому районированию Крыма для целей плодородства, завершённую в 2015 году. Посадив плодовые растения согласно этому районированию, можно повысить их урожайность практически вдвое.

При М. А. Кочкине для подготовки научных кадров высшей квалификации в саду была открыта аспирантура. Сегодня подготовка научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре осуществляется по двум направлениям: «Биологические науки» и «Сельское хозяйство».

Также во второй половине XX века развивалась работа по внедрению результатов научных исследований – для массового размножения плодовых культур было открыто Степное отделение сада за Симферополем, а для размножения декоративных культур – питомник «Приморское» в посёлке Партенит.

В конце XX века, в 1996 году, в саду открылась Кактусовая оранжерея, представляющая одну из крупнейших коллекций суккулентных растений России и Европы. Сбор этой коллекции вёлся с момента основания сада, и в настоящее время она насчитывает около 1100 видов, форм и разновидностей суккулентов. Из них – более 600 видов кактусов из 118 родов и около 500 видов других суккулентов из 67 родов и 17 семейств.

В последние десятилетия XX века в саду начинаются исследования по размножению в условиях *in vitro* плодовых, декоративных, лекарственных и эфиромасличных растений, а также редких и исчезающих растений флоры Крыма, ставшие началом нового научного направления в работе сада – биотехнологии.

Происходящее в настоящее время в саду активное развитие научных исследований связано с возвращением Крыма в Российскую Федерацию. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 7 сентября 2015 года № 1743 создано федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Ордена Трудового Красного Знамени Никитский ботанический сад – Национальный научный центр РАН» (ФГБУН «НБС-ННЦ»). С 2018 года это учреждение находится в ведении Министерства науки и высшего образования РФ.

В 2014 году Никитский ботанический сад выиграл грант по программе «Сохранение и изучение растительного генофонда Никитского ботанического сада и разработка способов получения высокопродуктивных сортов и форм садовых культур для юга России методами классической и молекулярной селекции, биотехнологии и биоинженерии», поддержанной Российским научным фондом. В рамках этого гранта пополнены коллекции, обновлено исследовательское оборудование сада, а также на базе лабораторий биотехнологии и вирусологии растений создан научный центр биотехнологии, геномики и депонирования растений «Фитобиоген». Это способствовало развитию исследований по таким направлениям, как молекулярная биология, геномика, биоинформатика, геновая инженерия и селекция *in vitro*, создание системы безвирусного растениеводства, морфогенез и депонирование растений *in vitro*, прикладная биотехнология и клональное микроразмножение растений. Эти исследования находятся на переднем крае науки, раскрывают механизмы функционирования растений на самых глубоких и базовых уровнях и создают основу для получения совершенно новых форм растений с заданными свойствами.

Созданный в 2019 году Геномный центр Никитского ботанического сада вошёл в кон-

сорциум центра геномных исследований мирового уровня «Курчатовский геномный центр», куда входят восемь научно-исследовательских учреждений России. В это же время для внедрения результатов исследований создан производственный биотехнологический комплекс, предназначенный для получения безвирусного посадочного материала южных плодовых культур и элитных сортов винограда.

Развиваются исследования в области рационального природопользования. Ботаники и экологи сада в настоящее время ведут исследования по изучению современного состояния разнообразия, экологии, динамики и ресурсной значимости природных и трансформированных экосистем южных регионов европейской части России на видовом, популяционном, ценоотическом и инфраценоотическом уровнях. В 2015–2018 годах учёные сада приняли участие в создании Красных книг Республики Крым и города Севастополя.

Только за последние восемь лет учёные сада приняли участие более чем в 200 международных конференциях, совершили командировки и экспедиции в Китай, Индию, Вьетнам, Иран, Таиланд, Мексику, США, Словению, Чехию, Грецию, ЮАР, Беларусь, Казахстан, Францию, Италию, Израиль, Абхазию.

В настоящее время структура сада представлена пятью научными отделами (отдел дендрологии, цветоводства и ландшафтной архитектуры; отдел природных экосистем; отдел плодовых культур; отдел технических культур и биологически активных веществ; отдел геномных и постгеномных исследований), а также четырьмя отделениями, расположенными в разных частях Крымского полуострова (отделение «Крымская опытная станция садоводства», отделение «Крымская помологическая станция», отделение агротехники и питомниководства декоративных культур «Приморское», отделение агротехники и питомниководства «Джанкойский интродукционно-карантинный питомник»). Общая площадь ФГБУН «НБС-ННЦ» 1576,45 га, и эти земельные участки расположены в восьми населённых пунктах Республики Крым с разными почвенно-климатическими

условиями (сухие субтропики Южного берега Крыма, предгорная, предгорная приморская, степная и степная приморская зоны Крымского полуострова).

Коллектив сада сегодня – это около 800 специалистов, среди которых один член-корреспондент РАН, 23 доктора и более 60 кандидатов биологических и сельскохозяйственных наук. Звание профессора имеют пять учёных, звание старшего научного сотрудника – 30, звание заслуженного деятеля науки и техники – 17. 25 ведущих учёных Никитского сада уполномочены представлять Российскую академию наук в международных научных организациях, таких как Международное сообщество садоводческих наук (ISHS), Международная ассоциация биотехнологии растений (IAPB), Международная ассоциация исследований репродукции растений (IASPRR), Международный союз почвоведения (IUSS), Международное общество развития окружающей среды (ISERD), Федерация европейских сообществ биологии растений (FESPB), Международная ассоциация науки о растительности (IAVS).

Никитский ботанический сад имеет достаточную и современную материально-техническую базу для проведения научно-исследовательских работ, которая в 2015–2021 годах обновилась на 93%.

За 210 лет истории Никитского ботанического сада трудами нескольких поколений учёных здесь собраны богатейшие коллекции различных древесных и травянистых растений, насчитывающие более 16 000 видов, форм и сортов. Учёными

Никитского сада впервые введено в культуру более 400 видов растений, выведено около 800 отечественных сортов растений. Из них около 200 сортов плодовых, декоративных и эфиромасличных культур включено в Реестр селекционных достижений растений России. Подготовлена программа развития садоводства Республики Крым до 2025 года. Проведены исследования флоры и растительности Крыма, и ведутся работы по сохранению биоразнообразия растений.

За достижения в разных областях своей деятельности Никитским ботаническим садом получено свыше 1150 наград, в том числе 70 из них – на международных выставках, а также получено 142 патента на селекционные достижения и изобретения.

Особенностью исследований, проводимых в саду, является их комплексность, основанная на совместной работе ботаников, интродукторов, селекционеров, физиологов, биохимиков, эмбриологов, молекулярных биологов, биотехнологов, биоинформатиков, экологов, фитопатологов.

Эти исследования направлены на решение проблем в рамках Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, «пункт "г" – переход к высокопродуктивному и экологически чистому агро- и аквахозяйству», разработку и внедрение систем рационального применения средств химической и биологической защиты сельскохозяйственных растений и животных, хранение и эффективную переработку сельскохозяйственной продукции, создание безопасных и качественных, в том числе функциональных, продуктов питания, а также на реализацию Приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации (в частности, шестого – «Рациональное природопользование»). Никитский ботанический сад вносит существенный вклад в импортозамещение и обеспечение продовольственной безопасности нашей страны. На протяжении всей своей истории сад следует своему девизу «Через науку – в жизнь» и способствует всестороннему развитию садоводства Юга России.

Юрий ПЛУГАТАРЬ

Валерий МАЗМАНЯН

Родился 9 июля 1953 года в семье военнослужащего.

В 1975 году окончил Пятигорский государственный педагогический институт иностранных языков.

Живёт в Москве. Работает в системе образования. Автор книги «Не спросишь серых журавлей».

РЯБИНЫ ГОРЬКИЕ УСТА – МЕДОВЫЕ К ЗИМЕ

Ругнём – не нами повелось –
Дожди и суету,
Берёза золотом волос
Прикрыла наготу.

И пусть у нас настрой плохой,
И пусть пейзаж уныл,
В ночи над худенькой ольхой
Сияет нимб луны.

Извечный осени обряд –
Былое ворошить,
Забрали ветры октября
У тополя гроши.

Шепнёшь, что просто подустал,
Не всё держи в уме...
Рябины горькие уста –
Медовые к зиме.

РАЗНОЦВЕТНАЯ СВИТА ОПАВШЕЙ ЛИСТВЫ

С увядающей осенью вечно морока –
Забывает опять про обещанный снег,
А дожди барабанят в закрытые окна,
Со слезой умоляя пустить на ночлег.

Не гадал, что скрывалось за вашей улыбкой,
И не верило сердце, что это игра,
Не берёзовый лист – золотистую рыбку
Доставали из невода веток ветра.

А ракита, озябшая, в платице рваном,
Помахала платком – возвращайтесь на круг,
Переводит душа на язык расставаний
И несдержанный вздох, и касания рук.

Поддержу разговор о делах, о погоде,
Понимая, что клятвы любые пусты...
Уходящего в зиму привычно проводит
Разноцветная свита опавшей листвы.

УВЯДАЮЩЕЙ ОСЕНИ КЛЁНЫ ЗОЛОТЫЕ ПРИНОСЯТ ДАРЫ

С голубями остались вороны
Сторожить до апреля дворы,
Увядающей осени клёны
Золотые приносят дары.

Погорюем, что видимся редко
И любовь достаётся трудом.
Извивается яблони ветка,
Искушая медовым плодом.

Повздыхаем, и корку раскрошим,
И приветим у ног сизаря.
Что потом обернётся хорошим,
И гадать, и раздумывать зря.

Озаряя сиянием воздух,
Листопады за ветром спешат...
Забывая про годы и возраст,
Невозможного хочет душа.

СШИВАЮТ ДОЖДИ ОДЕЯЛО ИЗ ПЁСТРЫХ ЛОСКУТЬЕВ ЛИСТВЫ

Не плачься, что ранняя осень
Красотке за сорок сродни,
А яблоки, падая оземь,
Считают не годы, а дни.

Поверишь – останется вечно,
Что близко и дорого мне,
Негаснущим пламенем свечки
Берёзовый листик во тьме.

Осины в парчу разделись,
Проводят сентябрь за порог,
А клёны, наверно, за ересь
Сгорают в кострах у дорог.

Сшивают дожди одеяло
Из пёстрых лоскутьев листвы...
И нам остаётся немало –
Судьбы паутинку плести.

А КЛЁНАМ В ЖЁЛТЫЕ ЛАДОНИ ДОЖДИ БРОСАЮТ СЕРЕБРО

Душе неймётся – вот и гонит
В ненастье взяться за перо,
А клёнам в жёлтые ладони
Дожди бросают серебро.

И хочешь ласкового взгляда
И слова нежного с утра.
Багряный парус листопада
Порвали шальные ветра.

Всего одна твоя улыбка –
И станет розовым восток,
И золотой плеснётся рыбкой
В пруду берёзовый листок.

Ветле с покатыми плечами
Помашет уточка крылом...
Какая осень без печали,
Без сожалений о былом.

И ПРОЩАЛЬНЫМ ТВОИМ ПОЦЕЛУЕМ ОТПЫЛАЕТ ОСИНОВЫЙ ЛИСТ

Облетают кленовые ветки,
И к судьбе примеряемся мы,
И опавшие листья виньеткой
На заглавной странице зимы.

Вспоминается в сумрачный вечер,
Как я знойное лето ругал,
А берёз обнажённые плечи
Ещё помнят красивый загар.

Не горюй – и душевные раны,
И рябиновой кисти ожог
Поутру, с пробуждением ранним,
Забинтует пушистый снежок.

Уходящий в эпоху былую
По-особому, видно, речист...
И прощальным твоим поцелуем
Отпылает осиновый лист.

А РЯБИНЫ ПОДКРАСИЛИ ГУБЫ, ОЖИДАЯ ПРИХОД СЕНТЯБРЯ

Вместе с днями и чувства на убыль,
Журавли собрались за моря,
А рябины подкрасили губы,
Ожидая приход сентября.

Ветерок твои волосы тронет,
Поспешит паутинку вплести,
И дожди на кленовой ладони
Наших судеб начертят пути.

А берёзоньке с чёлочкой рыжей
Золотые серёжки к лицу,
Промолчи, что не станем мы ближе,
Уходя, с листопадом станцуй.

И останется память святая,
Сновидения, строчки и вздох...
И листвы желтокрылая стая
Попорхает и ляжет у ног.

И БАБОЧКОЙ-ЛИМОННИЦЕЙ ОСЕННИЙ ЛИСТ ЗАКРУЖИТСЯ

Рябины губы алые,
Целованные ветрами,
А в сквере листья палые
Считает август с ветками.

Узнает осень – выжили,
Морщинками откредитится,
Берёза в пряди рыжие
Заколку вденет месяца.

Любовь жива, а прочее
Само и перемелется,
И капель многогочие
Стряхнёт на плечи деревце.

И серость не схоронится
От солнца в мелкой лужице...
И бабочкой-лимонницей
Осенний лист закружится.

И АВГУСТ В НОГИ СЕНТЯБРЮ МЕДОВЫМ ЯБЛОКОМ УПАЛ

Залётный ветер под окном
Берёзе золото сулит,
Вечерний дождь стальным пером
Выводит на воде нули.

Худой фонарь с лицом больным
Устал от шума и машин,
А день сегодняшней с былым
Связали ниточки морщин.

Пойму по жесту твоих рук,
Что лето кончилось – молчи,
И нотах – вздох и капель стук –
Ещё не раз звучать в ночи.

Тебе о чувствах говорю,
И вечер для признаний мал...
И август в ноги сентябрю
Медовым яблоком упал.

А КЛЁНЫ НА ЖЁЛТЫХ ЛАДОНЯХ ПРИНОСЯТ ВЕЧЕРНЮЮ ГРУСТЬ

Лист палый ветра не догонит,
В сиреневый вцепится куст,
А клёны на жёлтых ладонях
Приносят вечернюю грусть.

Ничем эта осень не хуже
И будет не лучше других,
Дожди на асфальтовых лужах
Житейские чертят круги.

Слова распадутся на звуки,
Любовным порывом не лгут,
Целую красивые руки –
Они создавали уют.

Покой на душе – это милость,
Уже никуда не спешим...
А осень навек зацепилась
У глаз паутинкой морщин.

И ТКУТ ВЕЧЕРНИЕ ДОЖДИ ДЛЯ ОСЕНИ ЦВЕТНЫЕ ТКАНИ

Стучится дождь, и серый свет
Гардина в сумрак комнат впустит.
Укутанный в пушистый плед,
Свернулся в кресле кокон грусти.

И зря гадать, о чём молчишь
И что тревожит твой покой,
Не ты – компьютерная мышь
Пригрелась под моей рукой.

И я боюсь, что выдаст голос, –
Пугает отрешённый взгляд,
Лучом закатным гладиолус
На миг осветит мокрый сад.

Берёзовый листок дрожит –
Сорвётся и в туманы канет...
И ткут вечерние дожди
Для осени цветные ткани.

ПЛЕЧИ КУТАЕТ КАЛИНА В КРАСНЫЙ С БАХРОМОЙ ПЛАТОЧЕК

Тонет месяца кораблик
В море синего рассвета,
Стуком падающих яблок
Август дни считает лета.

Жизнь казалась длинной-длинной.
Осень не даёт отсрочек.
Плечи кутает калина
В красный с бахромой платочек.

Не сегодня завтра морось,
Медь осин возьмём как милость,
На висках не белый волос –
Паутинка зацепилась.

В палых листьях память солнца
Замерцает старой бронзой...
В унисон с ветрами бьётся
Сердце жёлтое берёзы.

АВГУСТ ЗАВЕЩАЕТ ФЛОКСАМ ДО СНЕГА ПАМЯТЬ СОХРАНИТЬ

Вечерний зной и дождь короткий
Не вспомнит утром девясил,
А месяц клинышком бородку
В речную воду опустил.

В окно, распахнутое настежь,
Звезда влетела мотыльком,
И ты печальным взглядом скажешь,
Что лето – это сон мельком.

Оглушит тишина пустая,
Забьётся сердце у висков,
Сомнёт листву берёзы стая
В рассвет летящих облаков.

Где жёлтый лист в траву улёгся,
Дожди свою распустят нить...
И август завещает флоксам
До снега память сохранить.

ВМЕСТЕ С БАБОЧКАМИ ЛЕТО ПО ДВОРАМ РАЗНОСИТ ШМЕЛЬ

Блики солнечного света,
Час, не больше, дождь шумел,
Вместе с бабочками лето
По дворам разносит шмель.

Что для счастья надо мало,
Если хочешь, говори.
У окна собрали мальвы
Утром капельки зари.

Что с того, что в прядях иней
И морщинки возле глаз, –
Солнце зреет сочной дыней
В этом августе для нас.

Смех и поцелуй горячий,
Голубь во дворе речист...
В тень берёзы ветер прячет
Первый золочёный лист.

И ВЕТЕРОК НОЧНОЙ ИГРИВ – ЦЕЛУЕТ ЯБЛОНЮ В ПЛЕЧО

Полнеба сжёл, дотлел закат
У голубиноного крыла,
А там, где плыли облака,
Звезда кувшинкой зацвела.

До блеска ржавую луну
Начистят веточки берёз,
Твой взгляд и шёпот нам вернут
Былые чувства, радость грёз.

И ветерок ночной игрив –
Целует яблоню в плечо,
Мы время падающих слив
Порой счастливой наречём.

Оставь «во-первых», «во-вторых» –
Найдётся повод для нытья...
И у души нет выходных
В круговороте бытия.

Юрий БОГОМОЛОВ

Родился 5 мая 1940 года в г. Москве.
 Аналитик современного состояния гидрогеологической науки и практики, её роли в различных отраслях народного хозяйства и в области безопасности водных ресурсов России и СНГ.
 В настоящее время является председателем правления Общероссийской общественной организации «Российский союз гидрогеологов».
 Окончил Московский геологоразведочный институт им. Серго Орджоникидзе, кандидат геолого-минералогических наук (1970).
 Основные направления исследований: гидрогеология (водоснабжение, мелиоративная гидрогеология, инженерная гидрогеология, нефтяная гидрогеология, региональная гидрогеология).
 Опубликовано более 100 научных и прикладных работ, включая три монографии. Книга Ю. Г. Богомолова, В. Ф. Жабина, В. Х. Хачатурьяна «Изменение гидрогеологических условий под влиянием мелиорации» переведена на несколько языков, широко используется в аридных странах Ближнего Востока и Африки.
 Проводил исследования в странах СНГ (Россия, Белоруссия, Казахстан, Таджикистан), Ближнего Востока и Африки (Йемен, ОАЭ, Бахрейн, Замбия, Египет, ЮАР и др.), читал лекции в Западной Европе и Китае; участник международных геологических конгрессов и симпозиумов (СССР, Россия, СНГ, США, Канада, Франция).

ТАК ПОБЕДИМ!

Собор Парижской Богоматери
 Не тронул ариев сапог,
 Но Сатана пробрался к паперти
 И там святилище поджжг...

Поджжг Варшаву и Хатынь,
 Под Сталинградом был опознан
 И был впечатан в нашу пыль,
 Как паразит и червь навозный.

В Собор Парижской Богоматери
 Бессмертный полк я заведу
 И подержу масонов взаперти,
 Как Бог преступников в аду.

Так принужденье бесов к миру
 Увидит мир наверняка,
 И броневой своей лирой
 Поэт расплатится сполна!

Тогда солдаты в сорок пятом
 Родятся заново в душе,
 Как и Создатель, в ночь распятый
 За всех погибших на войне...

СПАСЕНИЕ

Слепой певец в пустынном Риме
 Аве Марию призывал,
 Спасти просил от пандемии
 И сердце трепетное рвал...

Андреа, ангельский, Бочелли,
 Ты Вечность в души запустил,
 Слепые духом вмиг прозрели,
 И ты грехи им отпустил.

Слепой Андрей и в Третьем Риме
 Святую мать слёзно звал...
 Слепцы сошлись в ущербном мире,
 В забытой и трагичной лире,
 И дух византов в них восстал!

БОЛЬ

Душа болит в славянском теле,
Который год горит свеча –
На край Руси химеры сели
И осквернили купола.

Там русский дух, там Русью пахнет,
Дозорный на ветвях сидит,
Там олигарх над гривной чахнет
И незалежностью смердит.

Там мелодичностью, как песней,
Гипнотизируют весь мир,
Там теплота, но лик беспечный
И в хромосоме бесконечной
Закамуфлирован вампир...

Нас всех когда-то разделили,
Неслышно нелюди вползли –
И вот тогда нас всех стравили,
И шёпот Гоголя в могиле,
И эхо Пушкина в Пальмире
Помочь с тех пор нам не смогли.

Вот и встаёт вопрос столетий –
Кто раздербанил нашу кровь?
Как под покровом лихолетий
И вновь возникших междометий
Угасла к Родине любовь!

Душа болит в славянском теле,
Который год горит свеча,
На край Руси химеры сели,
Глаза и руки онемели,
И сердце требует врача.

Душа болит в славянском теле,
Который век горит свеча!

«ЗАЧЕМ НАМ ТАКОЙ МИР, ЕСЛИ В НЁМ НЕ БУДЕТ РОССИИ»

Сказал уверенно, как выстрел,
Известный в мире персонаж,
Он с малых лет ещё замыслил
Освоить государев стаж.

Опять России повезло –
Прошло две трети века,
Когда в дешёвеньком пальто
Мерзавцы из Политбюро
Растяли Человека.

«Мочить в сортире» их тогда
Не довелось кумиру,
Но он явился к нам пока
Для принужденья к миру...

Святая Русь как миг прекрасный,
Как свет, рождённый от звезды, –
Дух возрождался многократно,
И человечество напрасно
Не знает этой глубины...

Дух, а не идол закордонный
Решал падения и взлёт,
Суть этой истины несложной –
Не стой под молнией – убьёт!

Мир в ожидании решения,
Что может страсти охладить,
А мёртвым душам воскресенье,
И либералам для прозренья,
Чтоб крепче Родину любить...

Нам за державу не обидно
В «предневоенный» Новый год,
Как карта ляжет – будет видно,
А для смыслёных очевидно,
Что за Верховного не стыдно –
Он смастерил России взлёт!

СОВЕСТЬ

Любовь и честь всегда на страже
Тех необузданных страстей,
Что, вырываясь на форсаже,
Калечат совести людей.

Её неясная структура
Была тревогой для Христа,
Она – сама прокуратура,
Вершит законные дела.

Её честнейшая природа
Не знает отдыха во сне,
Она послушница народа,
Всегда противница беде...

Она способна повернуть
Глаза зрачками прямо в душу,
И зло вселенское нагнуть,
И утопающих – на сушу.

Чиста всегда, как лик ребёнка,
Как с гор несущийся поток,
Как чуткий носик у телёнка,
Затеребившего сосок.

В ней мирозданье, словно в капле,
Висит под тяжестью богов,
Она везде и, словно в масле,
Хранит нетленность ваших снов.

Она всегда на грани риска,
В ней не замечен наций след –
Вы подошли к ней очень близко,
А оказалось, её нет...

Но слышно «Лунную сонату»,
И совесть нежным ветерком –
По переулочкам Арбата,
В ночи Венеции когда-то
Проплыли прозрачно вдвоём...

1453 ГОД

Ломались копья, мир трещал –
Россия заново решила
Реанимировать причал,
Который, сбили с ног, забыла.

А тот причал увяз в песке,
Но сохранился Божьей верой –
И вот плывут вдаль по реке
Ромеев древние галеры!

Константинополь завещал
России вечные скрижали,
На них Создатель начертал
Законов точные детали.

Вот так России повезло,
И так угасла Византия,
Но время русских вновь пришло,
Аскольда гордого и Кия!

Где Третий Рим – там нет войны,
В душе желанная свобода,
И да попробуй докажи,
Перстом конкретно укажи
Обратное народу!

90-Е ГОДЫ

На этом хрупком переломе
Мир лихорадило везде.
И Русь была почти что в коме
На радость недругам извне.

Но государство развернулось
Своей глубинною душой
И осторожно потянулось
К забытой истине простой...

Исток, закатанный в бетон,
Стал пробиваться властно,
Мир ошарашило, что он
Ещё был жив негласно...

ОСЕНЬ

Душу мою подсмотри наизнанку –
Жёлтые листья её облепили,
Птицы теперь не кричат спозаранку,
И петухи захандрили.

Буднично, просто всё стало и мило...
Кажется, люди решают задачу:
Будет ли солнце иль миру
Можно рассчитывать лишь на удачу?

Рыхлое небо ползёт, не закончится,
Лужи лежат зеркалами,
Что-то земле и томится, и хочется...
Листья хрустят под ногами.

ОЖИДАНИЕ ЛЮБВИ

Солнце в ясном небе,
Океан в лазури дня,
Золотой песок и ветер –
Все алмазы для тебя!

Кладовые вдохновений,
Моцарт, Пушкин и Шекспир,
Интеллекты поколений –
Отдаю тебе весь мир.

И души моей страданья,
Боль, впитавшую века,
Только ты назло гаданьям
Покажись издалика,

Подари мне хоть мгновенье –
И тогда, любовь моя,
Буду счастлив, как Есенин,
Проскакав в начале дня.

ГОГОЛЬ

Душа кристальная с рожденья
Не подводила никогда,
Сам Городничий наважденьем
Его преследовал тогда.

Свой дух, воистину вселенский,
Он к мёртвым душам обратил,
Но, к сожаленью, сэр Белинский
В нём жажду истины убил.

Уродство липких либералов
И бесовщину от сохи
Никола показал не сразу,
Но постепенно вник «в проказу»
И вдруг расстроился с тоски...

ДОСТОЕВСКОМУ

Он суть Христа всем разъяснил,
Любовью оросив сердца,
И тихо Вечность попросил
Вернуть нам Бога, господя!

И в преступленье с наказаньем
Учитель чувствовал Его,
Сие зловещее призванье,
Как будто наше созерцанье,
Не может выполнить никто.

Как Идиот, писатель тоже
Перерождался много раз,
Но, отпустив свой нерв, он всё же
Стал русским гением для нас.

Его боюсь, люблю, страдаю,
Хочу понять, где мэтр сейчас,
Но он со мной легко играет,
Души своей не раскрывает,
А как бы вышел в парк на час...

И СНОВА – «РОССИЯ, ЗДРАВСТВУЙ!» – В ДЕВЯТЫЙ РАЗ

ПРИНОШЕНИЕ ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ В ДЕНЬ ЕГО 350-ЛЕТИЯ

Начало традиции было положено в 2012 году, после очередного съезда академии, где речь шла и о необходимости активизировать работу по патриотическому воспитанию подрастающего поколения, и взрослых тоже. Тревогу вызывало проникновение в нашу культуру иностранщины. Она и сейчас, когда от нас во всех сферах отгородился Запад, живёт и побеждает. Мы великая страна во всех смыслах, но с русской идентичностью, предполагающей, кроме всего прочего, «солидарность с судьбой русского народа», всё не так-то просто.

Несмотря на болезнь общества, до конца ещё не осознавшего губительное влияние на нас зависимости от Запада, а может быть, благодаря болезни, россияне предпринимают попытки остановить движение в никуда – лечение доктор прописал. С Западом у нас нет будущего,

если он считает важным и нужным разрушение, к примеру, традиционных семейных ценностей и принимает решение отказаться от слов «мать» и «отец».

Наша академия ПАНИ не на словах, а на деле противостоит процессам, которые приводят к воспитанию недочеловеков, убеждённых в том, что чёрное – это белое, и вбивающих в головы молодёжи идеи, ведущие к саморазрушению.

Вот конкретное наше дело: выставка академиков «Россия, здравствуй!» – то, что доктор прописал.

– Уже в зрелом возрасте я задумалась над глубинным смыслом обычного приветствия при встрече: «Здравствуй!» – это же пожелание здоровья, а «Россия, здравствуй!» – здоровья нашей великой России, – сказала художница

Галина Семиглазова. Я знаю: город будет!

Галина Семиглазова на открытии 9-й выставки Петровской академии наук и искусств 7 июня 2022 года в Библиотеке имени В. В. Вересаева. – И когда 23 июня 2012 года по предложению руководителя секции МО ПАНИ «Изобразительное искусство» Владимира Семёновича Кузнецова открылась в библиотеке имени С. П. Боголюбова 1-я тематическая выставка под названием «Россия, здравствуй!», я это начинание горячо поддержала.

Каждый год наши мастера готовили для экспозиции свои работы, в которых показывали матушку-Россию во всей красе, и значительная часть произведений отражала духовную жизнь русского человека, любящего Родину, её природу, знающего историю страны, великих людей. На живописных полотнах изображали православные храмы.

Но в этом году я предложил художникам раскрыть в своих работах взгляд на личность Петра и его деяния. Из двадцати произведений сложилось общее полотно, позволяющее зрителю понять, с одной стороны, масштаб этой исторической личности, а с другой – поразмышлять о Петре как о человеке.

Получилось достойное приношение первому императору России в честь его 350-летия.

Во всех девяти выставках «Россия, здравствуй!» в первых рядах – Галина Семиглазова, причём она всегда готовила своё новое «слово» о России. И в этот раз она удивила, создав эпическое, по сути, жанровое произведение углём на бумаге «Я знаю: город будет!» – оно

о силе характера человека, которого недаром прозвали Великим, о главном детище его – Петропавловской крепости.

– Я просмотрела все фильмы о последнем русском царе, и мне запал в душу образ, созданный Дмитрием Золотухиным в дилогии Сергея Герасимова: «Юность Петра» и «В начале славных дел». Этого же актёра пригласил на роль Петра Алексеевича Илья Гурин в девятисерийный телефильм «Россия молодая». Как мне кажется, Дмитрий Золотухин и его режиссёры попали в яблочко, показав героя с разных сторон: и как взрывного, темпераментного человека с необузданным нравом, и как реформатора, свою жизнь положившего на плаху ради великой цели – укрепления государства.

Портретный жанр – один из сложных, однако художник, задумывая создать образ исторической личности, вряд ли посчитает интересным передать лишь черты лица, а они, мягко говоря, разные на полотнах мастеров

Иван Никитин. Портрет Петра на фоне морского сражения (фрагмент)

конца XVII – начала XVIII века. Известны около двадцати прижизненных изображений самодержца, и большая часть принадлежит кисти иностранцев: французов, голландцев, датчан, англичан... И лишь единственный портрет сделал русский живописец – Иван Никитин. Кстати, он считается вообще первым портретистом в истории отечественной живописи. Иван Никитич учился искусству во Флоренции и в 1715 году стал придворным художником русского царя. Есть точные архивные данные о том, что царь позировал мастеру дважды: в 1715 и 1721 годах – получился «Портрет Петра I на фоне морского сражения». Пожалуй, этот облик чаще всего использовали художники, захотевшие приобщиться к ряду избранных, изображающих Петра, уже после его смерти.

Ольга Иванова-Мерер, член-корреспондент ПАНИ из Санкт-Петербурга, привезла в Москву три полотна на тему выставки, и на одном из них она воплотила свои мысли об императоре, обратившись всё к тому же Сергею Аполлинариевичу. Разумеется, у неё наш герой иной, нежели у Семиглазовой.

– На историческом портрете важную роль играет и одеяние, – размышляет Ольга, – а в своих фильмах Герасимов добивался абсолютной точности в создании атмосферы петровской эпохи, и я заимствовала это у великого советского режиссёра. А при изображении черт лица я включила воображение и отошла от фотографической точности идентичности актёра. Но соблазн был, ведь я общалась с Дмитрием Золотухиным, и впечатления от минут встречи я хотела заложить в портрет, который назвала «В начале славных дел».

Получилось. И с этим не поспоришь.

Продолжить размышления о выставке, её многоплановости можно, обратившись к скульптурному образу Петра. Модель памятника «Юность Петра» сделал Ростислав Кобзев, окончивший Пушкинский лицей. Работу сына прокомментировал его отец Сергей Васильевич Кобзев, известный петербургский художник-монументалист, основавший музей в Ладого «Путь русской славы», в котором значительное место отведено произведениям, отражающим значимость в русской истории Петровской эпохи.

Ольга Иванова-Мерер. В начале славных дел. Портрет Петра I

– Ростислав в своей скульптуре воплотил идею возрождения русской государственности, – даёт пояснение Сергей Васильевич. – Жизнь Петра – это великий подвиг. В его руке – посох (трость), что подчёркивает мысль: царю есть на что опереться – на землю, на народ, который поверил ему и ценой огромных жертв вывел Россию на лидирующие позиции в Европе. Есть хорошее русское слово «поступить». Именно таким твёрдым, уверенным шагом он вёл страну к многочисленным победам, и военным, и экономическим, и научным.

Именно с Петра Великого началось восхождение России на новый, интеллектуальный уровень – он основал в 1724 году нашу академию – Российскую академию наук и всяческих искусств. Его стремление к просвещению народа – вот что читается в сложной многокомпонентной композиции академика Омара Годинеса, кубинского художника, окончившего Суриковский институт и внимающего истокам

Ростислав Кобзев. Юность
Петра. Модель памятника

русской культуры, как это может сделать даже не всякий русский. Казалось бы, как можно это сделать через коллаж, собранный из фотографии старого телевизора, автопортрета Пушкина, даже нескольких рисунков поэта, пистолетов, напоминающих те, роковые, выстрелы из которых прозвучали в феврале на Чёрной речке, а ещё надписи, надписи, надписи – все на испанском языке – это переводы строчек Александра Сергеевича, правнука арапа Петра Великого Ганнибала. Переводы сделаны, конечно, в новые времена, и таким образом произведение Омара воспринимается как симбиоз времён: петровских, пушкинских и нынешних. Композиция Омара Годинеса – это ещё и дань памяти вели-

Омар Годинес. Правнук арапа Петра Великого

кого русского писателя, автора романа «Арап Петра Великого», неоконченного романа.

Историческая сущность личности Петра интересна академику Игорю Лозинскому. «Встреча с зодчими» – сюжет имеет под собой реальную основу: известно, насколько строг был император к подчинённым, особенно к тем, кто имел отношение к формированию архитектурного облика Петербурга, да и других городов России.

Евгений Окиншевич. «Паруса Петра»

Город Санкт-Петербург строился как северная Венеция, оттого, наверное, подобно всему итальянскому, воспринимается нами как нечто романтическое, эмоциональное, экспрессивное. Своей фирменной сочной сине-зелёно-жёлтой палитрой на большой изобразительной площади академик Евгений Окиншевич поёт оду Петру, покорителю морских пространств. «Паруса Петра» – в них ощущается та лёгкость, с которой рифмуется водная стихия, простор, воля, свобода. И это к тому же просто красиво написано.

Вот что сказал о мотиве композиции своей работы Евгений Анатольевич:

– Представлявшийся на верфях в Европе простым пушкарём Пётр I создавал корабельное дело у себя на Родине в роли и главного вдохновителя, и конструктора, и обычного плотника. Царь благословляет отходящий от причала корабль – лишь ему одному доступным благословением зачинателя российского флота и того, кто взял на себя ответственность кардинально поменять уклад жизни огромной страны. Белые паруса плавно переходят в облака, столь же невесомые, как идеи и устремления человека, которые, однако, повелевают народами и перекраивают географические карты – совсем как лёгкие полотнища уносятся в неведомую даль сотни тонн дерева, металла и грузов.

Не мудрствуя лукаво, Пётр Овченков из Нижнего Тагила написал вполне реалистичную картину «Крепость Орешек», и она трогает русского человека до глубины души истоком Невы, видом на Ореховый остров, своей перспективой с башнями и небом, на котором светятся облака.

Это в часе езды от Питера, но и здесь солнечная погода – большая редкость. В будущем году крепости исполнится 700 лет. Древний форпост был заложен новгородцами. До Петра целых 90 лет крепость считалась шведской. Так что императору пришлось практически с нуля (небольшая крепость не в счёт) прорубать окно в Европу. И прорубил.

Этот мотив звучит и в работе Валерия Чурилова. Композиция решена по-театральному

Д. Небогатов, А. Оранская, П. Овченков
на фоне своих работ в экспозиции

Пётр Овченков. Крепость Орешек

Надежда Лебедева. Город ещё спит

Валерий Чурилов. Пётр I прорубил окно в Европу

декоративно: здесь есть и занавес, символизирующий то самое окно, и Пётр Великий, стоящий как будто у рампы с топором на плече, а на заднике – восход ярко-красного солнца – и оно «работает» как цветное пятно, необходимый элемент картины по законам живописи. Замысел понятен зрителю. Он, что называется, на поверхности. И это не угнетает нас излишней экспрессивной нагрузкой, а помогает погрузиться в далёкую эпоху, как в сказку.

Поэзией дышит изображённое Надеждой Лебедевой: она не уводит нас во временные дали – художнице импонирует Северная Пальмира (такое сравнение встречается у поэтов и писателей) нынешняя, сегодняшняя. И в «Дождливом вечере», и в ещё спящем городе видится тонкая, изящная, трогательная душа автора, Надежды (ах, какое имя!). Всё так красиво написано, что непременно хочется сесть на поезд

Августа Оранская. Петергоф

и умчаться на берега Невы. Автор и названия своим «деткам»-картинкам даёт стихотворные. И как тут не запоешь, читая надпись под её третьим живописным «рассказом»: «Город над вольной Невой...»!

По центру экспозиции размещены значимые, знаковые произведения. «Петергоф» Августы Оранской относит нас к 1710 году, когда была возведена парадная загородная резиденция императора. Он после победы над Швецией совершил путешествие во Францию, где изучил планировки блистательных королевских резиденций: Шаузи, Трианона и Версаля, где особое внимание уделялось разнообразным техническим решениям, деталям устройства парков и фонтанов. В 1716 году царь выписал из Франции архитектора Александра Леблона, назначив его генерал-архитектором будущего Петергофа. И об этом уникальном творении

Августа Оранская рассказала своим языком, для которого характерна скрупулёзная выверенность в композиции. Всё на своих местах: и дворец, и фонтаны, и офицеры на прогулке в парадных мундирах петровского времени. Точна художница и в изображении нарядов семейной пары и их дочери – всё в духе того времени. Изящно и в то же время просто, естественно, достойно. Есть ощущение торжественности и праздника. Всё – с налётом вольготности.

Символами этой же атмосферы наполнено полотно Дмитрия Небогатова «Петербургские грёзы». Тут и нечто круглое на небе, напоминающее солнце, но с человеческим ликом, и юноша, который обрёл в своих мечтах крылья архангела и спустился на берег Невы, дабы защитить свою возлюбленную от бед и напастей (у него в руках меч), а она оторвалась от земли – вот-вот превратится или в булгаковскую Маргариту, или в шагаловскую даму, летящую над городом (сюрреалистичность живёт и процветает!). Вот насколько сильно может разыграться воображение, когда смотришь на это полотно. Грёзы вызывают страстное волнение.

Всё по той же центральной оси экспозиционной площади внимание зрителей привлекает размещённый здесь «Портрет невесты Ибрагима, арапа царя Петра I» академика, профессора изобразительного искусства Киры Гавриловой. Женский образ светел, и он находится в ореоле света. Вот так светозарно представила в своём воображении автор русскую девушку, покорившую сердце африканского юноши Абрама Петровича Ганнибала. Он был девятнадцатым

Кира Гаврилова. Портрет невесты Ибрагима, арапа царя Петра I

ребёнком абиссинского князька, вассала турецкого султана, привезённого мальчиком из Стамбула в Петербург. По неподтверждённым данным, царь женил его на некоей Наталье Ржевской, но это выдумка киношников. На самом деле документально подтверждено венчание Абрама с Евдокией Андреевной Диопер уже

в 1731 году (Петра уже не было в живых), она ему изменяла, и арап женился на Христине фон Шаберг, которая родила от него четырёх дочерей и пятерых сыновей. На полотне Киры Гавриловой – девушка, которая сияет от счастья, и это наводит на мысль, что мы имеем дело с образом Христины. Впрочем, это не тема для размышления. Это искусство Киры Гавриловой, интересное, интригующее, завораживающее.

Жанр второй работы Кира Тимофеевна определила как плакат: на нём – легко узнаваемая фигура царя, указующего на карту, а на ней – схема Заячьего острова, в центре которого обнесённая стеной Петропавловская крепость и рисунок макета с собором святых первоверховных апостолов Петра и Павла в центре. Это знаковое место: оно является историческим центром Санкт-Петербурга. Дата закладки 16 (27) мая 1703 года считается датой основания города. В 2023 году мы будем праздновать его 300-летие. Плакат – потому что он информативен, хотя творение Киры Тимофеевны не теряет своей художественной ценности.

Наша академия всегда рада участию в проектах молодёжи. Уже в который раз на наше предложение создать что-то новое по определённой теме отозвалась академик Светлана Рудягина, которая руководит студией в ДДТ

Валерия Музыкантова делится секретами своего искусства

«Родник» (Химки), и её ученица Валерия Музыкантова вдохновилась на создание произведения о Петре Великом, его эпохе.

– Идею картины «Петровские подарки» подсказал рисунок девочки из нашего объединения на конкурс «Рождественская фантазия», где царь Пётр дарит людям ёлку, – раскрыла секрет своей работы пятнадцатилетняя девушка. – На своей картине я изобразила ботик Петра, с которого он начал изучать морское дело. Затем дворец Меншикова, который считается первым каменным зданием, а также Летний дворец Петра, он сохранился в изначальном виде. Затем идёт Петропавловский собор, в нём находится усыпальница русских императоров. Потом я изобразила петровские ассамблеи – это торжественные приёмы гостей в знатных домах. При появлении ассамблей у столичных женщин закончилась затворническая жизнь. На небе я написала фейерверки – огненные потехи, как называли их при Петре I. Они являются символом Петровской эпохи. Центральную часть картины на фоне неба занимает флаг, расцветку которого придумал сам Пётр, а также параллельность линий на нём. Яблоко, которое катится по тарелочке, указывает нам на то давнее время, оно как из сказки. В эскиз вошли наиболее интересные, на мой взгляд, подарки Петра Великого. В процессе работы над рисунком я много узнала о деятельности Петра, чему очень рада.

На открытии всегда даём слово не только художникам, но и академикам из других

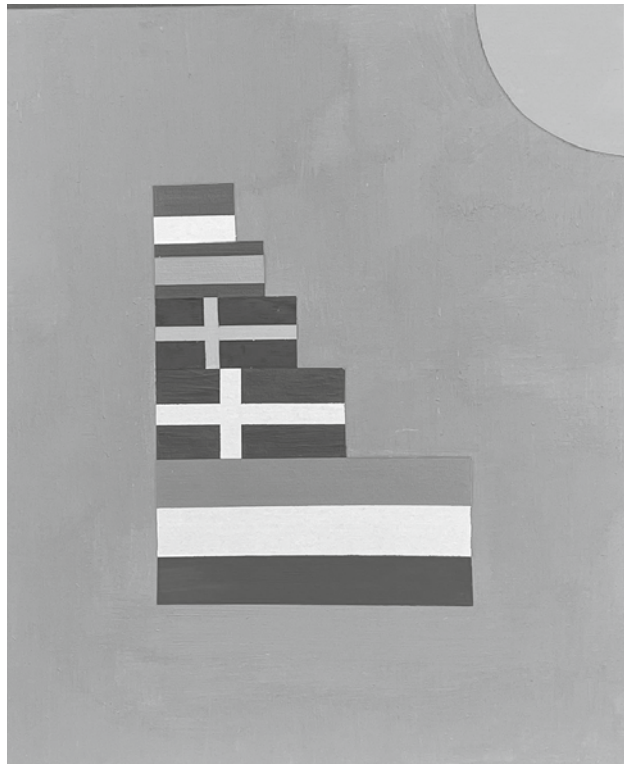

секций. Профессор театрального искусства Светлана Волошина-Андрийчук сделала развёрнутый анализ проекта, в частности, она сказала: «Многогранно раскрывается в картинах личность Петра: он царь-работник и волевой император, он созидатель, изучающий науки, и непреклонный реформатор». Картина Искана Ильязова «Окно в Европу. Все флаги в гости будут к нам» – единственная работа в жанре абстракции на морскую тему. Она рождает многочисленные ассоциации. Кажется, что это необычная цветовая формула, по которой художник выстраивает своё изображение. Здесь каждая краска подобрана по тону и в своей пропорции. Вертикально выстроившиеся флаги торговых судов похожи на нос показавшегося корабля, идущего по морю навстречу тёплому солнцу. Здесь подобрана яркая палитра: жёлтый, голубой, красный, синий, белый, оранжевый. Настроение у картины радостное и торжественное. Вместе с этим на ум приходит новая ассоциация, чему также способствует цвет большого внешнего фона (благородный серый цвет петроль) – кажется, что это китель адмирала, а цветные флаги – орденские планки на кителе. И вот в картине уже читается радость и торжество парада.

Противоположны этим ярким цветам и чётким контурам две другие картины. Они посвящены Петербургу и воспевают город на Неве.

С этой картиной перекликается картина Петра Цветкова, изображающая ранний пред-

рассветный Петербург. Силуэт города, ещё расплывчатый, проглядывает, подобно солнцу, сквозь воздушный слой атмосферы. Тёмное «тело» старинного града Петра, его отражение в воде, катер, скользящий по её поверхности, – всё начинает занимать пространство и проступать сквозь светлую оболочку утра. Сгустки плотной тёмной массы определяют границы светлой. Они, как два вида энергии, два вида строительных материалов, теснят друг друга и взаимодействуют друг с другом, стремясь к равновесию и гармонии.

Искандер Ильязов (Искан). Окно в Европу.
Все флаги в гости будут к нам

Пётр Цветков. Утро в Петербурге

Пространную саморецензию в виде философского осмысления темы о Петре сделал академик, профессор изобразительного искусства Искандер Ильязов (Искан):

– Выход к морю был нужен России как хлеб, как воздух. Мне захотелось показать на картине энергию прорыва в широкий мир и зарождение другой, новой, сильной и яркой энергии в стране – в надежде, что история повторится.

Я соблюдал историческое соотношение размеров по длине и ширине каждого флага

Юрий Лютер. Диптих. Часть 1-я. «Северная война». Часть 2-я. «Император Всероссийский»

Академик, профессор Искандер Ильязов (Искан)

и строил их снизу вверх, как лестницу, сверив цвета и формы флагов (по состоянию на начало XVIII века). Начал с рамки довольно редкого цвета петроль – с оранжевым сочетается, осо-

бенно через голубое небо, но писал я небо в последнюю очередь. Рамка символизирует стену, в которой Пётр прорубил окно – окно ближе к квадратной, чем к прямоугольной форме, как

было принято в непарадных постройках в те времена.

Несправедливым будет не отметить горячее желание принять участие в проекте Юрия Лютера, члена ПАНИ, который около года специально для экспозиции делал диптих, два мощных произведения: «Северная война» (размер 116 x 100 см) и «Император Всероссийский» (133 x 117 см) – монументальные работы, через которые автор делится своим взглядом на личность Петра – полководца, самодержца, создателя, реформатора. Художник видит в нём человека с сильным, волевым характером, который способствовал реализации всего, что Пётр задумывал.

Уникальна не только живописная часть произведений, но и авторские рамы – из дерева и бронзы, массивные, внушительные, гармонично сочетающиеся с изобразительным пространством.

Всегда интересно мнение искусствоведа, академика ПАНИ, профессора МГИК Ольги Петровой:

– Память о великом реформаторе не ослабевает, а продолжает бурлить. Представленные работы выдержаны в разных стилях, от классики до авангарда, выполнены в различных техниках – есть и масло, и акрил, и пастель, и акварель, и уголь, и монотипия. Из Петербурга даже прибыл макет скульптурного памятника молодому Петру. Картины различны по размерам и цветовой гамме, но все отражают огромный интерес к личности Петра и его прекрасному детищу – городу Санкт-Петербургу. Выставка производит сильное впечатление, передаёт разные аспекты деятельности Петра, отражает этапы формирования его личности, – заключила Ольга Геннадьевна.

На открытии выставки выступили академики Николай Горский-Чернышёв, заслуженный художник России, доцент кафедры живописи Московского художественного института имени В. И. Сурикова, и Александр Голышев, доцент того же вуза и ВГИКа. Они подчеркнули высокий художественный уровень проекта и профессионализм в исполнении задуманного.

Было уделено значительное время и для научных докладов. Основной сделала доктор исторических наук, кандидат филологических наук, академик, профессор Лола Звонарёва, которая осветила один из важных аспектов, оказавших существенное влияние на формирование Петра Великого как лидера нации, владеющего всеми качествами, позволившими императору поднять Россию на новый уровень. Лола Уткировна построила свой материал на исследованиях жизни и деятельности великого белорусского просветителя Симеона Полоцкого, который был наставником царевича Алексея, отца Петра Великого, а впоследствии также, как пишут историки, «присматривал за воспитанием царевича Петра».

Андрей Тернов поделился своими исследованиями происхождения рода Нарышкиных, из которого была мать Петра Великого – Наталья Кирилловна. Корни рода – в городе Кашире, где живёт и творит Андрей Тернов, руководитель литобъединения «Зодиак», член Союза писателей России.

Интересное сочинение написал учащийся школы журналистики ДДТ «Созвездие» г. Химки, восьмиклассник Алексей Мкртычян. Оно – о Петре Первом, продуманное, чувственное и почтительное. Юноша награждён дипломом Гран-при в нашем академическом конкурсе, посвящённом 350-летию Петра.

Учёный секретарь МО ПАНИ, академик, заведующий библиотекой № 6 имени В. В. Вересаева Светлана Жуликова, как всегда на наших академических встречах, обобщила всё, что происходило в течение трёх часов:

– И выставка, которую можно назвать уникальной, и выступления наших учёных с докладами – достойное приношение Петру Великому к его юбилею. Все отнеслись к проекту, посвящённому основателю нашей академии, очень ответственно, с душой. Будем и дальше жить в таком же духе.

Владимир КУЗНЕЦОВ

(Влад Красноярский), член Союза писателей России, вице-президент Петровской академии наук и искусств

ПЁТР I НА ХУТОРЕ ГОСТИНОМ

Ещё в молодые годы Пётр I понял, что речными галерами Россию не сделать морской державой, и упорно стремился на юг, к Русскому морю. Основным соперником там была Турция. Интересы на юге у Российского государства были самые разные, но основной – море.

В конце апреля 1696 года по разливу, как утята за уткой, из Воронежа в Дон стали выходить суда «морского каравана», сначала транспортные. Более 200 судов с войсками и артиллерией, снарядами, продовольствием и другими грузами отправились вниз по течению. Руководили этими отрядами любимцы молодого царя – Головин, Гордон... Им предстоял тысячекилометровый нелёгкий поход.

3 мая вышла следом первая эскадра из восьми галер. Командиром самого лучшего судна «Принципиум» был сам царь под именем Петра Алексеева. Эта галера навечно вошла в историю отечественного флота.

На переходе «морского каравана» из Воронежа к Черкасску Пётр объявил Указ по галерам. Он состоял из 15 статей и заключал в себе условные сигналы на случай предстоящих действий. В статьях предписывалось, как галерам держаться во время плавания, при остановках и снятии с якоря, при встрече с неприятелем

и во время боя. В указе разъяснялись сигналы флагами, выстрелами, барабанным боем и фонарями. За остановку на якоре далеко от другого корабля с командира взыскивался рубль, за несоблюдение своего места в строю – 4 рубля, за оставление товарища в бою в случае предупреждения о том от начальника определялась смертная казнь. В некоторых изданиях этот указ именуется как первый «морской устав» русского флота. Обе редакции этого документа датированы 8 мая 1696 года. Об указе упоминается во многих исследованиях, художественных исторических произведениях, но нигде не указывается конкретное место его подписания. А между тем есть веские основания предполагать, что оно находится на Воронежской земле, на живописном берегу верхнего Дона, и называется сегодня хутор Гостиный.

В июле 1995 года я гостил у себя на малой родине, в городе Острогожске. Мой брат имеет небольшой домик в хуторе Гостином и

пригласил приехать к нему на пару-тройку дней. Я много слышал от местных жителей о красоте здешних мест и с радостью выбрался сюда, тем более представлялась великолепная возможность посмотреть Дон там, где 300 лет назад зарождался наш регулярный военно-морской флот. После этого посещения я каждый год бываю в этих местах и с сожалением наблюдаю, как на глазах гибнет некогда могучая река, давшая начало нашему флоту. Да и сам наш флот переживает не лучшие времена.

Там я и узнал от старожилов историю хутора Гостиного, которой не найти ни в одном музее и ни в одной книге. Из поколения в поколение передаётся она устно. Суть её такова. Когда петровский «морской караван» отправлялся из Воронежа к Азову, он сделал большую остановку именно в этом месте, где Дон превращается в могучую реку. А сам царь Пётр Великий соизволил сойти на берег и пробыть здесь около трёх дней. Раньше такое событие называлось «гостеванием», отсюда и пошло название хутора – Гостиный. Чуть ниже по течению расположен Коротояк, который, по преданию, тоже получил название благодаря великому шкиперу. Восхищённый отвесными крутыми берегами Дона, он якобы воскликнул: «Ну и крутояр!» Это легенды, но они, как известно, не рождаются на пустом месте.

Вот что мне удалось выяснить. Во-первых, я натолкнулся на Указ по галерному флоту, о котором упоминал выше. Меня заинтересовала дата его подписания – 8 мая. Зная, что Пётр вышел 3 мая на галере «Принципиум» из Воронежа, а 15 мая уже достиг Черкаска, я стал вычислять место – где бы могло быть это подписание? При этом мне попался «Журнал о путном шествии 1696 г.», который вёлся на петровской галере. Там есть такие записи:

3 мая. «От города Воронежа пошли в путь свой при доброй погоде...»

10 мая. «В полночь прошли город Иловля, перед светом прошли городок Качалин».

11 мая. «Шли во дни и в ночи парусом и греблю».

14 мая. «...День и ночь парусом и греблей...»

15 мая первый отряд галер подошёл к Черкасску.

Отсутствуют записи о ходе судна между 3 и 10 мая. Во время стоянок корабельный журнал не вёлся. Можно предположить и доказать расчётами: в пути была остановка, по времени приходящаяся на 8 мая. По всей вероятности, суда причалили вблизи нынешнего хутора Гостиного. Уже с 1648 года казаки, стрельцы и пушкари основали вокруг крепости Коротояк отдельные слободы, одной из которых вполне мог быть и теперешний хутор.

Уже второй час иду вдоль Дона. Благоприятная летняя пора. Природа изумительна и прямо просится на полотно. Зной. Мухи и слепни звенят над головой и липнут к телу. Чтобы отбиться от них, срываю высокие стебли горькой серебристой полыни, цветущей в это время и пропитавшей своим неповторимым запахом весь знойный воздух. Кусты её раскинулись по всему меловому крутояру, который обрамляет Дон на 200–500 метров по обе стороны от его водного зеркала. Местные жители говорят, что в период весеннего разлива донская вода вплотную подходит к меловым горам, затопляя все деревья и кустарники, растущие сейчас у воды, так что не видны макушки самых высоких деревьев. Не потому ли все поселения, крепости, городки лет 300–400 назад располагались на крутых возвышенных берегах?

Я уже упоминал о красивой легенде, связанной с этим названием – Коротояк. Документально всё выглядит по-другому. Крепость под этим названием была основана ещё в 1647 году, за полвека до похода Петра I на Азов, и входила в засечно-сторожевую линию, охранявшую Россию от набегов крымских татар. А в 1696 году этот край выполнял вторую свою историческую миссию – строил для России флот и, провожая царя, идущего на турецкий Азов, молился за его здоровье и победу. В эти дни, пока «морской караван» проделывал свой путь вниз по Дону, проходя мимо казачьих донских поселений, солдаты, матросы и сам шкипер слышали неслышимый звон церковных колоколов.

Места эти исторические, но малоизвестные в истории страны. Кисти знаменитых и даже

безвестных художников не прославили эти места. Может быть, поэтому сохранились здесь старые названия. Нынешние знаменитости не спешат приобщиться к истории и украсить ожерелье древних названий своими «Здесь были Боря и Вова...»

Иду вдоль Дона, а мысли переносят меня в далёкое героическое прошлое, петровские времена. Ещё в Архангельске Лефорт, этот «дебошан французский», как называл его князь Куракин, заронил в голову своего царственного друга мысль, что только Чёрное море, в древности называемое Русским, соединит Россию с Европой и богатыми южными странами. Позднее Пётр рассказывал, что в юности, читая летопись Нестора, он узнал, как князь Олег ходил на Царьград, оказавшийся затем под властью турок. С тех пор возникла у него мечта повторить подвиг Олега, «отомстить туркам и татарам за все обиды, которые они нанесли Руси».

Пришло время осуществлять мечту. И хотя в том году он жестоко страдал от боли в ноге, душевно тосковал о потере любимого брата, но ни физические, ни нравственные страдания не могли ослабить его решимости. Весна приближалась. К вскрытию реки требовалось, чтобы воронежский флот был готов, но дело могло идти быстро только при непрерывном бдительном надзоре. Расхлябанности, воровства и лихоимства хватало и тогда. Пётр это знал и, несмотря на больную ногу, выехал из Москвы с небольшой свитой, преимущественно людей, сведущих в кораблестроении.

С трудом добрался он до Воронежа и поселился поблизости от верфи, в маленьком домике, состоявшем из двух комнат, сеней, бани и кухни. Это жилище и стало центром морского управления и называлось тогда «Государевым шатром на Воронеже».

Дело закипело, и царь сам с топором, циркулем или аршином в руках с утра до вечера был на верфях. При нём, естественно, и все остальные не сидели сложа руки. Собственноручно Пётр построил самую лёгкую на ходу русскую галеру *Principium*.

С первых чисел апреля начали спускать корабли. Войска для составления экипажей

этих судов постепенно приходили из Москвы. Они привезли с собой большой царский стяг, специально сделанный по указу Петра. Знамя это было камчатое, коричневого цвета, четырёхугольное с откосом, вокруг него шла кайма ярко-голубого цвета с надписью, когда оно сделано. В середине на полотне – двуглавый золотой орёл, в лапах он держит копьё, увитые хартиями с различными надписями. На груди у орла – щит, в его белом поле – изображение Господа, окружённое молниями. Под орлом, ближе к краю знамени, – волнующееся море с кораблями на парусах, в откосе, рядом с орлом, – святые апостолы Пётр и Павел в облаках. Стяг этот до сих пор хранится в Московской Оружейной палате.

Войско собралось. Были учтены неудачи прошлого похода на Азов. Единым командующим этого похода ещё в декабре 1695 года был назначен боярин А. С. Шеин, а помощником к этому не очень опытному воеводе приставили генерала Гордона. Тогда же получил назначение командовать ещё не существующим флотом адмирал Франц Лефорт, адмиральский флаг которого позже развевался на галере «Принципиум». Сам Пётр I под именем Петра Алексеева негласно осуществлял общее руководство.

«В поте лица своего едим хлеб свой», – пишет он из Воронежа. И не только физически работает Пётр, его пытливый ум отлично понимает, что без чёткого взаимодействия всех сил (а теперь к сухопутным прибавились морские), без дисциплины – победы не одержать. И он по ночам разрабатывает документы, регламентирующие жизнь военных моряков. Так рождается первый «морской устав», положения которого во многом определяют официальный основной морской документ, принятый уже в 1720 году, когда флот стал неотъемлемой военной силой России. Капитаны судов под угрозой большого денежного штрафа должны были наблюдать за сигналами командира флота и с точностью исполнять приказания. Строго запрещалось отставать от адмиральской галеры или изменять свой путь, потому что «того требует общая польза: военные суда, плотно идущие, могут объехать всю Вселенную, не опасаясь шторма,

если же разлучатся, и ста сажень проплыть не могут». В этом весь Пётр: главное для него – общая польза.

Он понимал, что собранные силы в Воронеже задерживать нельзя, нужно начинать поход, иначе всё это может затянуться и сорваться. Он начал отправку «каравана» частями, военные корабли вышли позже.

Весь конец апреля в Воронеже лил дождь, погода не была похожа на весеннюю. У Петра ныла нога, что не улучшало настроения, но дело было начато. Второго мая выглянуло солнце, и царь приказал назавтра начать путь боевым галерам.

Третьего медленно двинулись по реке Воронеж. Незаметно вышли в Дон, и только четвёртого числа Пётр I за поворотом увидел настоящий Дон во всей его красе. Здесь, у впадения в него быстрой речки с легендарным, прославленным писателем Платоновым названием Потудань, начиналась большая вода. Шкипер Пётр Алексеев приказал бросить якоря на спокойном плёсе. Вечером, сойдя на берег, он посетил слободу, которая располагалась в гуще садов и огородов под высокими меловыми горами. Жили в ней в основном черкасы, как называли раньше хохлов или украинских казаков. Там в разговоре с одним из них по прозвищу Рымарь царь обмолвился про больную ногу, и тот вызвался помочь ему. «Но, великий государь, на лечение нужно не менее трёх дней», – сказал он. Пётр поверил ему и приказал галерам задержаться на плёсе, а сам, поселившись в хате и принимая лечение старого казака, продолжал работать над диспозицией сил по взятию Азова, над правилами организации корабельной службы и ведения морского боя, которые и были объявлены в специальном Указе по галерам.

Рымарь выполнил своё обещание и вылечил царскую ногу так, что она после не беспокоила. 8 мая царь окончательно отработал указ, подписал его, поставив свою царскую печать, и приказал следовать из Гостиного далее...

У хутора Гостиного начинается большой изгиб Дона, так называемая Царская Лука, возможно, в этом названии есть и отголосок петровского похода на Азов.

Появление русских судов на Азовском море предопределило участь Азова. Его гарнизон 18 июля 1696 года сдался на милость победителя. Начало было положено!

А дальше предстояли дела действительно великие! Страна уже не могла дышать без сухоходных морей. Брешь была пробита на юге – море Азовское звало к морю Балтийскому. Все выходы к нему были заперты сильнейшей тогда в Европе армией шведского короля Карла XII. Через несколько лет на Балтике было прорублено «окно в Европу».

Вадим КУЛИНЧЕНКО,
капитан 1-го ранга в запасе,
ветеран-подводник

ПЁТР ПЕРВЫЙ И МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Предпосылки для дальнейшего реформирования страны назрели давно. Как и любая другая страна, Россия нуждалась в реформах и преобразованиях. Нужен был смелый лидер, и таким лидером в то время для нашего Отечества оказался Пётр Первый. Он видел Россию европейской страной с образованным культурным народом.

Образование в России при Петре Первом является очень важной и актуальной темой. Реформа образования для Петра была не менее нужной, чем военная, государственная или экономическая: страна нуждалась в квалифицированных кадрах. Из-за недостаточного уровня образования в стране для работы на важных государственных должностях приглашались иностранцы. России требовались опытные и квалифицированные строители, военные, артиллеристы, моряки, инженеры и представители других специальностей.

Введением реформы Петр Первый пытался создать собственную кузницу кадров. В этом и кроется главная причина модернизации российского образования. Радикальные реформы, начатые Петром, привели к возникновению светской школы.

Начальные государственные школы создавались для детей дворян, госслужащих, зажиточных мещан и других сословий. Для солдатских детей открывались гарнизонные школы разного уровня. В Москве была открыта школа математических и навигационных наук (1701), госпитальная школа при Сухопутном госпитале (1707), эпизодически в крупных городах открывались частные школы. Развернувшееся строительство горных предприятий обуслови-

ло появление горнозаводских школ. На Урале открылись горнорудные школы. Они стали функционировать на Алапаевском, Кунгурском, Уктусском заводах. Горнозаводские школы положили начало профессионально-техническому образованию в России.

В Санкт-Петербурге была создана Академия наук, при ней начали работать университет и гимназия. Были открыты Морская академия, а также пушкарская, инженерная, артиллерийские, циферные школы – начальные общеобразовательные школы с математическим уклоном, которые готовили техников для войск и казённых строительных работ.

Петром Первым был издан указ, который окончательно заставил всех дворян учиться геометрии и математике. До тех пор пока дворянин не окончил школу, ему запрещалось жениться. Для этих целей Пётр велел назначить в каждую губернию по два учителя. Когда была создана академия, ввели правила, что чиновниками могли быть люди, получившие учёную степень. Но в России не было системы и организации, которая бы смогла подготовить такого специалиста. М. В. Ломоносов был направлен для обучения в Германию. Многие учёные стали выпускать из западной Европы.

Пётр Первый сыграл выдающуюся роль в русской истории. Практически все его реформы благотворно сказались на общем развитии страны. Царь всколыхнул Россию от векового сна. Он вывел её в первую десятку стран, увеличил территорию государства Российского, добился признания мощи и силы России!

Нина МАХНЕВА

ВЕРА И НАУКА

ВЕКТОР НИКОЛАЯ БОГОЛЮБОВА

Свою первую работу, имевшую научное значение, Николай Боголюбов написал в 15 лет.

Он происходил из семьи протоиерея Николая Боголюбова – незаурядного православного богослова. (О пышные словесные цветники богословия... Соответствуют им полноценно разве что величественные иконописные сады!)

Вера как основа, прочная и незыблемая, знание древних и новых языков, постоянное упорство, кропотливость труда – таков был благоуханный букет, переданный отцом сыну. И Николай Боголюбов превратил этот букет в пример необыкновенной жизни.

...Квантовая статистика и теория поля как проявления высших волей, как передаточные механизмы управления реальностью. Разве можно не чувствовать универсальный дух, пронизывающий величественный свод мировых математических и физических законов?

Список научных трудов Николая Боголюбова очень длинен, как велик список и его великолепных учеников. А то, как вера совмещалась в великом учёном с научным знанием,

свидетельствует, насколько близкими могут быть эти понятия.

ОБРАЗ МИРА АЛЕКСЕЯ УХТОМСКОГО

1

Можно ли рассматривать принцип доминанты, разработанный Ухтомским, как часть его великого пастырского служения?

Сила, глобально определяющая всё, и силы, работающие над созданием передаточных механизмов, тех, что, в частности, исследовал Ухтомский, создавая теорию, нисколько не противоречащую огромности космической воли.

Ухтомский принял монашеский постриг тайно под именем Алипий. Он был старостой и клириком единоверческой церкви в Петрограде и много сделал для воссоединения староверов-единоверцев в Русской православной церкви.

Также тайно был хиротонисан в епископство и скончался от голода во время блокады Ленинграда, тело его было обнаружено лежащим на давно не топленной плите, одетым в липовый подрясник, с Евангелием в руках.

Ухтомский подвергался гонениям, и благородство и стойкость, с которыми держал

себя во время оных, не могут не вызвать восхищения.

Как и вся жизнь его кристальной силы движения: избыточно щедрая, великолепно устроенная вектором, ведущим к свету.

2

В переписке с В. Платоновой А. Ухтомский много анализировал социум, идя вглубь, используя православный взгляд на вещи и предрекая «нравственное падение и растрепанность общества...»

Ухтомский больше мыслитель, нежели физиолог, вернее – труды его: на стыке физиологии, философии, психологии...

«Доминанта» как универсальный человеческий принцип, общебиологическая основа всех живых систем – труд, предвосхищающий многие направления грядущей мысли...

Как сочеталась теория доминанты с личной, судя по всему, огненно-обжигающей верой Ухтомского?

Доминанте подвержен биологический человек, детерминированный физиологией, монашеское служение подразумевает иное: не подлежащее исследованию инструментарием доминанты...

Ухтомский перешёл после окончания Духовной академии в единоверие, на что получил разрешение Святейшего Синода. Был старостой единоверческой церкви, тайно принял монашеский постриг как православный старообрядец.

Он остался в блокадном Ленинграде, участвовал вместе с учёными в организации работ на нужды обороны и умер, не успев прочитать за неделю до смерти подготовленный доклад...

«Доминанта» – сия теория, казалось, жила своею жизнью – верной и не слишком привлекательной для церковного человека, тем более монаха: принцип любви, очевидно, не слишком распространялся на эту сугубо физиологическую теорию.

Она верна. Она просвечивает жизнь отдельных, любых существ и существование изрядных систем, социума например...

Может быть, именно оттого, что она верна, Ухтомский и уходил – глубже и глубже – в служение...

Он участвовал в Поместном соборе 1917–1919 годов от единоверцев.

Он искал идеального, казалось, в отличие от природной доминанты, идеальному противоречащей.

Возможно, нашёл – в себе, в тех центрах, что не определяются работой нервных волокон.

Выплеснувшись за рамки физиологии, учение о доминанте стало направлением философской антропологии, а также используется в психологически ориентированном литературоведении.

Он утверждал, что религией улавливается одна из сторон действительности, недоступная научному изучению...

Совмещая в себе разные стороны реальности, Ухтомский подтверждает, как могут ужиться в одном – выдающемся сознании – вера и научный поиск, и подтверждает блестяще.

СВЯТОСТЬ И ХИРУРГИЯ ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКОГО

1

Хирург, автор классических трудов по гнойной хирургии, учёный, доктор медицинских наук и... архиепископ православия...

Порою кажется, что одним из косвенных доказательств бытия Божьего может служить истовая вера учёных мужей: анатомирующих и изучающих мир, данный окрест, и человека как его часть. Вероятно, только кажется.

...Отец будущего архиепископа Луки был убеждённым католиком, но взглядов своих не навязывал, и домашнюю духовную атмосферу определяла мать, растившая детей в православном духе.

Он учился на юридическом, брал частные уроки живописи и всегда мечтал приносить пользу обществу. Став студентом медицинского факультета Киевского университета, Войно-Ясенецкий учился прекрасно, был старостой группы, концентрируясь всё же на интересах, которые и составили в грядущем ядро его медицинской деятельности.

Работая в земствах, столкнулся с опасностями применения наркоза и задумался об ис-

пользовании местной анестезии – ряд трудов его посвящён именно этой тематике, и труды были революционными.

Жизнь круто солила его метафизическую тропу: на истовую медицинскую работу наслаивалась прорастающая вера, вернее – убеждённость, что оную можно выразить только через церковное делание. Неожиданно для ассистентов он стал креститься перед операцией.

Он познал репрессии и ссылки, трижды находился под следствием, всё вело к укреплению его взглядов, и крутые орнаменты жизни не мешали видеть истинное её зерно: яснее становилось, что внешний мир, который надо исследовать, изучать, погружаясь в него, как в бездну, подлежащую разъятию на элементы, только следствие миров невидимых.

...Он рассматривал движения, соединения и свойства элементарных частиц в человеческом организме, обосновывая, что они могут составлять человеческую душу.

Его душа была огромна. И образ его остаётся примером беспрецедентного служения: науке и Богу, слову и людям...

2

«Куда меня ни пошлют – везде Бог...»

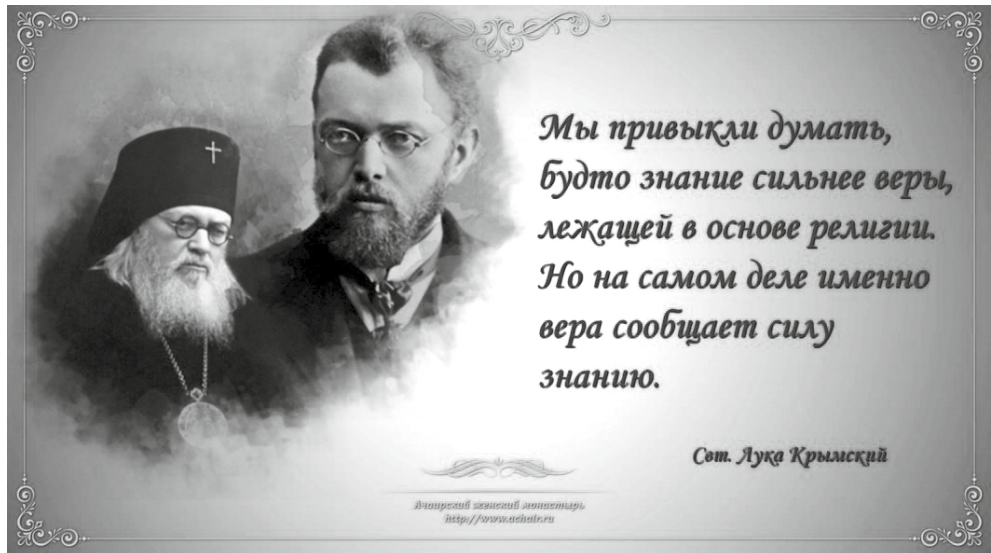
Редчайший дар подобного мировосприятия и мироощущения декларирован Войно-Ясенецким кратко и со светом: с той потаённой радостью, что определяла суть его исполненной трудами жизни.

Он спасал чужие жизни и вынужден был преодолевать столько преград, как будто эти спасения ничего не значили.

Обладая верой горячей, как расплавленный металл, он знал, чётко ведал, что всё ло-

жится в опыт, всё для блага души, и никакие варианты бытия не считал крошечностью.

Его учебник «Гнойная хирургия» стал классическим, а доскональное знание анатомии и физиологии не помешало ни в коей мере видеть в человеке те высоты, что заложены Господом. Искривлены, поражены грехом – но заложены.

Его автобиография называется «Я полюбил страдание...», даже уже названием свидетельствуя о глубине проникновения в сущность веры, укреплённой в нём после кончины любимой жены. Тогда же и начинается его пастьерское служение.

Евангелия есть безграничная жизненная ёмкость. Лука ведом светом их; в трактате «Дух, душа и тело» он излагает взгляды на уникальное триединство человека, совмещаая евангельские истины и научные выкладки; в книге Лука многократно апеллирует к выдающимся умам...

Для него наука и религия – два параллельных потока, точно совмещающихся часто, вливающих один в другой и один не могущий без другого...

Красота и свет, исходящие от образа святителя Луки, как свидетельство истинной высоты, к которой должен стремиться человек...

Александр БАЛТИН

ПОЭТ САДА ИВАН МИЧУРИН

...Мальчик, занимающийся с отцом садом, пасекой, огородом, иногда совершающий вылазки на рыбную ловлю. Мама умерла, когда мальчику было четыре года...

Мичурин обучался сначала дома, а потом в Пронском уездном училище Рязанской губернии, всё свободное и каникулярное время посвящая саду...

Сад входит в его жизнь властно, весело, таинственно, прекрасно; сад распускается растительными тайнами и необыкновенной красотой сияющего мира. Однако болезнь отца перечёркивает привычную жизнь – поместье отдаётся за долги, но дядя помогает молодому человеку определиться в Рязанскую губернскую гимназию...

Материально помогает тётка, но из гимназии Мичурин был исключён за непочтение к начальству.

Он переезжает в город Козлов, фактически ставший родным на многие годы, работает конторщиком, товарным кассиром, монёром. Женится, из-за нехватки средств открывает часовую мастерскую...

Сад влечёт, сад зовёт – властно и поэтично.

Мичурин берёт в аренду небольшой участок земли и начинает заниматься селекционной деятельностью, одновременно собирая коллекцию в 600 примерно видов плодовых растений.

...Вот памятник ему на ВДНХ, он возвышается в центре не крупного яблоневого сада: Мичурин изображён опирающимся на палку или трость. Великий учёный, посвятивший жизнь исследованию растений, их новым формам, вариациям их роста и бытования на земле.

...Кажется, он слышал их, мог говорить с ними, поняв знаковый их вариант речи; он воспринимается мудрым волшебником из детской сказки, которая затянулась на всю жизнь...

Вот он проводит эксперименты на участке с более бедными почвами – для обеспечения спартанского воспитания гибридов...

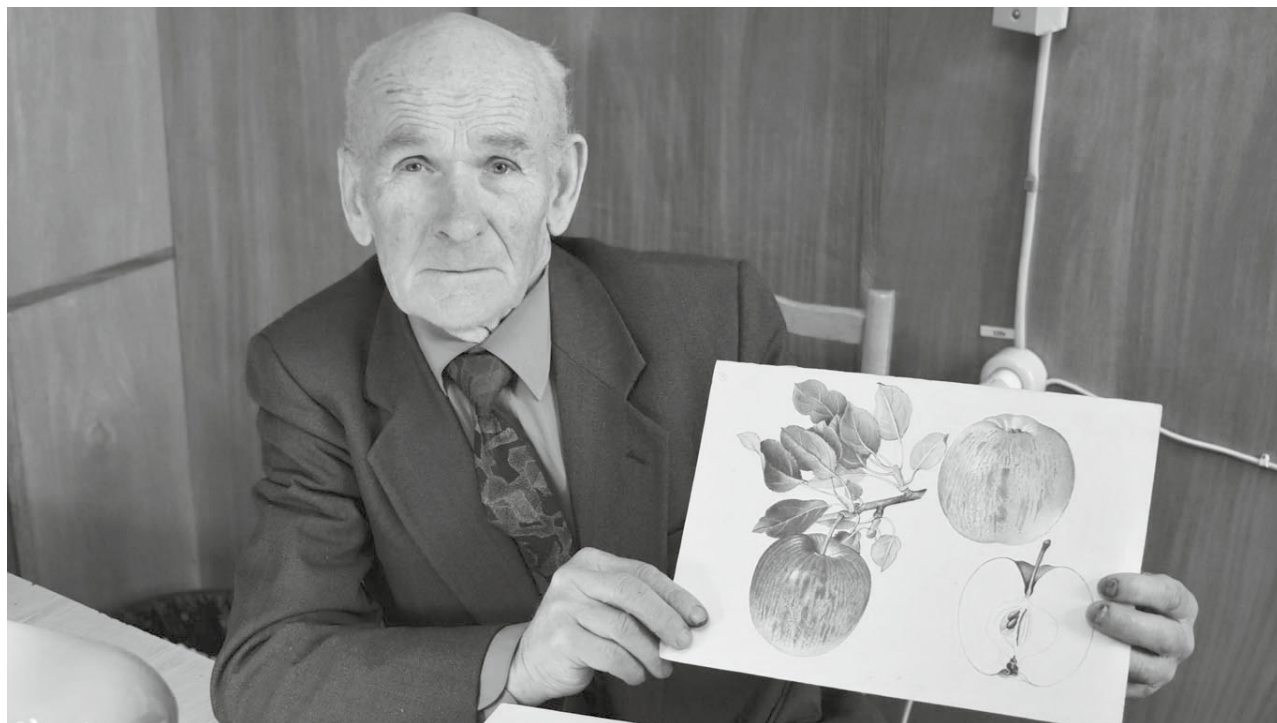
Его труды, посвящённые проблематике выведения новых сортов плодовых деревьев, выходят в свет, привлекают к себе внимание; он получает орден св. Анны.

Режим жизни, установленный им для себя в 45 лет, не нарушался, что свидетельствовало о железной воле и стремлении сделать как можно больше.

Его страницы с зарисовками плодов напоминают рисунки Леонардо с лицами и телами людей.

...Сад земной и сад небесный сходятся в его деятельности – столь же неустанной, сколь и плодотворной и пронизанной поэзией в той мере, в какой она, как вариант душевной и духовной приподнятости, просвечивает и освещает любую высокую и бескорыстную деятельность человека...

Александр БАЛТИН

СЕЛЕКЦИОНЕР

Наука начинается с того момента, когда исследователь в попытках познания её тайн преодолевает порог неизвестного. Только после этого возникают реальные возможности решения проблем, считавшихся ранее неосуществимыми.

За несколько месяцев до увольнения в запас ефрейтор Геннадий Щербенёв начал готовиться к вступительным экзаменам в институт. Вот тут он и ощутил помощь «братьев по границе». Они его проблему восприняли как свою и проявляли трогательное внимание. Если предстояло выполнить какую-нибудь работу, солдаты обычно делали её сами, а Генку отсылали к книгам. Пограничник готовился к экзаменам своеобразно: на заставе, как правило, читал учебник, а находясь в наряде, старался воспроизвести в памяти текст, и если что-то не закреплялось, то при возвращении со службы вновь обращался за помощью к учебному пособию.

И вот пришёл день расставания с коллективом, с которым Геннадий сроднился. В этой крепкой и дружной семье он стал одним из братьев. От этого стало радостно и грустно. Из отряда позвонили, нужно было приехать в

Брест с вещами. Майор Пётр Павлович Саява в это время был в отпуске, но, узнав об отъезде, сказал:

– Нет, мы Щербенёва просто так не отпустим. Сегодня ещё останется с коллективом, проведём собрание, а завтра уедет.

Днём пограничники собрались в Ленинской комнате, и почти каждый сказал сослуживцу несколько прощальных душевных слов. Именно в этот момент возникло предложение, ставшее для Геннадия целью жизни, – вывести сорт яблони и назвать его в честь бывшего начальника заставы Героя Советского Союза лейтенанта Андрея Кижеватова – «Кижеватовка». Так с тёплым напутствием коллектива – программой на всю жизнь – и поехал Геннадий Щербенёв в Мичуринск.

В первый же год учёбы в плодовоовощном институте студент Щербенёв решил вести

исследовательскую работу. У него ещё в детстве пробудился интерес к растениям. Так, во время учёбы в школе он самостоятельно посадил сад, овладел простейшим способом прививки плодовых форм и пытался ставить опыты.

Но в институте возникла проблема – ни одна из научных тем рекомендованного списка студентам не понравилась, и Геннадий, робея, пришёл в кабинет заведующего кафедрой селекции плодовых культур.

В небольшом кабинете за широким массивным столом сидел грузный мужчина. Набравшись смелости, студент заявил ему:

– Мне ни одна из предложенных кафедрой тем не понравилась.

Мужчина, строго, вдумчиво посмотрев на него, спросил:

– А чем вы, молодой человек, хотели бы заниматься?

Юноша засмутился, начал перечислять темы, но сформулировать конкретную так и не смог.

Так и состоялось знакомство Геннадия Щербенёва с крупным учёным в области селекции плодовых культур, интеллигентом старой школы, большим знатоком музыки, профессором Александром Сергеевичем Татаринцевым, ставшим впоследствии руководителем дипломной работы, а позже и кандидатской диссертации.

С этого дня Геннадий почти ежедневно приходил в лабораторию кафедры и работал, а в летнее время проводил гибридизацию в садах и выращивал гибриды в питомнике. Рвение студента не осталось незамеченным, и уже на третьем курсе кафедра приняла решение рекомендовать его в аспирантуру, и с этого времени перестали посылать на практику в хозяйства. Рецензент же дипломной работы, возвращая папку с результатами исследований, проведённых студентом, уважительно сказал: «У вас здесь уже полдиссертации».

Легко сдав экзамены в аспирантуру, Щербенёв окунулся в науку, и уже в конце первого года обучения всё тот же Татаринцев предложил поехать на занятия в первую генетическую школу, в Академгородок под Новосибирском. Аспиранту показалось странным, что среди

учёных города Мичуринска не оказалось желающих поехать на встречу с учёными-генетиками. Но впоследствии всё объяснилось.

Общение с крупнейшими отечественными учёными произвело на Геннадия неизгладимое впечатление. О многих из них он неоднократно слышал в Мичуринске, где их пренебрежительно называли «вейсманистами-морганистами», не знающими законов диалектического учения и не поддерживающими, не развивающими советский дарвинизм.

На самом же деле они оказались высококультурными людьми и прекрасными специалистами. Среди них выделялся Николай Тимофеев-Ресовский – человек большой силы духа, всепроникающей мощи ума, огромной эрудиции. Даниил Гранин в своём повествовании называл его «зубром», другие приравнивали к Сократу и Платону. При общении с «титаном мысли» Геннадий ощутил магнетизм его духа, воли, эрудиции, ума. А само знакомство произошло очень оригинально.

Однажды утром, с трудом поднявшись с постели после поздних разговоров, Щербенёв вышел из гостиницы. Совсем рядом находилось здание, где проходили занятия генетической школы. Возле него уже собрались учёные. Здесь, на воздухе, начинались научные дебаты. Когда стихийно собирались три-четыре человека, то закипали страсти. Подойдя к одной из таких групп уже знакомых учёных, Геннадий поприветствовал их, протянув каждому руку. Вдруг рука повисла в воздухе: один человек не посчитал нужным ответить рукопожатием. Геннадий быстро поднял глаза. Перед ним стоял высокий мужчина с благородной внешностью, с умными глазами и внимательным взглядом. Он, презрительно взглянув, отвернулся, а молодой человек, сконфуженный такой формой предъявления счёта за чужие взгляды, отошёл к своим товарищам и спросил:

– Кто это такой и почему он так поступил?

– Как, ты не знаешь первого президента Всесоюзного общества генетиков и селекционеров Бориса Львовича Астаурова?

Произошло объяснение. Оказалось, что многие из присутствующих на первом гене-

тическом кворуме, и в том числе Астауров, презируют всех учёных из Мичуринска за то, что они сделали с генетикой. На возражения молодого аспиранта: «Меня ещё нет в науке, я только начинаю проводить исследования» – никто не ответил.

Утром следующего дня, подходя к учёным, собравшимся у входа в здание, помня о своём конфузе, Щербенёв приветствовал всех кивком головы. В это время от одной группы отделился мужчина крупного телосложения, с большой седой головой. Неторопливым шагом подошёл к нему и подал руку. Геннадий поинтересовался у приятелей:

– Кто это?

– Так ты и его не знаешь? – удивились аспиранты и живо начали рассказывать о легендарной личности и крупном учёном Николае Тимофееве-Ресовском, прошедшем лагеря и опалу. Наука открывается прежде всего людям такого склада: с крепким телом, большой волей, чистой душой и светлым умом. Вот таким удаётся раздвинуть горизонты познания, именно им подвластны тайны природы. Все, кто участвовал в работе генетической школы, признавали превосходство этого незаурядного учёного. Как правило, Тимофеев-Ресовский подводил итог сказанному докладчиками, и после этого заключения уже нечего было добавить, любая проблема становилась ясной, осязаемой, был раскрыт механизм её проявления. У человека имелся всеохватывающий, глубокий взгляд на любую проблему.

Геннадия поразила атмосфера, в которой проводились занятия генетической школы. Повсюду он встречал выдержанных, умных, тактичных людей. Доклады, которые звучали с трибуны, как правило, заканчивались дискуссиями. Любой из участников имел право высказать собственное аргументированное мнение. Обычно у докладчика было несколько оппонентов. Споры и разговоры о научной истине завершались порой глубокой ночью, продолжались в номере, где жил тот или иной учёный. Словом, атмосфера была удивительная. Щербенёв встретил одержимых желанием познать истину, овладеть знанием любого

природного процесса и явления. Открылась живая, настоящая наука, и он сам на это время был её частью.

Вечером учёных приглашали в концертный зал, где они могли послушать классическую музыку в исполнении известных музыкантов. Посещение художественных выставок, концертов создавало особый настрой – положительный и творческий. Дважды за время проведения занятий выезжали на природу, продолжая обсуждения и дискуссии.

По возвращении из командировки, уже в поезде, Геннадий твёрдо решил посвятить жизнь науке и работать с такими учёными, как Николай Тимофеев-Ресовский. Стоит отметить, что Николай Владимирович встречался с советским преобразователем природы Мичуриным. Разговор крупнейшего учёного с носителем идеи покорения природы состоялся по инициативе Николая Ивановича Вавилова. Кандидат на присуждение Нобелевской премии за выдающийся вклад в науку пытался объяснить Мичурину, что такое генетика. Разговор продолжался довольно долго, но, несмотря на все усилия Тимофеева-Ресовского, втолковать известному садоводу суть идей Менделя и Моргана так и не удалось. Именно такое мнение сложилось у крупнейшего генетика после этой встречи. Без сомнения, Иван Мичурин понимал науку об изменчивости и наследственности и применял её при выведении сортов плодовых культур, но большие различия в мышлении, темпераменте, образовании, изложении своих взглядов не позволили им понять друг друга.

В начале нового учебного года заведующая кафедрой философии Зоя Михайловна Кривенкова предложила сделать доклад «Философские проблемы генетики» перед преподавателями и аспирантами института. Щербенёв согласился. Он любил философию, на экзаменах отвечал преподавателю без традиционного билета, пробуждая у экзаменующего желание определить обширность его знаний. На все заданные вопросы ответы были чёткими, раскрывающими сущность того или иного философского воззрения. Признавая своё поражение, Зоя Михайловна улыбалась от удовольствия. Интерес к

этой науке возник у Геннадия Щербенёва во время службы на границе. В книжном шкафу заставы он отыскал толстую книгу по марксистско-ленинской философии, заинтересовался. Первоначально текст поддавался с трудом – не более одной страницы за один присест, но постепенно производительность усвоения этой науки увеличилась. Позднее, став научным работником, регулярно читал журнал «Вопросы философии», покупал книги философов, одно время даже был руководителем семинара «Философские проблемы естествознания».

К поручению заведующего кафедрой философии аспирант отнёсся серьёзно. Прежде всего пошёл в библиотеку и принёс в общежитие две охапки книг: в части из них излагались воззрения Т. Д. Лысенко, в других – учения так называемых вейсманистов-морганистов. Вопросы задавалось много, а вот выступающих не было – смельчаков среди преподавателей не оказалось. Доклад подверг суровой критике Кирилл Фёдорович Виденин (бывший ректор плодовоовощного института). Самонадеянному аспиранту предъявили серьёзные обвинения: «Нахватался верхушек, наследственностью обладает весь организм, а не какие-то мистические единицы наследственности».

Досталось от него и профессору Татаринцеву: «Александр Сергеевич, разве можно не сложившегося учёного посылать в столь ответственные командировки? Вы слышали, что он здесь несёт?»

Позднее Зоя Михайловна Кривенкова пыталась оставить Щербенёва в институте на кафедре философии, но тот отказался, так как твёрдо решил посвятить жизнь селекции растений.

Быстро прошло время учёбы в аспирантуре. По завершении последнего летнего сезона аспирантского срока Геннадий уложил в чемодан журналы с первичным материалом и отбыл в село, к родителям. В светлое

время осеннего дня занимался физическим трудом, а с наступлением ночи приступал к написанию научного текста. Тишина сельской ночи и полная отчуждённость от окружающего мира – всё было сужено до поверхности стола, освещённого мягким светом керосиновой лампы, – резкое электрическое освещение ночью обычно отключалось. В этой благоприятной атмосфере был подготовлен черновой вариант диссертации. За день до окончания аспирантуры он принёс своему руководителю уже отредактированный текст. Посмотрев на него потеплевшими глазами, Татаринцев взял папку с рукописью, перелистал её всю до последних страниц и, убедившись в том, что она заканчивается списком литературных источников, на чистом листе бумаги написал справку о том, что диссертация в законченном виде находится у него на прочтении.

– Отнесите её в учебную часть, и вы получите дополнительный отпуск.

Вскоре после защиты кандидатской диссертации Щербенёв решил претворить в жизнь идею, пришедшую к нему по возвращении из Академгородка в Новосибирском наукограде. Он твёрдо ступил на путь научных исследований, хотя ему предлагали стать преподавателем в родном институте, мечтая работать с учёными такого уровня, как Николай Тимофеев-Ресовский.

Не забылась та атмосфера, в которой рождались идеи и строились гипотезы, кипела научная мысль. Были предприняты практические шаги по поиску нового места работы в

одном серьёзном академическом институте, но там царила далеко не творческая обстановка для исследований. К тому же Мичуринск более подходил для научных изысканий, чем холодный Новосибирск.

Селекционер должен обладать энциклопедическими знаниями, хорошо знать не только селекцию и генетику, но и многие смежные науки: физиологию, химию, ботанику, почвоведение и т.д., иметь крепкое здоровье и большое трудолюбие, быть марафонцем.

Геннадий Щербенёв сразу же столкнулся с трудностями. Так, в первом гибридном саду ему не удалось отобрать ни одной ценной формы. Во втором уже обозначились экземпляры, превосходящие по отдельным признакам районированные сорта, но и они не могли претендовать на высокое звание – стать сортом.

Всё чаще у молодого учёного стала возникать навязчивая мысль: «Не состоялся я как селекционер! Ничего не получится».

Обидно было ему сознавать свою неудачу, но планку требований к своим питомцам он не снижал – отбор был жестоким, сам перед собой не хитрил и поблажки не давал.

Только в третьем саду добился успеха – годы ученичества закончились, и наступила пора зрелости.

Первый выведенный сорт «Раннее утро» сразу же вызвал интерес у потребителей яблок. Плоды этого сорта открывают сезон потребле-

ния яблок в свежем виде – почти на неделю сокращается безвитаминовый период.

Следующий сорт «Анзирское», названный так в честь его родного села, получил признание в районах с суровым климатом, отличающемся высокой урожайностью (у яблони довольно часто от обильной нагрузки почти полностью разрушается крона).

При подборе имени сорта Геннадий Щербенёв старался связать его с историей страны или своей жизни. Так, один из них получил имя «Барятинское» – это в честь князя А. Н. Барятинского, победоносно завершившего Кавказскую войну 1854 года. В то время когда в гибридном саду выделился сеянец с красивыми плодами удлинённой формы и высокими вкусовыми качествами, на Кавказе шла новая война, первая чеченская. Война началась бездарно, из-за этого погибали молодые парни. И Геннадию Яковлевичу хотелось напомнить об этом полководце, который доказал: войну выигрывают не только отвагой солдат, но и умом командующего. Имя этого полководца незаслуженно забыто.

Один из сортов назвал «Цветаевское» в честь великого поэта Марины Цветаевой. История появления этого названия яблони с плодами новой формы необычна. В первый год работы селекционером Геннадий Щербенёв ощутил, что знаний, полученных в сельскохозяйственном учебном учреждении, не хватает, и попро-

сил руководство послать его в лучший университет страны прослушать курс лекций по генетике у высококвалифицированных учёных. Директор одобрил и вскоре послал для накопления знаний в Москву.

А в это время в столице ширилось увлечение поэзией Марины Цветаевой. От большой поклонницы творчества поэта И. С. Исаевой Геннадий узнал о том, что в его родном городе Елабуге похоронена Цветаева. Школа, в которой учился, находилась совсем

рядом с домом, где она жила в последние дни жизни. Так и пришло красивое название одного из выведенных сортов яблони – «Цветаевское».

Но первая попытка оказалась неудачной – дерево, получившее сортовое название, в одну из суровых зим вымерзло. Вскоре среди заплодоносивших растений выделился сеянец с крупными тёмно-красными плодами, плотной мякотью и продолжительным сроком потребления в свежем виде. В нём произошло сочетание признаков, отражающих характер поэта. Материнским сортом был старинный поволжский сорт «Анис алый» (в переводе с тюркского «блестящий», «прекрасный»), ассоциируемый с глубокими корнями рода Цветаевых. Вторым сортом был «Старкримсон» («Красная звезда») – космополит, завоевавший мировое признание, прежде всего за величину плодов, густую тёмно-красную окраску. Плоды сорта «Цветаевское» объединяют лучшие качества «родителей». От «Аниса» унаследован богатый вкус, плотная мякоть и, самое главное, большая прочность генетической системы и способность адаптироваться (приспосабливаться) к широкому диапазону внешних условий. От «Красной звезды» («Старкримсон») новому сорту яблони передались крупноплодность и тёмно-красная окраска кожицы, но в сочетании с алой окраской плодов «Аниса» плоды приобрели ещё большую привлекательность.

Во время первых Цветаевских чтений в городе Елабуге, на которых селекционер Щербенёв присутствовал в качестве почётного гостя, пришла ему другая идея – сконструировать рябину, объединить в одном экземпляре три природных составляющих. Прежде всего красную рябину, неоднократно упоминающуюся поэтом в своих стихах:

*Мне и доньне
Хочется грызть
Жаркой рябины
Горькую кисть...*

А также черноплодную и современный сорт «Алая крупная» – продукт селекции того времени, когда началось победоносное вхождение в нашу жизнь сокрушающей силы поэзии Цветаевой. И если мрачная нижняя часть

дерева выражает чёрные силы, толкнувшие к трагедии, то вершина, горячая от насыщенной окраски алых, крупных гроздей, олицетворяет торжество и всемирную значимость творчества поэта. И это получилось.

В 2006 году в институтском саду были высажены молодые деревья сорта «Кижеватовское», и в первый же год они покрылись розовато-красными плодами. Непривычно видеть на небольшом деревце с гибкими ветвями, только что вступившем в жизнь, розово-красные плоды с чётко выраженными на их кожице белыми точками. И теперь у всех есть возможность, срывая с веток отечественных сортов плоды с оттенками живого пламени, склонять головы перед памятью героя, отдавшего жизнь за нашу Родину. Плоды с названием сорта «Кижеватовское» впервые демонстрировались на 1-й Всероссийской выставке «День садовода» в г. Мичуринске (2006) и по праву были выставлены в центре экспозиции – герои должны не исчезать из нашей жизни, а находиться рядом с нами, помогая сегодняшнему поколению, а также и последующему противостоять суровым будням повседневности.

Растёт в садах Мичуринска яблоня с именем легендарной личности XX века, гениального биолога, крупнейшего генетика Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского. Николай Владимирович проявил благородство и примирил долго враждовавшие между собой два направления в биологии: «мичуринских творческих дарвинистов» с бывшими «вейсманистами-морганистами». Учёные города Мичуринска не могли не оценить столь благородного поведения Николая Владимировича и вывели сорт яблони с названием «Ресовское».

Геннадий Щербенёв сумел воплотить в жизнь свою мечту. Он руководствовался следующими понятными и простыми принципами: человек должен постоянно работать над собой: укреплять дух, закалять и совершенствовать тело, оттачивать ум, обогащать его знаниями, усваивать и перерабатывать опыт предыдущих поколений.

Александр СЕРГЕЕВ

Николай ДЕНКЕВИЦ

Родился в 1954 году в Куйбышеве. В 1976 году окончил Куйбышевский политехнический институт имени В. В. Куйбышева, в 1991 году – экономический факультет Всесоюзного заочного финансово-экономического института.

Инженер-электрик, экономист. Много лет работал на Куйбышевском нефтеперерабатывающем заводе, прошёл путь от электромонтёра до главного энергетика завода. Ветеран труда. Почётный энергетик России.

Первое стихотворение сочинил в тринадцать лет.

Публиковался в журналах: «Free Тайм», «Русское эхо», «Вторник», «Великороссъ»; в литературных альманахах: «Арина НН», Российского союза писателей «Поэт года», «Стихи», «Антология русской поэзии – 2018». Автор поэтического сборника «Душа» (2021).

Участник Второго открытого чемпионата Балтии по русской поэзии (2013). Номинант национальной литературной премии «Поэт года». За вклад в развитие русской литературы награждён медалью «Александр Пушкин. 220 лет». Член Российского союза писателей.

Живёт в России, в городе Самаре.

ВЕЧНЫЕ СТРАННИКИ

Плывут по небу облака.
Куда вас гонит ветер странствий?
Жизнь – это вечная река,
Не существует постоянства.

Грустит бездомная луна,
Блуждая в чёрной бездне ночи,
По жизни ты всегда одна,
И лишь костюм твой позолочен.

Бродяга-ветер, пилигрим,
Для всех приносишь перемены
И вдаль уносишься, как дым,
Храня от глаз свои измены.

Твоя душа и только ты,
Какой тоской всегда томишься?
Ведь помыслы твои чисты,
К Творцу, наверное, стремишься.

* * *

Радости нет без печали.
Константин Бальмонт

Всё связано в нашей природе.
И радость не знает границ,
И чувства подобны погоде,
И райское пение птиц.

И старость как возраст печали.
И ты сознаёшь, что пора,
Харон уже ждёт на причале,
Неважно, что было вчера.

Душевные струны звучали,
Но смех покидает тебя.
Как «радости нет без печали»,
Так ночь не приходит без дня.

НИКОГО НЕ ВИНИ

*Перенеси с достоинством то,
что изменить не можешь.*

Луций Анней Сенека

Жизнь жестока порой,
Оставайся собой
И не жди от неё ты улады.
Как ты можешь судить?
Трудно всё изменить,
И от зноя не требуй прохлады.
Смерть нельзя отменить.
Блиzkих нет. Надо жить,
Не беги от продажного века.
И с душою не спорь,
И себя не позорь,
Береги ты в себе человека.
Никого не вини
И судьбу не кляни,
Твоя песня ещё не допета.
Честно крест свой неси,
Никогда не проси
И не жди ты от Бога ответа.

* * *

И молодость моя, как старость, тяжела.
Джордж Гордон Байрон

На кладбище ты не найдёшь ловушек,
Здесь нет страстей, ни боли, ни интриг,
Здесь не обманут и не плюнут в душу,
Здесь ты поймёшь, что жизнь зашла в тупик.

И ты вкусил и беды, и победы,
И у тебя есть кладбище в душе,
Где похоронены твои надежды,
Есть миг, и время не вернуть уже.

Морщинами изрезан лоб надменный,
Ты сознаёшь, что близких больше нет.
Остался ты один во всей Вселенной,
Перед Творцом тебе держать ответ.

И жизнь твоя не в праздности прошла,
«И молодость, как старость, тяжела».

ЦЫГАНСКАЯ ГРУСТЬ

Город вымер. Ни души.
Это всё «корона».
В гости к Богу не спеши,
Просто нет резона.

На дворе в грязи листва.
Сумрачны рассветы,
Но душа твоя жива,
Ждёт прихода лета.

Ты ушёл в загул лихой.
Где же Божья воля?
Воет только ветер злой.
Рабья наша доля!

Словно это не с тобой,
Плачет горько скрипка,
И горит душа тоской,
Под ногами зыбко.

БОСЯК

Легковерных надежда зовёт за собой,
Но тебя не спасёт даже чудо.
И тебе жизнь казалась уж слишком простой,
Но разбилась, как бьётся посуда.

Ни кола ни двора за душой босняка,
И свободен по жизни, как птица.
Отсидел ты свой срок от звонка до звонка,
Словно вырвал из жизни страницу.

Разорвать ты не в силах свой замкнутый круг,
Вот, как лодка, привязан к причалу,
А причину тебе осознать недосуг:
Плохой плод от плохого начала.

* * *

Из зеркала смотрел ты без изъяна,
Как старое добротное вино,
Когда про возраст знать вам не дано,
И обликом похож на капитана.

Тебе не надо напускать тумана
И в зеркале искать двойное дно,
И если умереть вдруг суждено,
Реальность зеркала – всё без обмана.

Глаза людей и для тебя загадка:
Смотри в глаза, как в «зеркало души»,
Мгновение, им верить не спеши.

Ты в жизни роль свою играй украдкой.
Твоё лишь сердце может всё понять
И красоту, уродство распознать.

* * *

*Если мы хотим пользоваться миром,
Приходится сражаться.
Марк Туллий Цицерон*

И день уж на излёте, догорает.
Война как тяжкий груз людских грехов,
Но раздаётся звон колоколов,
Гоня мечту утраченного рая.

На поле боя солнца луч играет,
И неба синь, и стая облаков,
И «Град»¹ разит безжалостно врагов,
Закат в крови – он тихо умирает.

«Гремит оружие, молчат законы».
И к миру двух враждующих сторон
Зовёт печальный колокольный звон.

Приказ понятен: «Не жалеть патроны».
За хрупкий мир заплатим мы сполна.
Запели птицы, и пришла весна.

* * *

*Свобода – это не то, что вам дали.
Это то, что у вас нельзя отнять.*
Вольтер

Поэт свободе посвящает оды,
И страстно воспекает бунтарей,
И называет их «гроза царей»,
Свобода и сегодня входит в моду.
Майданы не дадут тебе свободы,
Ты только пешка в шахматной игре,
Где власть невежд глаголет о добре:
В крови готова утопить народы.
Как госпожа, ведёт себя судьба,
Прожитый день тобой чернее смоли,
И на устах застыла лишь мольба.
Не плачь, мой друг, не жалуйся на долю.
Ты вытрави из разума раба
И душу отпусти свою на волю.

БЕЗМОЛВНЫЙ НОЯБРЬ

*Всему своё время,
и время всякой вещи под небом.*
Еккл. 3:1-8

Запах прелой листвы источают сады.
Серый месяц – ноябрь. Луж ажурных –
хрусталь.

Опустели леса, отцвели уж цветы,
И всё небо закрыла туманная хмарь.
Умирает природа естественно,
Завершая годичный свой круг.
Первый снег так ложится божественно
На пожухлый бессолнечный луг.
И уже не поют в соснах страстно ветра.
Стаи птиц улетели в другие края.
И безмолвный ноябрь – вся природа мертва,
Расстаётся со всем, что отжило себя.
И приходит печаль одиночества,
Словно жизнь свою выпил до дна,
Но нашёл ты чужое пророчество,
Чтобы истина стала ясна.

¹ РСЗО «Град» – советская и российская реактивная система залпового огня калибра 122 мм.

A black and white photograph of a horse standing in a misty field. The horse is dark-colored and is facing right, looking down. The field is covered in tall grass, and the background is a dense mist or fog, with some faint outlines of trees or structures visible in the distance. The overall mood is somber and reflective.

Шесть лет мне...

РАССКАЗ

Над заводским посёлком сгустился синий сумрак, под жёсткими подошвами похрустывали успевшие схватиться ледком лужицы, и низко над землёй сияли крупные звёзды.

Я зашёл в барак, отпер обитую толем дверь комнаты, где жил один после смерти матери, включил свет, разделся и лёг на кровать. Увеличенный каким-то расхожим фотографом её портрет смотрел на меня со стены. Она умерла четыре месяца назад, в начале зимы, и до сих пор я не мог привыкнуть к своему сиротству. Но человек никогда один не остаётся, и если у него нет настоящего и будущего, то всегда до последней минуты с ним его прошлое, и от него никуда ему не уйти.

И временами оно выплывает из памяти, волнуя сердце, и мне кажется, что я не из прошлого вышел, а из какого-то морока, похожего на весенний туман-снегоед, густой и молизивый, дожёвывающий остатки сугробов по укромным местам, где ещё прячется зима.

И позади меня туман, и впереди туман. И жизнь – это всего лишь короткая перебежка по солнечной поляне из одной непроходимой чащи в другую. И всё-то есть на этой поляне: и свет, и тьма, и цветы, и задубелый репейник, и тропок на ней видимо-невидимо, а всё же ты торопишься по своей единственной и на другую ни за что не перепрыгнешь.

И сейчас вот опять отчётливо вспыхнуло – лысые каменистые сопки, обдутые жёсткими ветрами, поросшие мелкой полынью и махалками ковыля. Внизу, в распадке между возвышенностями, – шахта. Чёрный конус террикона. Кривые улочки, ползущие вверх по склонам, насыпные и саманные домишки, бараки.

Свой барак, первый в жизни, потом были и другие, я хорошо помню. Комната узкая, как траншея, грязное от угольной пыли окно, одна на двоих с матерью койка, печка. Всё это потом повторялось не раз, только в других местах.

В бараке жил народ сборный. Вербованные, которых привезли в Сибирь из России, в лаптях, с быстрым цокающим говором, местные из разорённых деревень, демобилизованные фронтовики, всякая другая приклатнённая публика. На отшибе от посёлка ошетилилась колючей проволокой лагерная зона, где сидели пленные немцы.

Я довольно равнодушен к деньгам, наверное, потому, что моим первым воспоминанием были деньги, мешки денег, завалы пахнувших типографской краской пачек денег в банковских упаковках. Мама работала кассиром и в дни выдачи зарплаты задерживалась допоздна, пока не выдаст всю наличность. Я был с ней частенько, засыпал где-нибудь в углу кассы на мешках с деньгами.

По тем временам кассир был заметной фигурой. Маме выдали белый полушубок, валенки, она ездила в банк с двумя автоматчиками, в кошёвке, а в оглоблях приплясывал призовой жеребец, шахтная знаменитость, упругий, как пружина, Зайчик.

Однажды конюх и шофёр единственной на шахте полуторки поспорили, кто вперёд добежит до станции, что была в десятке километров, конь или грузовик. Так вот, Зайчик шутя обошёл старую, разбитую на военных дорогах полуторку. После этого о жеребце стали ходить легенды, и можно себе представить мою радость, когда я впервые увидел маму в кошёвке между двух розовощёких парней с автоматами, а главное, Зайчика, который, чуть отвернув набок голову и приплясывая, шёл мимо поселковых развалюх.

– Одевайся, Вася! – сказала мама. – Поедем со мной в город, надо сапоги тебе к весне купить.

Я обрадовался до немоты. Не далее как вчера я просился у неё прокатиться, а тут счастье такое свалилось нежданно-негаданно. Я быстро оделся и выбежал на улицу.

Конюх Артём сидел на облучке в шубе-борчатке и курил козью ножку. Солдаты, закинув за спины автоматы, разговаривали, загородив тропинку, с вербованными девушками.

Я подошёл к Зайчику и почувствовал, как от того остро пахнет потом и свежим сеном. Жеребец нервно переминался с ноги на ногу,

косил злым лиловым глазом, из ноздрей струились белёсые завитки пара.

Сбруя на Зайчике была добротной работы, надраенные медные кругляшки сияли от утреннего зимнего солнца, и казалось, жеребец был не в сбруе, а в панцире. От нервных движений Зайчика кожаные ремни скрипели, а под дугой, расписанной синими птицами, позванивал колокольчик-шаркунец.

Народу на улице было мало, и я жалел, что меня, гордо восседавшего на облучке рядом с Артёмом, почти никто не видит. Зайчик осторожно шёл под гору, всхрапывая и оседая на круп. Остро светило солнце, и пахло угольным дымом из протопленных утром печей.

Посёлок был невелик. За вентиляторной подстанцией, которая гудела всей утробой, засасывая в шахту свежий воздух, мы свернули в чахлый березнячок.

– А что, Васёк, не боишься, как ведмедь вдруг выскочит из-под пня? – толкнул меня в бок Артём и ощерился чёрным цинготным ртом.

– У нас же ружья, – ответил я и покосился через плечо назад.

Мама сидела между солдат, закрыв ноги тяжёлой, цвета бычьей крови попоной.

Она слышала, что сказал Артём, начала рассказывать.

– Перед войной, летом тридцать девятого, поехала, как сейчас, за деньгами для леспромхоза. Еду по стлани, брёвнышки подо мной постукивают. Задремала чуток, жарко было. Вдруг чую – встала моя Карюха. Гляжу, сбоку медведь к нам топает. Карюха повела ушами, как дёрнет... Я кувырком на дорогу, а лошадь и деньги, тысяч тридцать было, убежали от меня. Протёрла глаза, а он метрах в тридцати от меня сидит на пеньке, как человек. Я от него, он за мной. Я останавлиюсь. Он остановится. Так и играли, может, полдня. Потом он поднялся и пошёл в лес. А через минут десять машина подошла наша, леспромхозовская. А Карюха отбежала с километр и на полянке пасётся, и деньги целёхоньки...

– Это он тебя, Евдокия, в жёны хотел взять! – заржал Артём. – Медведи, они сластники, мёд, малина, ну и это самое...

Низкий березнячок был мне знаком. Прошлым летом меня сюда заманили подростки и отняли новую тубетейку. И хитро так заманили. Я скучал по бабушке, мне сказали, что она живёт за лесом. Так и попался. До сих пор было жалко тубетейки. Так первый раз в жизни меня обманули.

Город оказался тесным скопищем грязных домов, над которыми кружились, словно копоть, стаи крикливых ворон.

Сначала пошли насыпухи, кривобокие с рваными толевыми крышами, бараки, окружённые колючкой и вышками и без этого окружения, дырявые, с надолбами жёлтого льда сортиры, чахлые деревья на обочинах, потом впереди замигал светофор, стало гуще машин и людей. Зайчик нервно всхрапывал и скользил подковами по льду. Артём, сдерживая жеребца, покрепче накрутил вожжи на руки.

За светофором улица расширилась, из-за угла, позванивая, вынырнул трамвай. Вагоны были битком набиты людьми, они висели в дверях и даже сзади последнего вагона.

– Самый центр! – Артём кивнул в сторону громадного белого здания, перед которым стоял высоченный чугунный человек в шинели до пят. Я посмотрел и увидел на торце белого дома портрет этого же человека, только нарисован он был не в шинели, а в кителе. Голова его занимала два верхних этажа, потом шло туловище, штаны с красными лампасами и блестящие сапоги. Лицо у человека было спокойное и доброе. С отеческим вниманием он смотрел на центральную площадь, внимая каждому взгляду.

У здания Госбанка было тесно от множества саней и автомашин. Кассиры со всей округи съехались за деньгами для шахтёров, рабочих и охранников. Автоматчики сразу углядели среди других солдат своих земляков. Артём разговорился с конюхом из соседней шахты, а мама заняла очередь в кассу и повела меня на вещевой рынок.

...Безногий инвалид на деревянной коляске пел возле входа, подыгрывая на балалайке:

*В ноги бросилась старуха,
Я её прикладом в ухо.*

*Старика прикончил сапогом,
Да! Да!..*

Несмотря на мороз, калека был в одном пиджаке, из-под которого выглядывали тельняшка и синие наколки. Рядом с ним лежала шапка, в которой поблёскивала мелочь. Ему подавали, но мало и редко.

Вокруг торговали и покупали, перед моими глазами мелькали пальто, шапки, шарфы, рукавицы, телогрейки, отрезки материала, кружева, ковры, различные вышивки. В углу барахолки мычала и блеяла выставленная на продажу скотина. Возле пивнушки толкались и матерились пьяные мужики, и к ним неторопливо двигался милиционер.

– Атас! Краснопёрый!

Мужики враз угомонились. Милиционер внимательно осмотрел очередь и выдернул из неё тощего мужика с зелёным лицом. Шапка свалилась с головы мужика и упала в снег. Пробегавший мимо пацан с размаха пнул её в толпу. Мужик кинулся за ней, милиционер следом, а вокруг, радуясь бесплатной потехе, хохотал народ.

Обувной ряд был жидковат, всего два десятка продавцов. Торговали валенками, чинёными ботинками, латаными сапогами. Мама прицелилась к одним сапогам, но продавец заломил несусветную цену. Поторговалась и отступилась.

– Ладно, – сказала она мне, – закажу тебе резиновые на шахте.

Я обрадовался. Мне нравились сапоги-самоклейки, которые были в моде у шахтёров. Их делали из резиновых автокамер.

В продуктовом ряду она купила миску горячей картошки и солёный огурец. Поели с куском своего чёрного хлеба, притулясь к ларьку, и запили обед общественным кипятком из бака.

У покосившихся ворот безногий инвалид продолжал петь, потряхивая белой от инея головой.

У банка народу и саней стало поменьше. Артём лежал в кошёвке на соломе, укрывшись попоной, и дремал. Солдаты курили и хмуро смотрели по сторонам. Старший из них глухо сказал:

– Надо до темноты вернуться на шахту. У нас инструкция...

– Сейчас, сейчас! – заторопилась мама. – Очередь, наверно, подошла.

Она ушла в банк. Через полчаса позвала солдат, и они вынесли из банка деньги. Три мешка да ещё продуктовую сумку.

Артём протёр покрасневшие от дремоты глаза, попрыгал, постукивая себя в обхват руками, чтобы согреться, и сел на облучок.

Из города выехали, когда уже свет начал меркнуть. Солнце проваливалось в огромную багряно-синюю тучу, затянувшую горизонт, снег и иней на деревьях стали голубыми. Отфыркиваясь, Зайчик ходко нёс кошёвку по жёсткой дороге, полозья посвистывали, морозный воздух щипал ноздри, и я с интересом посматривал по сторонам, пытаюсь угадать, кто оставил следы на обочинах дороги.

– Иди сюда, – сказала мама, – а то замёрзнешь...

Я перелез через облучок, закутался в попону с головой и лёг на солому между жёстких, с острыми углами мешков с деньгами.

Суматошный день утомил меня. Мягкая езда убаюкивала, события дня проходили как в кино, ярко и живо, это была сладкая дорожная дремота, которую познаёт только усталый, измотанный человек.

Мне грезились милиционер на толкучке в жёсткой, оттопыренной по сторонам шинели, человек с зелёным лицом и остриженной наголо головой. Человек без шапки бежал от милиционера, но тот, бухая тяжёлыми валенками с галошами, не отставал от беглеца и красной от мороза пятернёй срывал с кобуры клапан. Чёрный пистолет взлетел в руке над толпой.

– Трах! – с хрустом сломался выстрел.

Кошёвка ударилась во что-то мягкое, её развернуло в сторону, и я полетел головой в сугроб.

Пуля попала Зайчику в голову, он сделал несколько судорожных прыжков и рухнул поперёк дороги, перевернув сани.

Несколько минут над полем стояла тишина. Потом, громко вскрикнув, заматерился Артём:

– Ах, мать вашу! – И тише: – Ногу, кажись, сломал. Все живы, что ль?..

Солдаты вжались в сугроб, выставив впереди себя автоматы.

– Лежать! – крикнул Артём, увидев, что мама хочет подняться. – Ты ползком к нему, Дуся, ползком...

Зарываясь в снег, она поползла ко мне. На её движения из леска ударил выстрел. Пуля впустила сугроб и ударилась в дерево.

– Кто это? – спросила мама.

– Кто-кто!.. – прошипел Артём. – Дезертиры!.. Лежите тут, не высовывайтесь. Как-никак два автоматных ствола. А ну-ка, хлопцы, вжарьте по кустам у сломанного дерева...

Автоматы ударили раскатисто и гулко. В кустах от посыпавшегося с ветвей снега закружилась белая пыль. В ответ никто не стрелял. Выждав минут десять, солдаты для верности ещё раз обстреляли кусты и осторожно вышли на дорогу. Хромая, к ним подошёл Артём, осмотрелся по сторонам и махнул рукой:

– Выходи!

Поддерживая друг друга, мы с матерью выбрались на дорогу. Она кинулась к саням. Слава богу, деньги были на месте.

Артём, сняв шапку, стоял над мёртвым Зайчиком. Жеребец лежал на боку, в его неподвижных глазах безжизненно отражался свет луны, и начавшая погуливать позёмка шевелила хвост и гриву.

– Всё, отъездился! – вздохнул Артём, надел шапку и, достав из кармана нож, начал снимать с жеребца сбрую.

– До утра от него одни кости останутся, – сказал автоматчик, бросая в сани хомут. – Я на втором посту стоял, рядом с посёлком, так отбою не было от одичавших собак.

– Эти твари пострашнее волков будут, – подтвердил другой солдат. – Огня не боятся, оружие чувствуют и прячутся.

– Во всём война виновата, – сказал Артём, связывая оглобли вожжой. – И люди одичали, и звери. Войны как три года нет, а дезертиры всё по лесам шастают. Неделю назад магазин на станции обворовали. Да и то, куда им теперь податься? У них жизнь, как чемодан, куда ни кинься, везде крышка. Ну, запрягайтесь, что ли...

Кошёвку с деньгами и сбруей волокли до шахтного посёлка на себе. Я шёл, уцепившись одной рукой за маму, а другой за сани. Пришёл я в себя только на окраине посёлка.

Возле конторы было много людей. Шахтёры ждали получку и не расходились. Деньги перенесли из саней в кассу, и мать начала выдавать зарплату, а я уснул на шубе в углу, рядом с батареей отопления.

Поговорили о нападении на кассира в посёлке да и забыли. Новое горе заслонило старое. Говорили, что взорвался метан. Целый месяц трупы из шахты доставали. На розвальнях завернутых в мешковину мёртвых везли в посёлок.

Я бегал смотреть к шахте, но близко к огромному сараю, где гроыхала клеть главного ствола, не пускали. Вокруг стояло оцепление. Солдаты отталкивали зарёванных баб, огромные овчарки рычали на толпу и рвались с поводков.

Оцепление размыкалось, когда нужно было кого-нибудь опознать или забрать домой мёртвого «вольняшку», а эков сразу везли на кладбище, где их кое-как закидывали мёрзлой землёй.

Пришла весна, тусклая в этих краях, сиротская, и на посёлок с кладбища потянуло сладковатым запахом. Вода размывала зимние могилы и обнажила человеческие останки. Кто постарше и посмелее, ходили на них смотреть, но я не отходил от барака, слышал только, как с террикона, грохоча, проковылял мимо барака трактор с широким лобовым ножом, сгрёб трупы в овраг и заровнял их тяжёлой мокрой глиной.

С весенним теплом население барака оживило, люди стали чаще выходить на улицу, рассаживались на завалинках и скамейках. Бабы искались – вычёсывали друг у друга вшей, мужики играли в домино, а я в сапогах-самоклеях бродил по лужам, в которых плавало растопленное солнце.

Весна и лето прошли безмятежно, и ни один из этих дней не оставил в памяти язвущей занозы. Но, как говорится, у Бога всего много.

...Ещё не пали зазимки, как однажды мать, придя среди дня с работы, начала собирать вещи.

Я смотрел, как она заталкивает в мешок простыни, наволочки, полотенца, платья, и ни-

чего не понимал. Завязав мешок, мать села и заплакала, прижав меня к себе.

– Я должна ехать, – сказала она. – Ты проживёшь пока у дяди Артёма. Потом я приеду. Вот устроюсь на новом месте и приеду за тобой.

Расставание с матерью меня не огорчило, я даже обрадовался, что буду жить у Артёма и ходить с ним на конюшню.

Вечером, когда стемнело, мы подошли к низкому покосившемуся домику на краю посёлка. Мать постучала в окно. Артём вышел в накинутом на плечи полушубке, взял мои вещи и спросил мать:

– Зайдёшь?

– Некогда. С углевозом до города доберусь, а то опоздаю.

– Ну давай! Ты не забывай нас, пиши.

Мать поцеловала меня и быстро пошла к шахте, где, отфыркиваясь, пятился к составу, гружённому углём, паровоз.

Мы с Артёмом постояли, пока паровоз не свистнул и не потянул вагоны.

– Ну, вот, – сказал Артём. – Проводили мать, пойдём теперь в избу.

Вера, жена конюха, приняла меня с жалостливой теплотой. Накормила и уложила спать на печи за ситцевой занавеской. Я долго не мог заснуть, прислушивался к завыванию ветра в печной трубе. Мне было жёстко и неудобно. Чужой дом, чужие, хотя и знакомые люди. Я не мог понять, почему попал сюда, почему уехала мать, почему не сказала, когда вернётся.

На следующий день после обеда Артём взял меня с собой на конюшню. По узкому, петляющему, как горный ручей, проулку мы спустились к шахте. У столовой Артём остановился, купил себе кружку пива, а мне стакан морса.

Напротив в конторе сустились люди. Через окна было видно, как в кабинет начальника шахты сносили кипы каких-то бумаг и затаенный в ремни военный курил на крыльце длинную папиросу.

К нему-то Артём меня и подвёл.

– Вот сын кассиршин, – сказал он.

Военный щелчком пульнул папиросу на середину дороги и сбежал по ступеням, скрипя кожей ремней и сапогами.

– Как тебя зовут? – спросил он, садясь передо мной на корточки.

– Вася...

Я с любопытством смотрел на военного, мне нравилась его суконная гимнастёрка, а особенно револьвер в кожаной кобуре.

– Ничего он не знает, товарищ лейтенант, – сказал Артём, заворачивая козью ножку. – Она привела его ко мне, а куда девалась, зачем...

Конюх выразительно пожал плечами.

– Помалкивай! – сердито сказал военный. – Иди за угол и подожди.

Лейтенант сел на ступеньки и посадил меня на колени.

– Где ты сейчас живёшь?

– У дяди Артёма.

– Не обижает он тебя? А то мы его накажем!

– Не, он добрый. У него Зайчик был, тот, которого дезертиры застрелили. А сейчас мы на конюшню идём...

– Слушай, Вася, мать когда уехала?

– Вчера вечером. Мы с дядей Артёмом стояли, пока углевоз не ушёл. На нём и уехала...

– А куда поехала, не говорила?

– Не... Сказала, что приедет скоро, и всё.

– Ну ладно, – подумав, сказал лейтенант. – Иди, гуляй. А ты, конюх, ко мне!

О чём говорили Артём и военный, я не слышал, только видел, как конюх пожимал плечами, чесал затылок, бил себя в грудь, потом повернулся и пошёл. Лицо его было мрачным.

– Пойдём! – сказал он. И, помолчав, добавил: – Может, отвяжутся...

– А что ему было нужно? – спросил я, забегая вперёд.

– Да так, ерунда, – сказал Артём и погладил меня по вихрастой голове.

В конюшне было сумрачно и тепло. Пахло свежим сеном, солнечные нити, пробиваясь сквозь нечастые оконца, трепетали на деревянных перегородках денников.

– Пойдём в конюховку, – сказал Артём, – сейчас нет лошадей, все на работе.

В конюховке топилась печка, на крюках висела сбруя, пахло кожей и дёгтем. На столе

лежали остро наточенные ножи, шила различных размеров, толстые нитки и узко нарезанные ремешки.

– Вот тут и будем работать, – сказал Артём, снимая хомут с гвоздя. – Сбруя, Василий, на лошади должна быть, как парадный костюм жениха. Ты что будешь делать?

– Я кнут хочу сделать.

– Так за чем же дело? – улыбнулся Артём. – Всё перед тобой. Бери и делай.

Я выбрал в углу ровную палочку для кнутовища, взял со стола ремешок и сел на скамейку.

– Дядь Артём, – спросил я, – правда, что в шахте лошади работают?

– Почти не осталось, – ответил конюх, – только на четвёртом участке. На электротягу шахту переводят.

– А эти лошади где спят?..

– Там и спят, под землёй. Они, брат, со временем, как поработают на добыче, умнее человека становятся. Конец смены – шабаш, хоть убей, не заставишь работать. Будущие обвалы чувствуют заранее, ржут, копытами бьют.

– И всю жизнь под землёй?..

– Под землёй. Слепнут без света. – И Артём запел приятным баском: «А молодого коногона везут с разбитой головой...»

...Уже зимой приехала моя родная тётя Варя и забрала меня к себе. О матери она ничего не говорила, как я её ни расспрашивал.

– Молчи! Потом узнаешь, – лепетала она и прижимала моё залитое слезами лицо к жёсткой вязаной кофте.

Мать вернулась в пятьдесят шестом году из лагеря с туберкулёзом и справкой, что она ни в чём не виновата. Оставшуюся жизнь она не жила, а тлела. Болезнь загоняли внутрь, но она была неистребима. Мать не высказывала ни осуждения, ни обиды за свою искалеченную жизнь, только иногда во сне вдруг начинала рыдать, и я соскакивал с кровати и будил её. Она вставала и начинала молиться. Под её шёпот я засыпал.

Николай ПОЛОТНЯНКО

Елизавета МАРТЫНОВА

Елизавета Сергеевна Мартынова (Данилова) родилась в 1978 году в Саратове. Окончила филологический факультет Саратовского государственного университета. Кандидат филологических наук. С 2008 года по настоящее время – главный редактор журнала «Волга – XXI век». Публиковалась в журналах «Наши современники», «Молодая гвардия», «Волга – XXI век», «Луч», «Вайнах», «Введенская сторона», «Русское слово» (Чехия), «Подъём», «Русское эхо», «Новая Немига литературная», «Сура», «Гостинный двор», «Отчий дом», «Молоко», в альманахе «Новые писатели России», коллективном сборнике «Новые имена в поэзии» (Москва) и других изданиях. Лауреат премии им. Юрия Кузнецова от журнала «Наши современники» (2008), годовой премии журнала «Сура» (2013, 2019), межрегиональной премии Николая Благова (2017), сайта «Росписатель» (2017). Автор книг «Письма другу» (2001), «На окраине века» (2006), «Свет в окне» (2009), «Собеседник» (2012), «Воздух дороги» (2017). Член Союза писателей России. Живёт в Саратове.

Нам только слово остаётся...

* * *

Написать небесную Россию:
Облака, туманы и поля,
Сумерки её, дожди косые,
Свет, которым полнится земля.

Так, чтоб пело сердце благодатью
И страданьем, горечью живой –
Дом родной, далёкий написать бы
Тонко над речною синевою.

Ни пером, ни акварельной кистью,
Только словом: осень и окно,
А за ним уже роятся листья,
Небо между звёздами темно.

Написать, как жизнь светло и просто
Смотрит в нас и не отводит взгляд,
Если от рожденья до погоста
Только прочерк – журавли летят.

Не поймашь их, не остановишь,
Только смотришь, смотришь в небеса,
Словно ждёшь томительную новость,
Слышишь дальних предков голоса.

Видишь лица за дождливой синью,
Перелётных ангелов житьё.
Напишу небесную Россию,
Горних обитателей её.

* * *

Не волна, не ручеек,
Не приречный соловей –
Вечер песнею истёк,
Позабыв о тьме своей.

В ней сияет при луне
Голубой листвою сад,
Словно всадники в огне,
Звёзды быстрые летят.

К небесам взойдёт опять
Между терний и трущоб
Слово – Божья благодать,
Слово – тёплое ещё.

Холод неба слишком строг,
Сизой ризою одет.
...Слову дан короткий срок,
Краткий срок – и долгий свет.

* * *

Не вспомнишь века Золотого
В эпохе трудной и скупой –
Сегодня умирает слово,
Развоплощённое толпой.

Оно уже подобно вещи
И продаётся на развес,
И ни к чему – твой голос вещий
И жизнь на краешке небес.

От прежнего мироустройства
Остался только в книгах след.
Но не читает книг потомство,
И друга в поколение нет.

И остаются только звёзды,
Земная призрачная твердь,
Ворованный небесный воздух,
Желанье жить, стремление петь.

Когда-нибудь ты станешь мифом.
Среди вранья и воронья
Прольётся соловьиным мигом
Вся жизнь, а с нею – песнь твоя.

* * *

Родины слепые пустыри,
Зеленью молочной свет наполнив,
Проникают ветром на балконы,
Шелестят на краешке зари.

Молочай, татарник, суета
Одуванчиков и желтоглазой пижмы –
В предзакатном свете всё подвижно,
И роса мерцаньем занята.

Как люблю я этот странный час,
С розовыми окнами напротив.
Пятница готовится к субботе.
Тополь в небе – чёрная свеча.

В бабушкиных окнах – тишина.
На площадке детской говор слышен.
Малышня играет между вишен,
Я сижу на лавочке одна.

Время здесь как будто бы стоит,
Жизнь и смерть сплавляя воедино.
Воздухом прошитая картина
Дышит – и прозрачностью манит.

Господи, оставь дыхание мне
Прежнее, живое, молодое,
Чтобы стать окраиной седою
В этом заревом её окне,

Чтобы чують запах земляной –
Дождевой, непознанный, щемящий.
Родина. Свет первый. Настоящий.
Жизнь, которая произошла со мной.

* * *

Чувство родины – чувство печали.
Здесь, где души земные темны,
Ходит вечер слепыми ночами
Коридором сырой тишины.

Прикоснись ко мне кроткой рукою.
Ты живёшь, как растение во мгле.
Ну а я – только тёмной рекою,
Речью чистой и бедной листвою
Буду в сердце твоём на земле.

Та река протекает над бездной,
Листья кружатся в тихой воде.
Только слово становится песней,
Только зёрна звучат в борозде.

И за гранью зимы неизвестной
Вспыхнет зрение спелой звезды.
Смерть исчезнет – она бесполезна.
Белый снег замечает следы.

* * *

Свет широко раскрытых глаз,
Разомкнутого окоёма –
И в нём распахнуто-огромна
Звезда, что смотрит прямо в нас.

Нет, человек не одинок –
С ним жизнь и смерть,
И запах весен,
Травы, дождя,
И, как цветок,
Он впитывает неба просинь.

Не повреди и не сорви
К тебе склонённой белой ветки.
Её привязанности крепки,
Что ей за дело до любви.

Сильнее – корни, немота
Земли, что прирастает нами.
Сильней, чем в чистом сердце пламя,
Её скупая нищета.

* * *

То ливень, то светлая вьюга
Из золота и серебра.
От них замирает округа,
В суровом старенье мудра.

Близки ей зима или осень,
Но только щемящей весной
Так невыносимо возносит
Она небосвод над собой.

Как будто бы мир накренился,
Как белый большой пароход –
Живым океаном открылся
Простор, что над нами плывёт.

И облако – белою чайкой,
И тонкий дымок от костра
Всё рвутся отсюда печально –
Такая приспела пора.

Пора уходить и влюбляться
В сиянье дорожных огней.
Давно разучилась прощаться,
И как попрощаться мне с ней –

Окраиной крепкой, корнями
Заботливо вросшей в меня?
Обнимет густыми дворами,
Косынкой взмахнёт – небесами,
Отпустит, в любви не вина.

* * *

Большие колокольчики лесов
Дрожат и держат на весу поляну.
Они звонят не поздно и не рано,
Но в час, когда не нужно больше слов.

Ведь в них речная гладь отражена
Такой, какую видим утром белым,
В них – блеск листвы, луч солнца загорелый
И человек, восставший ото сна.

И так понятен свет их синевы,
Их перезвон скупой сиреневатый,
Поющий из таинственной травы,
Что мы уже ни в чём не виноваты.

Мы правы тем, что рождены на свет
И счастье вместе с горем мы вдохнули,
И нас других и не было, и нет
Перед лицом прозрачного июля.

ОГОНЬ И СВЕТ

Но есть любовь – умение быть там, где
Ты нужен, как волна большой воде,
Плод – яблоне и пенье – соловью.
Когда я прорастаю жизнь твою.

Когда прикосновение к руке
Равно ветрам и пламени в реке –
Как феникс, воскресает синева,
Перетекая медленно в слова.

Есть я и ты в словесной глубине,
Как в сердце Бога, на одной волне.
Нет прошлого – и будущего нет.
Но есть река и сад, огонь и свет.

* * *

Когда себя раздаришь – слава Богу,
Уже не нужно больше ничего:
Есть только небо, поле и дорога,
До тишины влюблённая в Него.

Прощаешься, и вот за поворотом
Уходят двое в медленную тьму,
А ты лишь улыбнёшься отчего-то
Наполненному сердцу своему.

В нём окна жёлтые родительского дома,
И яблоки июльские в саду,
И девочка соседская знакома,
В песочнице играет на виду.

И звёзд песок над городом разбросан,
Как будто лёгкой детскою рукой.
И тонкий месяц серпиком вопроса
Встаёт над серебристою рекой.

Пускай другие ночи отвечают,
Любовь у них на сердце иль беда,
И шорох неба слушают за чаем,
И чаек крик, и что поёт вода.

Они живут, спешат ещё по кругу,
Их ночь впадает в утро не дыша.
Ты раздала себя, как по снежинке вьюгу.
Иди, пока чиста твоя душа.

* * *

Остановиться на минуту
На остановке угловой –
И отклониться от маршрута,
Увидеть птиц над головой –
Стрижей, что ножницами режут
Лоскут из тонкой бирюзы,
И позабыть про шум и скрежет
Трамвая – в шелесте слезы.
Глаза не закрывать от света,
Пусть мысли и слова текут.
Взять чистый лист – от неба это
Неровный призрачный лоскут.

* * *

Прохудилося мартовское небо.
Звёзды тонко смотрятся в прорехи –
Звёзды цвета зелени и снега,
Цвета слёз и золотого смеха.

Маленькую площадь освещают,
Памятник, влюблённых на скамейках,
Заинтересованы вещами,
И людьми, и даже травкой мелкой.

И пока темнеют переулки
И грачи кричат над парком «Липки»,
Звёздный луч выходит на прогулки,
Воздухом стремительным облитый.

Как прекрасна улица ночная
В час весны: небес лучится смальта,
И фонарь печалится, сияя
В серебре щербатого асфальта.

Драгоценный свет лежит на лицах,
Но тревога проблеснёт порою:
Громче и ясней, чем плачут птицы,
Пахнет родиной – землёй сырою.

* * *

Я зарастаю лесом и травой,
И дождь по чёрным листьям моросит
Брусничной кровью – тёмной и живой,
Черничным колокольчиком чудит.
На леску молний дерево поймав,
Мгновенно чаща преображена.
Серебряные кони диких трав
Летят, запутав в спешке стремена.
Себя ли я сама остановлю?
Я ведаю: стихия вся внутри.
Что я не жду, не помню, не люблю,
Грозе весенней ты не говори.
Сил было много:
Вырастила лес,
Прекрасных сосен красные стволы.
Синеет хвоя инеем небес,
Не ведая хулы и похвалы.

* * *

Подумай о лесе. Он сух и печален.
Он прячет себя в тишине.
В нём совы сверкают немymi очами
И сучья свистят в полусне.

Подумай о сердце. В нём небо и чаща,
Которой насквозь не пройду.
Пульсируют листья всё чаще и чаще,
И каждый из них – точно чёрная чаша,
Качает слепую звезду.

Подумай о доме: по-прежнему волен,
Летает ночами туда,
Где шорох волны, влажный звон колоколен
И небо поёт, как вода.

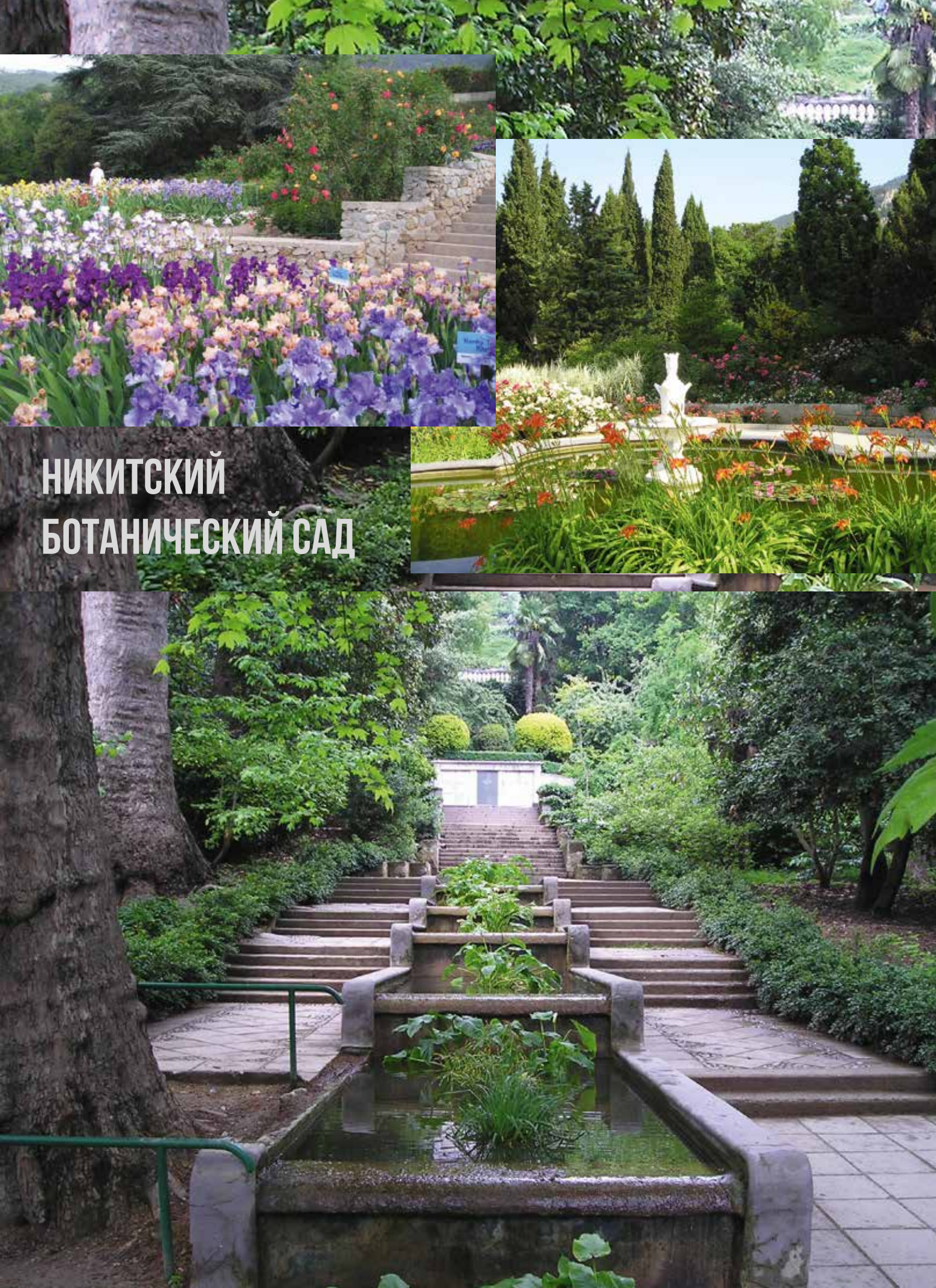
И сердце, и лес, и окно в чистом поле,
Его золотистая тьма...
Так что же тебе ещё нужно для боли –
Родной и сводящей с ума?

* * *

Весь воздух сер, и синь, и серебрист,
И запахами города расцвечен.
Но жизнь твоя – пока что чистый лист,
Не порван, не измят, не изувечен.

Ты ощутишь свободу, и весну
И тайный дар преображать предметы,
И жар земли, и неба тишину,
Росток травы и древнюю комету

Как близкое – руки не отводи,
Не отводи ни голоса, ни взгляда.
И облако души, прижатое к груди,
Окажется неумолимо рядом.

**НИКИТСКИЙ
БОТАНИЧЕСКИЙ САД**

